

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая страница командира

- В.М. Корякин.* О порядке присвоения воинских званий гражданам, поступающим на военную службу в органы военной прокуратуры и в военные следственные органы 2
- Д.Е. Зайков.* О некоторых вопросах привлечения военнослужащих и иных государственных служащих к административной ответственности (комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 года № 46) 4
- В.Ю. Чешко.* Дисциплинарное производство в отношении военнослужащих в Республике Беларусь: понятие и структура 15

Социальная защита военнослужащих

- С.С. Харитонов.* О соотношении законности и резонности при реализации военнослужащих права на профессиональную переподготовку 21

Военные аспекты гражданского и жилищного права

- В.В. Титов.* Совершение военнослужащими завещаний в чрезвычайных обстоятельствах 25
- Р.А. Жабровский.* Негативные аспекты деления закупки на части 33
- М.С. Шапошников, В.М. Шеншин.* О некоторых вопросах, возникающих в сфере исполнения должностными лицами воинских частей требований законодательства о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд при проведении аукционов 38

Военно-уголовное право и процесс

- Я.Н. Ермолович, Н.Е. Честнов.* Оправдательные приговоры и иные решения военных судов без вынесения приговора (анализ по итогам 2017 года) 45
- Н.Е. Степаненко, П.А. Кожевников.* Вопросы уголовной ответственности военнослужащих за самовольное оставление части или места службы 55

Дела судебные

- Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) 62

Правовая помощь военному комиссару и призывнику

- Я.О. Соколов.* Призыв на военную службу и ответственность по ученическому договору 79
- Я.О. Соколов.* Проблема направления граждан на медицинское освидетельствование до рассмотрения заявления о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой 83

Военные аспекты международного права

- В.В. Кудашкин.* Международные договоры Российской Федерации с иностранными государствами в области военно-технического сотрудничества 90

Точка зрения

- Е.А. Глухов.* «Военнослужащий обязан проявлять разумную инициативу...» – трудности правоприменения 100
- Д.Т. Нестеренко, А.В. Кудашкин.* К вопросу о сущности секретного изобретения и признании недействительным патента на него 106
- Г.Е. Слепко.* Влияние правового статуса военнослужащего на его иные специальные правовые статусы 110
- О.А. Овчаров.* Современные угрозы религиозного экстремизма и проблемы законодательного закрепления деятельности военного духовенства в России (вопросы совершенствования правовой работы) 117

Сведения об авторах и рецензентах, аннотации и библиографические списки 124

*Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»
№ 2(247) февраль 2018 г.
Издается с июля 1997 г.*

*Главный редактор
А.В. Кудашкин*

*Заместитель главного редактора
В.К. Белов*

*Редакционная коллегия:
В.К. Белов, Я.Н. Ермолович,
В.М. Корякин, И.В. Крейц,
С.В. Терешкович,
Ю.Н. Туганов, С.Н. Шарапов*

*Консультант и
ответственный редактор номера
С.В. Терешкович*

*Выпускающий редактор
О.А. Тюрина*

*Компьютерная верстка
А.Б. Зулкарнаев*

*Издание зарегистрировано
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-1576 от 30 января 2000 г.
Перерегистрирован 27.07.2016
(свидетельство о регистрации
ПИ № 77-66682)
Сетевая версия
(свидетельство о регистрации
ЭЛ № ФС77-66043 от 10.06.2016)*

*Учредитель и издатель:
Коллектив редакции;
ООО «Центр правовых коммуникаций»*

*Адрес редакции и издателя:
105118, г. Москва,
пр-кт Буденного, д. 14, каб. 208
тел.: +7(916) 690-06-87*

*Адрес в Интернете:
<http://www.voennpravo.ru>
<http://www.voennopravo.com>
E-mail: pvsvpo@mail.ru*

*Подписной индекс по каталогу
«Роспечать» - 72527*

*Отпечатано в ООО «Красногорская
типография»
Подписано в печать 20.01.2018
Заказ №
Усл. печ. л. 8,0. Тираж 1200 экз.*

*Выходит ежемесячно.
Распространяется только
по подписке, цена свободная*

*© Редакция журнала «Право
в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»
© ООО «Центр правовых
коммуникаций»*

*Материалы, опубликованные в
журнале, могут быть использованы в
других изданиях только с разрешения
редакции. Редакция консультаций по
телефону не дает, переписку
с читателями не ведет.*

*Редакция не ограничивает авторов
в возможности высказывания
на страницах журнала своего мнения,
которое может не совпадать
с точкой зрения редакции.*

О ПОРЯДКЕ ПРИСВОЕНИЯ ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ ГРАЖДАНАМ, ПОСТУПАЮЩИМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ И В ВОЕННЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ

В.М. Корякин, доктор юридических наук, профессор, профессор Военного университета, заместитель директора Юридического института ФГБОУ ВПО «Российский университет транспорта» (МИИТ)

Как известно, с 1 января 2017 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации включены в число государственных органов, в которых законом предусмотрено прохождение военной службы¹. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» от 4 июня 2014 г. № 145-ФЗ в ст. 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» внесены изменения, наделяющие некоторых должностных лиц органов прокуратуры полномочиями по присвоению воинских званий военнослужащим. Генеральному прокурору Российской Федерации предоставлено право присвоения первого воинского звания офицера, воинского звания полковника юстиции, воинского звания офицера досрочно, на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой воинской должности, воинско-

го звания военнослужащим, успешно обучающимся по очной форме обучения в адъюнктуре, военной докторантуре, до полковника юстиции включительно. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Главный военный прокурор вправе присваивать воинские звания до подполковника юстиции включительно, военные прокуроры окружного звена – до майора юстиции включительно. Воинские звания высших офицеров присваиваются Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации.

При этом установлено, что присвоение воинских званий военнослужащим органов военной прокуратуры производится в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

Соответствующие изменения в части присвоения воинских званий военнослужащим военных следственных органов были внесены также в ст. 39 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ. Согласно данным изменениям присво-

¹ Данная новация правового регулирования деятельности военной организации государства анализировалась нами в публикациях: Корякин В.М. Новая структура органов, созданных для обеспечения обороны страны, и органов, в которых предусмотрена военная служба // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 8; Его же. Некоторые вопросы прохождения военной службы военными прокурорами // Там же. 2017. № 3.

ение воинских званий военнослужащим военных следственных органов Следственного комитета производится в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». Присвоение первого воинского звания офицера, воинского звания полковника юстиции, воинского звания офицера досрочно, на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой воинской должности, воинского звания военнослужащим, успешно обучающимся по очной форме обучения в адъюнктуре, военной докторантуре, до полковника юстиции включительно производится Председателем Следственного комитета. Заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления вправе присваивать воинские звания до подполковника юстиции включительно, руководители военных следственных управлений Следственного комитета по военным округам, флотам и других военных следственных управлений Следственного комитета, приравненных к главным следственным управлениям и следственным управлениям Следственного комитета по субъектам Российской Федерации, – до майора юстиции включительно. Воинские звания высших офицеров присваиваются Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Следственного комитета.

В соответствии с п. 10 ст. 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» воинские звания офицеров органов военной прокуратуры соответствуют классным чинам прокурорских работников территориальных органов прокуратуры; при определении на военную службу прокуроров, имеющих классные чины (до старшего советника юстиции включительно), им присваиваются соответствующие воинские звания.

Аналогичным образом согласно пп. 8 и 9 ст. 39 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» воинские звания офицеров военных следст-

венных органов Следственного комитета соответствуют специальным званиям сотрудников Следственного комитета. Офицерам военных следственных органов Следственного комитета (до полковника юстиции включительно), уволенным с военной службы и поступившим на службу в следственные органы Следственного комитета, присваиваются соответствующие их воинским званиям специальные звания. Сотрудникам Следственного комитета, имеющим специальные звания (до полковника юстиции включительно), при поступлении на военную службу присваиваются соответствующие этим званиям воинские звания.

Порядок присвоения воинских званий военнослужащим установлен в ст. 47 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», п. 6 которой предусмотрен особый порядок присвоения воинских званий гражданам, проходящим (проходившим) службу в правоохранительных органах и имеющих специальные звания. Органы прокуратуры Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации в данной норме не были указаны, что являлось препятствием для возможности учета имеющегося классного чина прокурорского работника (специального звания сотрудника Следственного комитета Российской Федерации) при присвоении воинских званий гражданам, проходящим или проходившим службу в органах прокуратуры Российской Федерации и Следственном комитете Российской Федерации, при определении их на военную службу.

В целях устранения данного пробела, обеспечения равных условий прохождения военной службы и реализации вышеуказанных требований законодательства о присвоении воинских званий, соответствующих имеющимся классным чинам прокурорских работников и специальным званиям сотрудников следственных органов, был принят и с 8 декабря 2017 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменения в статью 47 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”» от 27

ноября 2017 г. № 357-ФЗ. В соответствии с данным законодательным актом органы прокуратуры и Следственный комитет Российской Федерации вошли в число органов, служба в которых и соответственно имеющиеся у их сотрудников специальные звания (классные чины прокурорских работников) должны учитываться при присвоении им воинских званий.

Порядок присвоения воинских званий в указанных случаях определен Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237. Пунктом 7 ст. 21 указанного Положе-

ния установлено, что при поступлении на военную службу гражданина, проходящего или проходившего службу в органах прокуратуры Российской Федерации и Следственном комитете Российской Федерации и имеющего специальное звание (классный чин прокурорского работника), ему может быть присвоено воинское звание, равное его специальному званию (классному чину прокурорского работника), в порядке переквалификации (аттестации), определяемом руководителем федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в котором предусмотрена военная служба.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

(комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 года № 46)

Д.Е. Зайков, кандидат юридических наук

Государственные (муниципальные) служащие, в том числе военнослужащие (далее – служащие), замещающие коррупционно-опасные должности, являются потенциальными субъектами коррупционных отношений, что обуславливает необходимость применения к ним инструментов противодействия коррупции, в качестве которых выступают ограничения, запреты и обязанности. Указанные ограничения правового статуса в силу специфики положения таких лиц и осуществляемых ими функций могут иметь и отсроченный характер. В этом случае даже

утрата субъектом антикоррупционных отношений своего статуса¹ не является основанием для неприменения к нему соответствующего антикоррупционного инструмента.

Безусловно, данный подход в полной мере соответствует целям противодействия коррупции и направлен на недопущение (минимизацию) получения субъектом антикоррупционных отношений отсроченных привилегий в связи с исполнением им отдельных функций государственного, муниципального (административного) управления в отношении третьих лиц².

¹ Например, увольнение с военной службы, с федеральной государственной гражданской службы.

² Зайков Д.Е. Ограничения при заключении трудового или гражданско-правового договора как инструмент противодействия коррупции // Законодательство. 2016. № 3. С. 40.

Показательный пример – ограничение, налагаемое на гражданина, замещавшего должность государственной (муниципальной) службы (далее – бывший служащий), при заключении им трудового (гражданско-правового) договора.

Так, в силу ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее – Закон о противодействии коррупции) бывший служащий, замещавший должность государственной (муниципальной) службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации (далее – Перечень), в течение двух лет после увольнения с государственной (муниципальной) службы имеет право замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в данной организации работы (оказывать данной организации услуги) в течение месяца стоимостью более 100 тыс. руб. на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров), если отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности государственного (муниципального) служащего, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов.

При этом в силу ч. 4 ст. 12 Закона о противодействии коррупции работодатель при заключении трудового (гражданско-правового) договора на выполнение работ (оказание услуг) с бывшим служащим в течение двух лет после его увольнения с государственной (муниципальной) службы обязан в

десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации³ (далее – сообщение о заключении с бывшим служащим трудового (гражданско-правового) договора).

Неисполнение работодателем (заказчиком работ (услуг)⁴ такой обязанности является правонарушением и влечет ответственность, предусмотренную ст. 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

При этом нарушения указанной нормы могут, в частности, состоять:

- в ненаправлении сообщения о заключении с бывшим служащим трудового (гражданско-правового) договора;
- в нарушении десятидневного срока со дня заключения трудового (гражданско-правового) договора, установленного для направления сообщения о его заключении с бывшим служащим.

Вместе с тем, несмотря на значимость и востребованность такого правового института, как ограничение при заключении трудового (гражданско-правового) договора⁵, недостатки его правового регулирования, а также различное применение в практической и судебной деятельности существенно снизили его эффективность и создали предпосылки для нарушения прав и законных интересов как бывших служащих, так и их работодателей (заказчиков)⁶.

В указанных условиях принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной

³ Аналогичная норма закреплена в ч. 1 ст. 64.1 Трудового кодекса Российской Федерации.

⁴ Далее – заказчик.

⁵ За период с 2013 года по 2015 год судьями судов общей юрисдикции по первой инстанции было рассмотрено более 9000 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.29 КоАП РФ // Обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 30 ноября 2016 г. (далее – Обзор практики по ст. 19.29 КоАП РФ).

⁶ См., напр.: *Зайков Д.Е.* Юридические лица как субъекты антикоррупционных отношений // *Гражданин и право.* 2016. № 4. С. 73 – 81; *Он же.* Правовое регулирование преодоления ограничения при заключении трудового или гражданско-правового договора как инструмента противодействия коррупции // *Гражданин и право.* 2017. № 8. С. 25 – 35.

ответственности по статье 19.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях» от 28 ноября 2017 г. № 46 (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46) видится своевременным и актуальным разъяснением по вопросам судебной практики, которое должно стать ориентиром для всех участников соответствующих отношений. При этом следует отметить, что, несмотря на то, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 поставленную задачу выполнило несколько фрагментарно, оставив без внимания ряд важных проблем, в отдельных вопросах оно пошло против устоявшейся судебной практики, в том числе и Верховного Суда Российской Федерации, в целях, с одной стороны, некоей либерализации практики применения, а с другой – для повышения эффективности исследуемого правового института, что в целом должно оказать позитивное влияние на его состояние и практическую реализацию.

Так, ст. 19.29 КоАП РФ устанавливает следующие условия привлечения к административной ответственности за незаконное привлечение к трудовой деятельности (выполнению работ или оказанию услуг) бывшего служащего:

1. Включение замещаемой бывшим служащим должности в Перечень.

В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 разъясняется, что под Перечнем следует понимать как перечни, утвержденные непосредственно для целей ст. 12 Закона о противодействии коррупции, так и – в случае отсутствия названных перечней – нормативные правовые акты, определяющие должности государственной (муниципальной) службы, при замещении которых государ-

ственные (муниципальные) служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, поскольку принятие последних также обусловлено предусмотренными законодательством мерами по противодействию коррупции⁷.

Перечень не является статичным документом, а его изменение (дополнение, исключение должностей) представляется естественным событием, обусловленным объективными факторами (сокращение или увеличение объема должностных обязанностей, введение новых должностей и др.). Изложенное ставит на повестку дня актуальный вопрос о влиянии факта нахождения должности, которую замещал бывший служащий, в Перечне на различные даты (периоды времени): во время прохождения службы, на дату увольнения со службы, на дату приема на работу по трудовому договору (заключения гражданско-правового договора).

Указанная проблема нашла свое частичное решение в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46: если в период прохождения службы бывшим служащим замещаемая им должность не была включена в Перечень либо была исключена из него к дате заключения трудового (гражданско-правового) договора, то это исключает объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ.

Данный подход Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует признать правильным, верно учитывающим динамику изменения коррупциогенности

⁷ Например, в Министерстве обороны Российской Федерации это – Перечень воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие, работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 175.

должностей и соответственно изменение правового статуса бывших служащих, замещавших такие должности, в части досрочной отмены установленных ограничений. При этом принято во внимание, что не допускается ухудшение правового положения лица в связи с изменением регулирования, произошедшего после утраты им правового статуса, наличием которого обусловлено указанное ухудшение⁸.

2. Не истек двухлетний срок после увольнения бывшего служащего со службы.

Использованная законодателем в ч. 4 ст. 12 Закона о противодействии коррупции формулировка представляется не совсем удачной: «...в течение двух лет *после увольнения* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Д. З.)», так как создает предпосылки для неоднозначного толкования в части определения даты начала течения указанного срока⁹.

Следует указать, что Закон о противодействии коррупции не связывает обязанность работодателя (заказчика) сообщать о заключении с бывшим служащим трудового (гражданско-правового) договора с тем, чтобы бывший служащий замещал соответствующую должность непосредственно перед увольнением, поэтому возможна ситуация, при которой служащий замещал коррупционно-опасную должность, затем был переведен на должность, в Перечень не входящую, а в дальнейшем был уволен со службы. В указанном случае возникает вопрос об определении начала течения искомого двухлетнего срока: со дня, следующего за датой перевода с должности, включенной в Перечень, на должность, в него не входящую, или со дня, следующего за датой увольнения со службы?

Данная проблема крайне актуальна, но не нашла освещения в постановлении Пле-

нума Верховного Суда Российской Федерации № 46. По нашему мнению, применению подлежит первый подход, так как именно с замещением должности, входящей в Перечень, закон связывает вероятность возникновения конфликта публичных и частных интересов при последующем трудоустройстве бывшего служащего, но никак не с самим фактом прохождения им государственной (муниципальной) службы.

3. Между бывшим служащим и работодателем (заказчиком) заключен трудовой договор или гражданско-правовой договор (договоры) о выполнении работ (оказании услуг) в течение месяца стоимостью более 100 тыс. руб.

Обязанность работодателя (заказчика) направить сообщение о заключении трудового (гражданско-правового) договора с бывшим служащим подлежит исполнению независимо от последнего места работы бывшего служащего и количества заключенных им за этот период трудовых договоров¹⁰. При этом, как указывается в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46, обязанность работодателя сообщить о заключении трудового договора с бывшим служащим возникает вне зависимости от размера предусмотренной им заработной платы.

Таким образом, не имеет значения ни то, на какую должность по трудовому договору принимается бывший служащий, ни размер заработной платы, значение имеет лишь сам факт вступления в трудовые отношения.

Подобный подход, по нашему мнению, нуждается в корректировке, так как такое ограничение трудовой деятельности не обусловлено объективными критериями¹¹ и является абсолютным, что видится необоснованным и несправедливым в первую оче-

⁸ Так, включение после увольнения бывшего служащего ранее замещаемой им должности в Перечень не влечет в связи с этим установление для него рассматриваемых ограничений трудовой деятельности.

⁹ В п. 1 Указа Президента Российской Федерации «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» от 21 июля 2010 г. № 925 использован иной подход в определении начала отсчета двухлетнего срока «...в течение двух лет со дня увольнения», что также видится неприемлемым, так как данный срок включает в себя дату увольнения, тем самым необоснованно уменьшая срок действия рассматриваемого ограничения.

¹⁰ Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46.

¹¹ Например, замещение руководящих должностей, выполнение определенной трудовой функции.

редь в соотношении с бывшими служащими, реализовавшими свое право на труд посредством заключения гражданско-правового договора. Таким образом, законодатель впадает в крайности, при которых стремление максимального ограничения и контроля за участием бывшего служащего в трудовых отношениях граничит с высокой степенью лояльности, проявляемой к заключению гражданско-правовых договоров тем же субъектом.

Следует отметить, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 в п. 6 разъяснило ряд вопросов, возникающих при заключении трудовых договоров с бывшими служащими, что позволило исключить неопределенность правоприменения.

Так, не является нарушением требований ч. 4 ст. 12 Закона о противодействии коррупции несообщение сведений о заключении трудового договора с бывшим служащим в случае его перевода на другую должность или на другую работу в пределах одной организации, а также при заключении с ним трудового договора о выполнении в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у того же работодателя (внутреннее совместительство). При этом заключение с бывшим служащим трудового договора о выполнении им в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у другого работодателя (внешнее совместительство) влечет обязанность последнего сообщить о заключении трудового договора о работе по совместительству.

Указанные в ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции критерии, которым должны отвечать гражданско-правовые договоры для возникновения у заказчика обязанности сообщить об их заключении, недостаточно определены.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 принята попытка устранения одного аспекта неоднозначного толкования, но и она

оказалась не вполне удачной: стоимость выполняемых работ (оказываемых услуг) по договору (договорам) должна превышать 100 тыс. руб. в месяц либо, если указанный договор (договоры) заключен на срок менее месяца, стоимость выполняемых работ (оказываемых услуг) также должна превышать 100 тыс. руб.

Как представляется, Пленум Верховного Суда Российской Федерации вышел за рамки своих полномочий и фактически установил правовое регулирование, противоречащее ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции, которая устанавливает два критерия: минимальный срок выполнения работ (оказания услуг) – месяц и стоимость таких – более 100 тыс. руб. Таким образом, заключение гражданско-правового договора с бывшим служащим со сроком выполнения работ (оказания услуг) менее месяца должно исключать возникновение у заказчика обязанности направить сообщение об этом. Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации Верховного Суда Российской Федерации критерий срока фактически исключил из применения, оставив только стоимостный показатель.

Вообще проблемных вопросов, касающихся критериев определения гражданско-правового договора как соответствующего требованиям ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции, достаточно много, что обусловлено спецификой указанного института и особенностями правового регулирования гражданско-правовых отношений.

Так, договор подряда заключен со сроком выполнения работ 180 дней и стоимостью работ 450 тыс. руб. Будет ли он отвечать требованиям ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции? Исходя из буквального толкования указанной нормы права и разъяснений высшей судебной инстанции – нет¹². Но ведь работы могут быть выполнены и досрочно, а установление в договоре завышенного срока может являться лишь способом обхода закона.

¹² Стоимость выполненных работ в месяц составит менее 100 тыс. руб.

Должна ли учитываться в стоимости работ (услуг) цена используемых материалов и, например, работ (услуг) привлекаемых соисполнителей? Кроме того, в силу п. 4 ст. 709 Гражданского кодекса Российской Федерации цена работы может быть приближительной. Стороны договора вообще могут установить, что стоимость работы будет определена по согласованным показателям по факту ее выполнения. А как быть с таким принципом гражданского права, как свобода договора? Пункт 1 ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет возможность изменения сторонами договора стоимости работ (услуг) или срока их выполнения (оказания) в любое время, что позволяет использовать это для исключения обязанности заказчика по направлению сообщения о заключении такого договора. Каким образом, например, поступать заказчику, если договор стал отвечать критериям, установленным ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции, только после внесения в него изменений соглашением сторон, заключенным по истечении, например, семи месяцев действия указанного договора?

Указанные и иные обстоятельства, оставленные постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 без внимания, существенно снижают эффективность рассматриваемого института противодействия коррупции и создают предпосылки для использования гражданско-правового договора для обхода бывшими служащими ограничений их трудовой деятельности.

Также актуальные вопросы возникают и при определении субъектов, выступающих в качестве работодателя (заказчика), с которым бывший служащий заключает трудовой (гражданско-правовой) договор.

Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции таковым может быть исключительно организация, что не в полной мере отвечает це-

лям принятия указанной нормы права. Видимо, аналогичные соображения и явились основаниями для следующих выводов, закрепленных в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46:

– субъектами административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.29 КоАП РФ, являются граждане, должностные лица и юридические лица – работодатели либо заказчики работ (услуг), которые привлекли к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора бывшего служащего с нарушением требований, предусмотренных Законом о противодействии коррупции;

– граждане (физические лица) подлежат административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ в случае привлечения ими к трудовой деятельности на договорной основе иных физических лиц, являвшихся бывшими служащими. Например, к таким гражданам могут быть отнесены занимающиеся частной практикой нотариусы, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, и другие лица, занимающиеся в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой¹³.

Вместе с тем, ст. 19.29 КоАП РФ предусматривает, что одним из условий привлечения к административной ответственности является привлечение бывшего служащего к трудовой деятельности (к выполнению работ (оказанию) услуг) на условиях гражданско-правового договора с нарушением требований ст. 12 Закона о противодействии коррупции.

Частью 1 указанной правовой нормы установлено требование, которое является определяющим для квалификации действий бывших служащих в качестве нарушения установленных для них ограничений трудовой деятельности – отдельные функции государственного, муниципального (админи-

¹³ Такая практика уже имела место. См., например: постановление Саратовского областного суда от 20 июня 2013 г. по делу № 7-346/13, постановление Верховного Суда Республики Татарстан от 16 мая 2017 г. по делу № 4А-418/2017.

стративного) управления *организацией*¹⁴ входили в их должностные (служебные) обязанности.

Безусловно, в отдельных случаях функции государственного, муниципального (административного) управления могут применяться и в отношении граждан, однако это носит достаточно ограниченный характер и Законом о противодействии коррупции такая ситуация прямо не предусмотрена. Изложенное ставит задачу совершенствования законодательства в части приведения Закона о противодействии коррупции и КоАП РФ в системную взаимосвязь.

Важной и вполне обоснованной видится позиция, закрепленная в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46, согласно которой обязанность по направлению сообщения о заключении с бывшим служащим трудового (гражданско-правового) договора не распространяется на государственные (муниципальные) органы, в том числе в случае, когда бывший служащий трудоустраивается в данный орган на должность, не относящуюся к должностям государственной (муниципальной) службы, либо заключает с указанным органом гражданско-правовой договор (договоры)¹⁵.

При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации все-таки изменил устоявшуюся судебную практику, которая необоснованно исключала обязанность государственного (муниципального) учреждения сообщать о заключении трудового

(гражданско-правового) договора с бывшим служащим¹⁶: обязанность, предусмотренную ч. 4 ст. 12 Закона о противодействии коррупции, должны выполнять организации независимо от их организационно-правовой формы.

4. Невыполнение обязанности по сообщению о заключении трудового (гражданско-правового) договора с бывшим служащим.

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 предусмотренный ч. 4 ст. 12 Закона о противодействии коррупции десятидневный срок для направления сообщения о заключении трудового (гражданско-правового) договора с бывшим служащим, исчисляемый в календарном порядке, начинается со дня, следующего за днем заключения договора с указанным лицом либо его фактического допущения к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя¹⁷. В случае если последний день срока исполнения указанной обязанности приходится на нерабочий день, то днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день.

При этом указанное сообщение должно быть направлено с соблюдением порядка, устанавливаемого нормативными правовыми актами Российской Федерации, включая требования к форме и содержанию этого сообщения.

Данный порядок определен Правилами сообщения работодателем о заключении трудового или гражданско-правового дого-

¹⁴ Согласно п. 4 ст. 1 Закона о противодействии коррупции функции государственного, муниципального (административного) управления организацией – полномочия государственного (муниципального) служащего принимать обязательные для исполнения решения по кадровым, организационно-техническим, финансовым, материально-техническим или иным вопросам в отношении данной организации, в том числе решения, связанные с выдачей разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) отдельных действий данной организацией, либо готовить проекты таких решений.

¹⁵ Это обусловлено тем, что ограничения трудовой деятельности, налагаемые на бывшего служащего, установлены в целях противодействия коррупции при осуществлении данным лицом деятельности или выполнении работ (оказании услуг) в сфере, не связанной с обеспечением исполнения государственных или иных публичных полномочий.

¹⁶ См., например, п. 3 Обзора практики по ст. 19.29 КоАП РФ.

Следует указать и на имевшуюся практику Верховного Суда Российской Федерации, которая допускала исключение ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ в связи со спецификой деятельности и организаций иных организационно-правовых форм, в частности фонда. См., например, постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2017 г. № 45-АД17-11.

¹⁷ Данное положение позволило нивелировать обход закона, состоящий в незаконном заключении трудового договора при фактическом допуске к работе, практикуемый отдельными работодателями в целях исключения возможности привлечения их к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ по формальному признаку – в связи с отсутствием факта заключения трудового договора.

В указанном случае работодатель также подлежит привлечению к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 или ч. 5 ст. 5.27 КоАП РФ.

вора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещающим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 января 2015 г. № 29 (далее – Правила).

Сообщение оформляется на бланке организации и подписывается ее руководителем или уполномоченным лицом, подписавшим трудовой договор со стороны работодателя, либо уполномоченным лицом, подписавшим гражданско-правовой договор. Подпись работодателя заверяется печатью организации или печатью кадровой службы (при наличии печатей).

В сообщении должны содержаться следующие общие сведения:

а) фамилия, имя, отчество (при наличии) гражданина (в случае, если фамилия, имя или отчество изменялись, указываются прежние);

б) число, месяц, год и место рождения гражданина;

в) должность государственной (муниципальной) службы, замещаемая гражданином непосредственно перед увольнением с государственной (муниципальной) службы (по сведениям, содержащимся в трудовой книжке);

г) наименование организации (полное, а также сокращенное (при наличии)).

Если с гражданином заключен трудовой договор, дополнительно к общим сведениям указываются следующие данные:

а) дата и номер приказа (распоряжения) или иного решения работодателя, согласно которому гражданин принят на работу;

б) дата заключения трудового договора и срок, на который он заключен (указывается дата начала работы, а в случае, если заключается срочный трудовой договор, – срок его действия);

в) наименование должности, которую занимает гражданин по трудовому договору в соответствии со штатным расписанием, а также структурное подразделение организации (при наличии);

г) должностные обязанности, исполняемые по должности, занимаемой гражданином (указываются основные направления поручаемой работы).

В случае если с гражданином заключен гражданско-правовой договор, дополнительно к общим сведениям указываются следующие данные:

а) дата и номер гражданско-правового договора;

б) срок гражданско-правового договора (сроки начала и окончания выполнения работ (оказания услуг));

в) предмет гражданско-правового договора (с кратким описанием работы (услуги) и ее результата);

г) стоимость работ (услуг) по гражданско-правовому договору.

Важное значение имеет то, что информацию о замещаемой бывшим служащим должности государственной (муниципальной) службы работодатель (заказчик) должен получать по сведениям, содержащимся в трудовой книжке¹⁸. Данное обстоятельство неоднозначно воспринималось судами, что приводило к разнонаправленной судебной практике¹⁹.

Однако в отношении отдельных категорий государственных служащих (например, военнослужащих) ведение трудовых книжек в период прохождения ими соответствующей службы законодательством Российской Федерации не предусмотрено²⁰. Таким образом, указанные лица при устройстве на работу впервые после увольнения со службы представить трудовую книжку работодателю не смогут (абз. 3 ч. 1 ст. 65 и ч. 2 ст. 309 Трудового кодекса Российской Федерации). Аналогичная проблема возникнет

¹⁸ Такое требование применительно к заключению гражданско-правового договора является абсурдным.

¹⁹ См., например, постановление Самарского областного суда от 11 января 2016 г. по делу № 4А-50/2016 и постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 12 января 2017 г. по делу № 4А-2095/2016.

²⁰ См., например, кассационное определение Пермского краевого суда от 5 марта 2012 г. по делу № 33-1436 и апелляционное определение Московского городского суда от 14 февраля 2013 г. № 11-2525/13.

кает и при приеме бывшего служащего на работу по совместительству – трудовая книжка в силу абз. 3 ч. 1 ст. 65 Трудового кодекса Российской Федерации представлению работодателю не подлежит²¹.

Кроме того, согласно подп. «а» п. 21 Правил ведения и хранения трудовых книжек, изготовления бланков трудовой книжки и обеспечения ими работодателей, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2003 г. № 225, в трудовую книжку вносится запись о времени военной службы, а также о времени службы в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах. Таким образом, в указанных случаях в трудовой книжке бывшего служащего будет содержаться лишь информация о виде службы и периоде ее прохождения, но будут отсутствовать сведения о наименовании соответствующего государственного органа и замещаемой им должности²².

Видимо, данные обстоятельства были учтены высшей судебной инстанцией, так как в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 нашла закрепление следующая позиция: с учетом того, что обязанность по сообщению сведений о замещаемой гражданином в течение предшествующих трудоустройству двух лет должности государственной (муниципальной) службы, включенной в Перечень, возложена на бывшего служащего²³,

невыполнение данной обязанности указанным лицом при отсутствии у работодателя сведений о ранее замещаемой им должности государственной (муниципальной) службы, включенной в Перечень (например, отсутствие указанных сведений в трудовой книжке, документах воинского учета, военном билете, заполняемой гражданином при трудоустройстве анкете), свидетельствует об отсутствии оснований для привлечения работодателя к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ.

Однако почему-то постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 по сравнению с Правилами, предусматривающими только трудовую книжку, установило открытый перечень источников информации, из которых работодатель должен получить сведения о прохождении бывшим служащим государственной (муниципальной) службы и замещении соответствующей должности. Такой подход опасен тем, что благая цель, которую пытался достичь Пленум Верховного Суда Российской Федерации – исключить необоснованное привлечение работодателя (заказчика) к ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ в случае сокрытия бывшим служащим указанной информации, в итоге может привести к обратному результату: работодатель (заказчик) будет вынужден доказывать, что им были приняты все зависящие от него меры по установлению указанной информации из всех возможных источников²⁴, конкретный список которых не определен²⁵.

Вместе с тем, следует указать и на позитивный момент: согласно абз. 4 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 неисполнение бывшим служащим ограничений и обязан-

²¹ Хотя обязанность работодателя сообщить о заключении с бывшим служащим трудового договора на условиях совместительства возникает.

²² Зайков Д.Е. Юридические лица как субъекты антикоррупционных отношений // Гражданин и право. 2016. № 4. С. 77.

²³ Согласно ч. 2 ст. 12 Закона о противодействии коррупции бывший служащий в течение двух лет после увольнения с государственной (муниципальной) службы обязан при заключении трудовых или соответствующих гражданско-правовых договоров на выполнение работ (оказание услуг) сообщать работодателю сведения о последнем месте своей службы.

²⁴ Часть 1 ст. 2.1 КоАП РФ.

²⁵ К таковым также можно отнести автобиографию, резюме и др. Таким образом, сам по себе факт неистребования работодателем соответствующих документов может быть истолкован судом как непринятие всех зависящих от него мер по исполнению возложенной обязанности.

ностей, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 12 Закона о противодействии коррупции²⁶, не может являться основанием привлечения работодателя (заказчика) к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ. Тем самым высшая судебная инстанция прямо указала судам на необходимость разграничения ответственности и оснований для таковой между бывшим служащим и его работодателем (заказчиком).

В практической деятельности нередко возникал вопрос определения адресата сообщения работодателя (заказчика) о заключении с бывшим служащим трудового (гражданско-правового) договора, который в практике решался неоднозначно²⁷.

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 сделана попытка устранения указанной проблемы: если на момент заключения трудового (гражданско-правового) договора с бывшим служащим государственный (муниципальный) орган, в котором данное лицо проходило государственную (муниципальную) службу, реорганизован или упразднен, соответствующее сообщение подлежит направлению в государственный (муниципальный) орган, который осуществляет функции реорганизованного (упраздненного) органа. В случае когда функции реорганизованного (упраздненного) государственного (муниципального) органа распределены между несколькими государственными (муниципальными) органами, допустимо направление соответствующих сведений в любой государственный (муниципальный) орган, который осуществляет

функции реорганизованного (упраздненного) органа.

Такой подход, безусловно, заслуживает поддержки, но при этом видится необходимым его совершенствование. Как представляется, работодатель (заказчик) не должен в ограниченный срок разбираться в хитросплетениях системы государственных (муниципальных) органов и их правопреемников, его обязанность должна считаться исполненной с даты направления соответствующего сообщения в любой государственный (муниципальный) орган, который, в свою очередь, должен определять конечного адресата и организовывать ему доставку соответствующего сообщения²⁸.

Одним из важных результатов принятия рассматриваемых разъяснений высшей судебной инстанции явилось упорядочение неоднозначной судебной практики в части определения должностных лиц, привлекаемых к ответственности за невыполнение обязанности по направлению сообщения о заключении с бывшим служащим трудового (гражданско-правового) договора²⁹.

Согласно абз. 4 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ подлежат привлечению должностные лица организации, занимающие должность руководителя или уполномоченные на подписание трудового (гражданско-правового) договора со стороны работодателя, в том числе и в тех случаях, когда обязанность по направлению соответствующего сообщения возложена на иное должностное лицо данной организации³⁰.

²⁶ Например, не сообщение работодателю сведений о последнем месте своей службы или прохождении таковой.

²⁷ Например, согласно п. 30 Методических рекомендаций по вопросам соблюдения ограничений, налагаемых на гражданина, замещавшего должность государственной (муниципальной) службы, при заключении им трудового или гражданско-правового договора с организацией, доведенных письмом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 мая 2017 г. № 18-4/10/П-2943, в случае если функции упраздненного государственного (муниципального) органа распределены между несколькими правопреемниками, соответствующие сведения необходимо направлять в тот государственный (муниципальный) орган, которому были переданы функции, на реализацию которых было направлено исполнение государственным (муниципальным) служащим своих должностных обязанностей по ранее замещаемой должности государственной (муниципальной) службы.

²⁸ Сведения, содержащиеся в сообщении, являются исчерпывающими для осуществления такой возможности.

²⁹ См., например: постановление Санкт-Петербургского городского суда от 20 июня 2013 г. № 4а-886/13; постановление Алтайского краевого суда от 16 февраля 2015 г. по делу № 4А-86/2015; постановление Хабаровского краевого суда от 3 мая 2017 г. по делу № 4А-207/2017.

³⁰ Привлечение к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ должностного лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо, равно как и назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное должностное лицо.

Кроме того, п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 разрешил ранее отрицаемую в практике³¹ возможность признания административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, малозначительным³² в том случае, если оно не является существенным нарушением охраняемых общественных отношений в сфере противодействия коррупции (например, выразилось в нарушении требований к форме и содержанию направленного работодателем сообщения, которое не привело к получению необходимой для целей Закона о противодействии коррупции информации).

Изменение подхода к разрешению указанной проблемы видится обоснованным, как соответствующим принципам противодействия коррупции, так и предусматривающим необходимость учета обстоятельств совершенного административного правонарушения и оценки их негативного влияния на охраняемые отношения.

Также Пленум Верховного Суда Российской Федерации № 46 в п. 13 постановления разъяснил возможность назначения юридическому лицу административного штрафа в размере менее минимального его размера, предусмотренного санкцией ст. 19.29 КоАП РФ³³. При решении этого вопроса может быть учтен факт содействия юридического лица в раскрытии указанного административного правонарушения, а также отсутствие в числе должностных (слу-

жебных) обязанностей бывшего служащего отдельных функций государственного, муниципального (административного) управления данной организацией³⁴.

Срок давности привлечения к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ составляет шесть лет³⁵, а в связи с тем, что соответствующее административное правонарушение не является длящимся, указанный срок начинает исчисляться со дня, следующего за днем его совершения.

Одновременно с вышесказанным необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что назначение виновному лицу административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, не освобождает его от исполнения требований, предусмотренных ч. 4 ст. 12 Закона о противодействии коррупции.

В целом постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 следует охарактеризовать положительно: в нем даны ответы на актуальные вопросы применения ст. 19.29 КоАП РФ и толкования положений ст. 12 Закона о противодействии коррупции, определены направления развития судебной практики по указанным вопросам, однако ряд имеющихся проблем реализации института ограничения трудовой деятельности бывших служащих требует своего разрешения не только на уровне высшей судебной инстанции, но и посредством совершенствования правового регулирования.

Книгу «Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2016 - 2017 г.)» можно приобрести, направив заявку на электронную почту pvsvpo@mail.ru.
Стоимость сборника - 500 руб. (без учета стоимости услуг по доставке).

³¹ См., например, п. 8 Обзора практики по ст. 19.29 КоАП РФ.

³² В силу ст. 2.9 КоАП РФ при малозначительности совершенного административного правонарушения судья может освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

³³ Для юридических лиц размер административного штрафа, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, составляет от 100 тыс. до 500 тыс. руб.

³⁴ Следует указать, что данное обстоятельство само по себе не освобождает работодателя (заказчика) от обязанности направить сообщение о заключении с бывшим служащим трудового (гражданско-правового) договора (абз. 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46).

³⁵ Часть 1 ст. 4.5 КоАП РФ.

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

В.Ю. Чешко, магистр юридических наук, аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, капитан юстиции

Деятельность военной организации государства немислима без высокой дисциплины и организованности. Состояние воинской дисциплины и законности в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях является показателем состояния правовой защиты военнослужащих и обеспечивает постоянную боеготовность и боеспособность подразделений и воинских частей.

Дисциплинарная ответственность выступает действенным средством обеспечения воинской дисциплины и предусматривает меры вплоть до дисциплинарного ареста (фактически ограничение свободы) и увольнения со службы с невозможностью последующего трудоустройства в Вооруженных Силах и военизированных организациях. В этой связи необходимость наличия строгого порядка привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих объективно детерминирована.

Вопросы понятия и структуры дисциплинарного производства в отношении военнослужащих в Республике Беларусь исследовались в ограниченном спектре, в основном внимание ученых было обращено на стадии дисциплинарного производства. В авторском исследовании представлен структурно-функциональный подход к определению содержания дисциплинарного

производства в отношении военнослужащих в Республике Беларусь.

Процедура привлечения к ответственности в зависимости от отрасли права имеет свои особенности. Для привлечения к уголовной ответственности существует уголовный процесс, для административной ответственности – административный процесс. Понятие такого порядка в отношении военнослужащих не определено. Для выяснения вопроса о том, что понимается под таким процессом, представляется необходимым провести анализ правовых норм, регулирующих такой процесс для других видов ответственности, и концептуальных подходов по его построению при привлечении военнослужащих к дисциплинарной ответственности.

«Процесс – (от лат. *processus* – продвижение)... Совокупность последоват. действий для достижения к.-л. результата»¹.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь устанавливает «порядок производства по материалам по уголовному делу», который «является единым и обязательным для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также для иных участников уголовного процесса»².

Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях «устанавливает порядок административно-

¹ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : СПб., 1999. С. 971.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.01.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Беларусь. Минск, 2017. Ст. 2.

го процесса, права и обязанности его участников, а также порядок исполнения административного взыскания»³.

В свою очередь, административный процесс определен как «установленный настоящим Кодексом порядок деятельности его участников по делу об административном правонарушении»⁴.

Процесс представляет собой строгий порядок (совокупность стадий). Уполномоченные органы, осуществляющие производство, должны следовать предписанным стадиям, определенным в соответствующем законе, и точно выполнять его требования. Нарушение установленного порядка влечет ответственность и признание принятых решений «не имеющими юридической силы».

Существование подхода по отдельному правовому регулированию процессуально-го права объясняется наличием норм материального права. В сфере дисциплинарной ответственности говорить о наличии отдельных материальных и процессуальных норм не приходится, они существуют в синкретичной взаимосвязанной форме и обусловлены единством нормативного правового акта. На основании этого процедура привлечения военнослужащих к ответственности входит в состав собственно дисциплинарной ответственности.

В контексте указанных особенностей автором предлагается ввести в научный оборот понятие *дисциплинарное производство*. Д.Н. Бахрах под дисциплинарным производством понимает «урегулированную правом деятельность уполномоченных субъектов, направленную на привлечение

виновных к дисциплинарной ответственности»⁵. Возможный подход по внедрению указанной категории направлен, прежде всего, на унификацию отдельных процедурных положений по применению дисциплинарной ответственности и объясняется взаимоисключением или поглощением таких институтов, как: начало и порядок производства, сроки, исполнение и обжалование. В настоящее время в каждом государственном органе, в котором предусмотрена военная служба, определен свой порядок проведения служебного расследования⁶. О.И. Чуприс по отношению к сущности дисциплинарного производства отмечает, что оно входит в состав управленческого процесса наряду с другими производствами⁷.

Данный подход обусловлен спецификой прохождения службы в том или ином государственном органе, но перевод такого регулирования на правовой уровень создает предпосылки для нарушения прав и свобод военнослужащих.

В своем исследовании О.И. Чуприс делает выводы о необходимости ориентации подходов по правовому регулированию дисциплинарной ответственности на «унификацию ряда ее положений независимо от конкретных разновидностей государственной службы»⁸. Следует согласиться с приведенным мнением, поскольку схожесть основ дисциплинарной ответственности государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, и военизированных организаций налицо и сомнению не подлежит. Вместе с тем, следует отметить,

³ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» Беларусь. Минск, 2017. Ст. 1.1.

⁴ Там же. С. 1.4.

⁵ Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право : учеб. для вузов. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 2007. С. 590.

⁶ Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебного расследования в Вооруженных Силах [Электронный ресурс] : приказ М-ва обороны Респ. Беларусь, 5 нояб. 2014 г., № 1192 // ЭТАЛОН. Минск, 2017; Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебного расследования в органах пограничной службы Республики Беларусь : приказ Гос. погранич. комит. Респ. Беларусь, 11 нояб. 2014 г., № 516 / ГПК Респ. Беларусь. Минск : ГПК, 2014.; О внесении изменений и дополнений в приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 13 октября 2010 г. № 322 : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 6 фев. 2014 г., № 42. Минск : МВД, 2014.

⁷ Чуприс О.И. Проблемы понимания и правового регулирования управленческого процесса в Республике Беларусь // Право и демократия. Вып. 27. Минск, 2016. С. 90.

⁸ Чуприс О.И. Унифицированное совершенствование института дисциплинарной ответственности в системе государственной службы Республики Беларусь // Пром.-торговое право. Минск, 2009. № 7. С. 82.

что унификация в рамках предложенной концепции возможна с небольшими дополнениями. Основной причиной тому наличие в первой категории государственных органов срочной военной службы.

На основании изложенного автором предлагается подход по унификации и совершенствованию процедуры привлечения военнослужащих Республики Беларусь к дисциплинарной ответственности.

В белорусском законодательстве дисциплинарное производство присутствует в отношении судей и нотариусов. В частности, в отношении судей в такое производство включены следующие элементы: возбуждение дисциплинарного производства, сроки его осуществления, заключения и решения по результатам, обжалование и наложение дисциплинарного взыскания Президентом Республики Беларусь. Дисциплинарное производство в отношении нотариусов включает: порядок возбуждения и осуществления производства, сроки применения дисциплинарных взысканий и порядок обжалования.

На наш взгляд, дисциплинарное производство в отношении военнослужащих по своему содержанию объективно шире, чем указанные элементы.

М.С. Чухраева предлагает следующие стадии производства:

«выявление дисциплинарного проступка и возбуждение производства по материалам о дисциплинарном проступке; разбирательство и принятие решения; исполнение дисциплинарного взыскания; обжалование и пересмотр решения»⁹.

В свою очередь, В.С. Бялт выделяет четыре стадии дисциплинарного производства в органах внутренних дел: «возбуждение дисциплинарного производства, рассмотрение дисциплинарного дела, принятие решения и исполнение принятого

решения, а также факультативную стадию – пересмотр решения о дисциплинарном взыскании»¹⁰.

В одной из последних работ, посвященных дисциплинарному производству в органах внутренних дел, Е.А. Шурупова выделяет наличие пяти стадий: «возбуждение дисциплинарного производства, дисциплинарное разбирательство; вынесение решения о дисциплинарном взыскании, исполнение решения, пересмотр принятого решения (факультативная стадия)»¹¹.

Рассмотренные подходы представляют интерес, но имеется несколько положений, необходимых для уточнения. Так, по нашему мнению, дисциплинарное производство представляет собой объединяющее понятие для всего процесса привлечения военнослужащих к ответственности. Также отличительным свойством дисциплинарного производства является возможность досрочного снятия взыскания по решению уполномоченного командира (начальника). Данная возможность предусмотрена и в отношении судей и нотариусов.

Приведенные выше подходы заслуживают внимания, но не являются не дискуссионными, поскольку единую структуру стадий для всех субъектов предусмотреть достаточно проблематично, особенно с учетом наличия в государственных органах, в которых предусмотрена военная служба, процедуры служебного расследования. По нашему мнению, особое внимание следует уделить работе А.Н. Крамника, который разделяет процессуально-исполнительное право на три части: «1) вводную; 2) процессуальную; 3) исполнительную»¹².

С учетом содержания *дисциплинарного производства* проведено авторское структурирование системы дисциплинарного производства в отношении военнослужащих Республики Беларусь и выявлены со-

⁹ Чухраева М.С. Стадии производства по материалам о дисциплинарных проступках, совершенных военнослужащими // ЭНИ «Военное право». 2010. № 4. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/4185> (дата обращения: 11.01.2017).

¹⁰ Бялт В.С. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

¹¹ Шурупова Е.А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации: административно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 139.

¹² Крамник А.Н. Административное право : учеб. пособие. Ч. 3 : Процессуально-исполнительное право. Минск, 2011. С. 17.

ответствующие стадии с учетом правового регулирования военной службы.

1. Анализ норм Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее – Дисциплинарный устав) позволяет сделать вывод об отсутствии вводной части дисциплинарного производства. Такой подход обоснован, прежде всего, структурным единством Дисциплинарного устава с закреплением в нем взысканий, видов дисциплинарных проступков и других положений, не относящихся к производству. Целостное описание самого дисциплинарного производства не находит отражения в Дисциплинарном уставе (только фрагментарное), поэтому не приходится говорить о наличии вводной части.

2. Под первым элементом (процессуальной частью) следует понимать порядок привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности.

Общий порядок привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности предусмотрен в гл. 13 Дисциплинарного устава, однако он имеет существенные особенности¹³. В отличие от уголовного и административного процесса порядок привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности следует отграничить от понятия «дело» по причине его отсутствия и необходимости простоты учета в каждом подразделении отдельно.

Российский законодатель такой порядок предусматривает косвенно. В ст. 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Дисциплинарный устав ВС РФ) определена обязательность проведения «разбирательства» перед привлечением к ответственности. Следует уделить особое внимание тому, что при совершении военнослужащими грубых дисциплинарных проступков разбирательство необходимо проводить «в письменном виде». Однако в приложении 6 к Дисцип-

линарному уставу ВС РФ предусмотрен ряд мер «обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке», которые могут быть применены на любом этапе разбирательства, следовательно, разбирательство входит в порядок производства по материалам о дисциплинарном проступке. Аналогичный подход применяют российские ученые, которые рассматривают производство только в отношении грубых дисциплинарных проступков, не исключая мер обеспечения¹⁴.

Изучение правовых предписаний Дисциплинарного устава ВС РФ свидетельствует о наличии производства по материалам о дисциплинарном проступке с имплицитным выделением в нем разбирательства, что, по нашему мнению, достаточно дискуссионно. С точки зрения автора, наличие в Дисциплинарном уставе ВС РФ правового закрепления производства по материалам о дисциплинарном проступке фрагментарно и не согласуется по отдельным моментам с разбирательством, которое, по сути, входит в состав производства.

Разбирательство действительно выступает составной частью порядка производства (привлечения военнослужащих к ответственности), но с учетом того, что производство следует именовать дисциплинарным.

На основании изложенного очевидно существование порядка разбирательства по материалам о дисциплинарном проступке с включением мер его обеспечения, порядок применения которых следует также закрепить. Главной причиной существования мер обеспечения видится необходимость предоставления должностным лицам определенного инструментария правовых средств для качественного и всестороннего анализа и принятия компетентного решения.

¹³ Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 06.04.2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Беларусь. Минск, 2017.

¹⁴ Комментарий к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации / С. И. Журавлев [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кудашкина, К. В. Фатеева. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Далее, немаловажным моментом является отсутствие в правовых предписаниях прав и обязанностей участников дисциплинарного производства, что создает предпосылки для нарушения прав и свобод военнослужащих при привлечении их к ответственности.

Не менее принципиальным вопросом рассмотрения механизма привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности являются основания и поводы для его начала, поскольку именно четкая формулировка начала производства разграничит процессуальную деятельность должностных лиц по привлечению военнослужащего к ответственности. Также необходимо обозначить окончание разбирательства, при котором принимается решение. В настоящее время данный порядок в Дисциплинарном уставе именуется служебным исследованием и состоит из перечисленных стадий, но применяется не всегда.

В свою очередь, существование дисциплинарного производства обуславливает необходимость закрепления статуса его участников, т. е. прав и обязанностей лиц, участвующих в разбирательстве. Выделение именно прав и обязанностей проведено по причине закрепления в общевоинских уставах типовых должностей военнослужащих и необходимости придания иного качественного статуса участникам дисциплинарного производства.

В связи с изложенным полагаем, что под процессуальной частью целесообразно понимать *разбирательство по материалам о дисциплинарном проступке* с включением в него *стадий: начала, порядка разбирательства и его окончания*. В свою очередь, с этой частью в прямой зависимости находятся *права и обязанности участников и порядок применения мер обеспечения*.

3. Ко второму элементу (исполнительной части) относятся правовые предписания, касающиеся исполнения дисциплинарных взысканий, содержащиеся в гл. 14 – 17 Дис-

циплинарного устава, в которых описан общий процесс приведения в исполнение дисциплинарных взысканий, ареста с содержанием на гауптвахте, порядок осуществления учета взысканий, а также обжалования решений и действий должностных лиц. Учет взысканий выступает элементом стадии реализации взыскания, но в связи с тем, что осуществляется учет не только взысканий, но и поощрений, необходимо дополнительно отметить указанный элемент.

Особенностью исполнительской части дисциплинарного производства является порядок обжалования взыскания, поскольку исполнение взыскания не приостанавливается на время подачи жалобы.

В указанных выше главах необоснованно отсутствуют правовые нормы по погашению и снятию дисциплинарных взысканий, они структурно поглощены в них. Сложность и значимость норм по снятию и погашению дисциплинарных взысканий продолжает требовать их отдельной правовой регламентации. Отсутствие таких правовых норм приводит к неправильному порядку снятия с военнослужащих дисциплинарных взысканий или поощрения при наличии взысканий¹⁵. По сути, погашение или снятие дисциплинарного взыскания выступает окончанием дисциплинарного производства, поскольку с наступлением одного из этих условий военнослужащий утрачивает негативный правовой статус и до этого момента фактически не оканчивается привлечение к ответственности.

С учетом рассмотренных правовых пробелов самостоятельной частью дисциплинарного производства выступает *исполнительная*, включающая: реализацию взысканий, обжалование, учет, погашение и снятие дисциплинарных взысканий.

4. Важным элементом дисциплинарного производства выступают его сроки. С.Г. Василевич экстраполирует большое значение сроков «во всех без исключения

¹⁵ Обзор нарушений законодательства Республики Беларусь, выявленных в I квартале 2015 г., от 28.04.2016 г. № 5/77 // Архив учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» за 2015 г.

отраслях права»¹⁶. Всепроникающий характер сроков в трудовом праве отмечен в работе Е.В. Мотиной¹⁷.

Соглашаясь с мнением вышеназванных ученых, автор полагает, что сроки «пронизывают» все составные части дисциплинарного производства. Соблюдение сроков является безусловной необходимостью выполнения процедуры привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности, и их несоблюдение ведет к незаконному применению дисциплинарных взысканий. Сроки присутствуют в каждой из двух указанных частей дисциплинарного производства, однако исследование норм Дисциплинарного устава показывает отсутствие общей нормы по порядку исчисления сроков.

В связи с вышесказанным сроки являются важной частью дисциплинарного производства и норма по общему их исчислению относится к отдельному элементу дисциплинарного производства и требует правового закрепления.

Таким образом, на основании изложенного и в целях унификации содержания дис-

циплинарного производства в отношении военнослужащих Республики Беларусь и повышения его эффективности предлагается под дисциплинарным производством в отношении военнослужащих понимать процесс привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности, включающий процессуальную и исполнительную часть.

Под процессуальной частью дисциплинарного производства целесообразно понимать разбирательство по материалам о дисциплинарном проступке с включением в него стадий: начала, порядка разбирательства и его окончания. В свою очередь, с этой частью в прямой зависимости находятся права и обязанности участников и порядок применения мер обеспечения.

Исполнительная часть дисциплинарного производства включает: реализацию взысканий, обжалование, учет, погашение и снятие дисциплинарных взысканий.

Сроки выступают отдельным элементом дисциплинарного производства и требуют отдельного исследования и правового закрепления.

Информация

Во Владимире осуждены бывший военнослужащий и гражданские лица, убившие животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации

Доказательства, собранные 451 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора в отношении бывшего военнослужащего войсковой части 95855 прапорщика запаса Г., а также граждан М. и А.. Они признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 2581 УК РФ (незаконные добыча и перевозка особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации). Следствием и судом установлено, что в октябре 2016 года на территории федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный парк «Угра» Г., М. и А., используя огнестрельные ружья, убили самку и теленка европейского зубра, добыча которых на территории Российской Федерации запрещена. По оценке специалистов Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, ущерб от указанных действий составил порядка 950 тыс. рублей. Решением 95 гарнизонного военного суда, расположенного в г. Владимире, Г., М. и А. назначены наказания каждому в виде лишения свободы сроком на 2 года условно с испытательным сроком 1 год, со штрафом 350 тыс. рублей. Кроме того, суд обязал осужденных в солидарном порядке возместить причиненный государству материальный ущерб.

28.12.2017

<http://gvsu.gov.ru/news/>

¹⁶ Василевич С.Г. Сроки в административно-деликтном праве // Законность и правопорядок. Минск, 2016. № 1. С. 25.

¹⁷ Мотина Е.В. Понятие срока в трудовом праве // Право и демократия. Вып. 21. Минск, 2010. С. 176.

О СООТНОШЕНИИ ЗАКОННОСТИ И РЕЗОННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПРАВА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПЕРЕПОДГОТОВКУ

С.С. Харитонов, полковник юстиции запаса, кандидат юридических наук, профессор

Право военнослужащих, увольняемых с военной службы, на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей является одним из этапов перехода образа жизни гражданина «с военных на гражданские рельсы». Получая «гражданское» образование, военнослужащий психологически адаптируется к новой жизни, которая не сопряжена с ограничениями и лишениями, обусловленными военной службой.

С учетом того что получаемое образование по «гражданской» профессии может значительно изменить жизнь военнослужащего в дальнейшем, к выбору специальности и учебного заведения, в котором ее получают, необходимо подходить взвешенно и ответственно.

К сожалению, нормы, регулирующие профессиональную переподготовку увольняемых с военной службы граждан, содержат определенные погрешности, на кото-

рые обращали внимание ученые¹, что, в свою очередь, приводит к необходимости установления смысла и содержания правовых предписаний в судебном порядке.

Не описывая подробно порядок реализации права военнослужащих на образование в форме профессиональной переподготовки², отметим только, что на законодательном уровне оно установлено п. 4 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (далее – Закон о статусе военнослужащих): военнослужащие-граждане, проходящие военную службу по контракту, общая продолжительность военной службы которых составляет пять лет и более, в год увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, истечении срока военной службы, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями имеют право пройти профессиональную пере-

¹ См., напр.: Дедов Ю.Ф. Правовые аспекты профессиональной переподготовки военнослужащих // Право и образование. 2014. № 4. С. 42 – 46; Гацко М.Ф. Проблемы реализации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку при их увольнении с военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 2. С. 17 – 24; Егоров А.В. Порядок реализации военнослужащими права на профессиональную переподготовку при их увольнении с военной службы // Военное право. 2017 № 1 (41). С. 141 – 147; Корякин В.М. Как военнослужащему реализовать свое право на прохождение профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 12. С. 4 – 6; Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

² См., например, приказы: Министра обороны Российской Федерации «О порядке и условиях профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей отдельных категорий военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту» от 21 октября 2015 г. № 630; Росгвардии «Об утверждении Порядка и условий направления отдельных категорий военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей» от 23 августа 2017 г. № 367 и др.

подготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение продолжительностью до четырех месяцев. В случае увольнения указанных военнослужащих с военной службы в период обучения они имеют право на завершение учебы бесплатно.

При этом федеральные органы по-разному определяют перечень вузов, где осуществляется профессиональная переподготовка.

Так, если Минобороны России определило, что переподготовка осуществляется только в военно-учебных заведениях³, что обусловлено, скорее всего, большим числом как самих увольняемых с военной службы, так и «гражданских» специальностей, по которым вузы готовы переучить военнослужащих, то в целях получения гражданской специальности военнослужащими других «силовых» структур заключаются договоры с образовательными организациями⁴.

Конституционным Судом Российской Федерации было разъяснено, что п. 4 ст. 19 Закона о статусе военнослужащих, в дополнение к предусмотренным Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 гарантиям государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы устанавливающий право военнослужащих пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей, направлен на обеспечение реализации права граждан на труд посредством предоставления возможности получения специальности, повышающей их конкурентоспособность на рынке труда⁵.

Выше указывалось, что судебным органам нередко приходится устранять неясность в содержании или самом факте существования спорного материального правоотношения. Применительно к правовому регулированию профессиональной переподготовки военнослужащих интересными представляются вопросы, во-первых, сроков подачи военнослужащими, желающими пройти профессиональную переподготовку, рапортов, во-вторых, выбора вуза, где проходить переподготовку.

Так, Верховным Судом Российской Федерации было подтверждено, что руководитель федерального органа исполнительной власти (федерального государственного органа), в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, вправе установить срок подачи рапортов военнослужащими, изъявившими желание пройти профессиональную переподготовку. Судебное решение было принято по итогам рассмотрения административного искового заявления С.⁶ о признании незаконным и недействующим подп. 3 п. 15 Инструкции о порядке и условиях реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей (далее – Инструкция), утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2009 г. № 22. С. заявил, что этот пункт лишает военнослужащих права пройти профессиональную переподготовку с момента принятия решения о представлении их к увольнению с военной службы.

Обосновывая свое решение, суд отметил, что анализ оспариваемой нормы свидетельствует о том, что право на прохождение

³ Пункт 1 Порядка и условий профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей отдельных категорий военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, утвержденных приказом Министерства обороны Российской Федерации от 21 октября 2015 г. № 630.

⁴ Пункт 2 приказа ФСБ России «О порядке и условиях реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей» от 26 января 2009 г. № 22.

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 2335-О.

⁶ Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11 октября 2017 г. № ВКАПИ17-31.

профессиональной переподготовки перед увольнением с военной службы носит исключительно заявительный характер и зависит от волеизъявления самого военнослужащего, вследствие чего такое право подлежит реализации только после обращения военнослужащего к командованию с соответствующим рапортом в установленном порядке и в установленные сроки.

Определение в оспариваемой норме ограниченного срока на подачу военнослужащим рапорта о направлении на профессиональную переподготовку обусловлено необходимостью своевременного выполнения органом федеральной службы безопасности организационных мероприятий (в частности, по планированию и выделению денежных средств, заключению договора с образовательной организацией и т. д.), непосредственно направленных на реализацию лицами данной категории права на образование.

Более того, согласно п. 4 ст. 19 Закона о статусе военнослужащих профессиональная переподготовка военнослужащих производится с сохранением их обеспечения всеми видами довольствия, а продолжительность ее срока составляет до четырех месяцев, в связи с чем ограниченный срок на подачу соответствующего рапорта является гарантией своевременного направления военнослужащего на обучение до дня исключения его из списков личного состава органа федеральной службы безопасности.

С учетом того что п. 4 ст. 19 Закона о статусе военнослужащих не регламентирует порядок и условия реализации соответствующими категориями военнослужащих права на прохождение профессиональной подготовки и подачу рапорта об этом, а определение порядка и условий реализации данного права находится в исключительной компетенции федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, то

директором ФСБ России в целях реализации предоставленных Законом о статусе военнослужащих полномочий и определены сроки для подачи рапорта на прохождение профессиональной переподготовки увольняемыми военнослужащими.

Далее о выборе учебного заведения для получения «гражданской» специальности военнослужащим. Некоторые военнослужащие полагают, что они вправе определять конкретное учебное заведение, в котором должны пройти профессиональную переподготовку. Однако право выбора образовательного учреждения при направлении военнослужащего, увольняемого с военной службы, на профессиональную переподготовку, предоставляется командованию и не зависит от волеизъявления военнослужащего, что также подтверждено решением Верховного Суда Российской Федерации⁷.

Данное решение подкреплено доводами о том, что содержание п. 4 ст. 19 Закона о статусе военнослужащих указывает на то, что право военнослужащего на профессиональную переподготовку реализуется в порядке и на условиях, которые определяются федеральным органом исполнительной власти и федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, а сама переподготовка не может превышать четырех месяцев.

Во исполнение Закона о статусе военнослужащих приказом ФСБ России утверждена Инструкция.

В соответствии с п. 9 Инструкции профессиональная переподготовка военнослужащих осуществляется, как правило, в образовательных учреждениях, расположенных в населенных пунктах по месту прохождения военной службы. При невозможности пройти обучение по месту прохождения военной службы военнослужащие направляются на обучение в образовательные учреждения, расположенные в близлежащих

⁷ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2017 г. № 211-КГ17-27 по заявлению Л.

к месту прохождения военной службы населенных пунктах.

Из изложенного следует, что право выбора образовательного учреждения для направления военнослужащего на профессиональную переподготовку предоставлено исключительно командованию и не зависит от волеизъявления военнослужащего.

Одновременно судом зафиксировано, что согласно п. 5 ст. 76 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации, что указывает на направленность профессиональной переподготовки на освоение военнослужащими нового вида профессиональной деятельности и приобретение новой квалификации, способствующих их адаптации к новым экономическим и социальным условиям

жизни и деятельности после увольнения с военной службы, а также повышение их конкурентоспособности на рынке труда. Поэтому желание военнослужащего реализовать свое право на дополнительное образование не может быть обусловлено намерением повысить профессиональный уровень в рамках имеющейся квалификации.

Представляется, что приведенные судебные решения, с одной стороны, подтверждают законность действий командования по реализации права военнослужащих на образование, но, с другой стороны, могут «подтолкнуть» разработчиков ведомственных нормативных актов на их совершенствование в целях учета естественного желания военнослужащих получить качественное и конкурентное на рынке труда образование по востребованной «гражданской» специальности в учебном заведении с высокой репутацией, что позволит обеспечить баланс публичных и частных интересов.

Информация

По материалам военной прокуратуры за многомиллионные хищения в Пермском крае осужден служащий Центрального военного округа

18.01.2018

В соответствии с предложением государственного обвинителя Кунгурский городской суд приговорил бывшего главного инженера отдела реализации военного имущества Центрального военного округа С. к 7 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 700 тыс. рублей.

Исковые требования представителя Минобороны России с учетом частичного добровольного возмещения причиненного государству ущерба в размере свыше 32 млн рублей удовлетворены на сумму более 45 млн рублей.

Прокурорской проверкой и последующим производством по делу установлено, что в период с ноября 2012 года по ноябрь 2013 года С. представил в службу ракетно-артиллерийского вооружения Центрального военного округа подложные документы о приобретении коммерческими организациями латунных гильз массой свыше 620 тонн. Полученные таким образом счета-наряды на выдачу из воинских частей указанного имущества он передал своим подельникам, которые организовали вывоз похищенного цветного металла с последующей его продажей. В результате государству был причинен ущерб на сумму свыше 77 млн рублей.

За пособничество С. в совершении хищений этим же приговором осуждена гражданка С., а второй соучастник находится в международном розыске.

<http://gvp.gov.ru/news/>

СОВЕРШЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ЗАВЕЩАНИЙ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

В.В. Титов, юрист, подполковник юстиции запаса

Одной из важнейших форм социально-правовой защиты гражданских прав военнослужащих является закрепление в законодательных актах различного рода гарантий, под которыми понимаются юридические условия и средства, обеспечивающие им возможность реализации установленных законодательством прав и свобод.

Предусматривая возможность исполнения военнослужащими обязанностей военной службы в любых условиях, в том числе связанных с риском для жизни, государство принимает на себя обязанность формирования эффективного механизма осуществления и защиты субъективных прав военнослужащих в чрезвычайных условиях.

А.В. Мелехин, занимающийся исследованием проблем государственного управления в обычных и чрезвычайных условиях, отмечает, что правоотношения, возникшие в процессе действия чрезвычайного законодательства, регламентируются различными отраслями законодательства. Поэтому нормы чрезвычайного законодательства, в отличие от обычного, не имеют систематизированной формы. Они группируются в виде отдельных нормативных правовых актов (законы, указы), но в основном разбросаны по отраслям законодательства¹.

В связи с изложенным выше образуется множество различных интерпретаций одного и того же понятия, содержащихся в различных нормативных правовых актах, что, в свою очередь, вызывает необходимость устранения терминологических недостатков, т. е. толкования норм права, итогом которого в большинстве случаев является их неофициальное и расширительное толкование.

В гражданском праве применительно к различным правовым институтам применяется понятие «чрезвычайные обстоятельства». Вместе с тем, в настоящее время законодательство не содержит его легального толкования. Понятие «чрезвычайный» в русском языке имеет значение: «исключительный, не предусмотренный обычным ходом дел»². В свою очередь, под «обстоятельствами» понимаются «условия, определяющие ход событий, поведение, положение, ситуация, обстановка»³. Определение понятия «чрезвычайные обстоятельства» в толковых словарях отсутствует. Исходя из словесного смысла словосочетания «чрезвычайные обстоятельства» под указанными обстоятельствами подразумеваются исключительные условия, не предусмотренные в повседневной (обычной) обстановке.

¹ Мелехин А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 348.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. АН; Рос. фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. С. 875.

³ Универсальный словарь русского языка для школьников. М., 2008. С. 252.

В юридической науке чрезвычайные обстоятельства принято подразделять на обстоятельства преднамеренного происхождения (война, военное положение, правовой режим проведения контртеррористических операций, выполнение боевых задач за пределами Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации и др.) и непреднамеренного происхождения (природного характера (стихийные бедствия), техногенного характера (технологические аварии и катастрофы).

Законодательство Российской Федерации предусматривает участие военнослужащих в боевых действиях, выполнении задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, в проведении контртеррористических операций на ее территории, участие их в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф, осуществляемых без введения чрезвычайного положения, т. е. в условиях, когда их жизнь подвергается непосредственной опасности, что, в свою очередь, означает, что военнослужащие находятся в особых (исключительных) условиях исполнения обязанностей военной службы. По нашему мнению, к чрезвычайным обстоятельствам также следует отнести нахождение военнослужащего в плену, удержание его в качестве заложника, интернирование в нейтральных странах.

Опыт реализации военнослужащими гражданских прав в период Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что в условиях военного положения, т. е. в условиях, сопряженных с риском для их жизни, требуется законодательное закрепление упрощенной формы совершения завещаний.

Устная форма совершения завещаний отдельными категориями лиц (военнослу-

жащими, моряками), находящихся в особых, исключительных обстоятельствах, распространена в зарубежных правовых системах, в которых имеет устойчивую практику применения. Так, ст. 11 английского Закона о завещаниях 1837 г. определено, что военнослужащие, находящиеся на действительной военной службе, вправе совершать устные завещания в присутствии свидетелей либо письменные завещания, не требующие подписания или удостоверения свидетелями.

В Королевстве Испания совершение устного завещания допускается в присутствии нескольких свидетелей только в период боевых действий в условиях неизбежной опасности. Если завещатель остался в живых и опасность миновала, он должен составить завещание в письменной форме с соблюдением всех предусмотренных законом требований.

В израильском наследственном праве признаются устные завещания, совершенные в чрезвычайных условиях, явно угрожающих смерти, либо в предсмертном состоянии. Например, солдат перед боем устно выражает свою последнюю волю в присутствии двух свидетелей, которые должны письменно изложить текст завещания в протоколе, а также указать на чрезвычайные обстоятельства, являвшиеся основанием для составления устного завещания, подписать протокол и незамедлительно передать регистратору по делам наследства. Такое завещание действительно в течение одного месяца. Если завещатель жив и отпали чрезвычайные условия, он должен оформить завещание в установленной законом форме.

В настоящее время российское гражданское законодательство не предусматривает устной формы завещаний, совершаемых в чрезвычайных обстоятельствах.

Статья 1129 ГК РФ содержит исключения из общего порядка удостоверения завещаний, определенного ст.ст. 1124 – 1128 ГК РФ, и допускает возможность совершения лицом, находящимся в чрезвычайных об-

стоятельствах, завещания в простой письменной форме. Применительно к данной форме завещания под чрезвычайными обстоятельствами понимается положение, явно угрожающее жизни наследодателя, однако данная угроза должна быть очевидной не только для наследодателя, но и для неограниченного круга лиц. Следует отметить, что завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах, является особой формой распоряжения гражданином (военнослужащим) своим имуществом на случай смерти и не является ни нотариальным действием, ни приравненным к нему.

Действительность завещаний, совершенных в чрезвычайных условиях, ставится законом в зависимость от соблюдения при его совершении ряда обязательных условий.

По смыслу ст. 1129 ГК РФ обязательными условиями являются: факт собственноручного написания завещания, составления и его подписи наследодателем, находящимся в положении, явно угрожающем его жизни; в силу чрезвычайных обстоятельств исключена возможность совершения им завещания в порядке, определенном ст.ст. 1124 – 1128 ГК РФ; а также присутствие двух свидетелей при его написании.

Как отмечает Д.Н. Гук, не может признаваться имеющим законную силу такое завещание, если действительно существовала реальная угроза жизни гражданина, но была возможность удостоверять завещание. Например, в случае нахождения военнослужащего в эпицентре стихийного бедствия, угрожающего его жизни, он может обратиться в органы местного самоуправления за удостоверением завещания; если в месте дислокации воинской части, выполняющей задачи по ликвидации незаконных вооруженных формирований, нет нотариуса, но есть командир воинской части, военнослужащий может обратиться к нему.

Таким образом, указанные выше обстоятельства не дают права гражданину

составить завещание в олографической форме⁴.

Изложение военнослужащим последней воли в простой письменной форме признается его завещанием, если завещатель в присутствии двух свидетелей собственноручно написал и подписал документ, из содержания которого следует, что он представляет собой завещание (абз. 2 п. 1 ст. 1129 ГК РФ).

По мнению М.В. Конохова, требования, предъявляемые законом к форме такого завещания, позволяют утверждать о некоторых затруднениях при его оформлении. В условиях военных действий затруднение вызывает обязательное присутствие двух свидетелей при составлении указанного завещания. В этих условиях свидетели могут погибнуть, их также может рядом не оказаться⁵.

В связи с указанием закона на установление факта совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах в судебном порядке можно предположить, что законодатель понятию «свидетель» придавал именно то значение, которое придается указанному понятию ст. 69 ГПК РФ, т. е. под свидетелем следует понимать лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела.

При этом законодателем не учтена возможность одновременной гибели свидетелей или одного из них и наследодателя либо позднее него, что исключает обеспечение доказательства факта совершения завещания и подписания его конкретным лицом.

Не учтены законодателем и случаи, когда наследодатель в силу полученных ранений не может собственноручно составить и подписать завещание, а впоследствии может погибнуть или умереть от полученных ранений. Отсутствие в законе нормы, предусматривающей возможность подписания завещания, совершаемого в чрезвычайных обстоятельствах рукоприкладчи-

⁴ Гук Д.Н. Завещание в чрезвычайных обстоятельствах // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 8.

⁵ Конохов М.В. Гражданские права и обязанности военнослужащих в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 118.

ком, вообще лишает военнослужащего возможности распорядиться своим имуществом на случай смерти, поскольку в силу закона завещание, написанное в чрезвычайных обстоятельствах со слов завещателя другим лицом, а затем подписанное завещателем, не обладает юридической силой (недействительно).

Завещание должно содержать указание на свидетелей, которые присутствовали при его составлении и подписании. Однако норма ст. 1129 ГК РФ не содержит указания на обязанность свидетелей удостоверить своей подписью факт собственноручного составления и подписания завещания наследодателем. При таких обстоятельствах отсутствие их подписей на завещании, как и их наличие, не является основанием для признания его недействительным в силу имеющейся в абз. 2 п. 1 ст. 1129 ГК РФ неполноты правового регулирования. В условиях боевых действий, интенсивности проведения контртеррористической операции возможность установления соответствия требованиям п. 2 ст. 1124 ГК РФ свидетелей, засвидетельствовавших завещание, составленное в чрезвычайных условиях, а также применения указанной статьи к завещаниям, составляемым в чрезвычайных условиях, вызывает сомнение. Несоответствие свидетелей требованиям, изложенным в п. 2 ст. 1124 ГК РФ, не приводит к ничтожности завещания, составленного в таких условиях, тем не менее, делает его оспоримым.

Вместе с тем, для формирования доказательственной базы в суде не следует пренебрегать возможностью подписания свидетелями завещания, составленного в простой письменной форме.

Согласно прямому указанию закона завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах, должно быть написано наследодателем собственноручно.

Правоприменительной практикой, хотя и малочисленной, в качестве завещаний,

составленных в чрезвычайных условиях, не рассматриваются завещания, текст которых изготовлен машинописным способом, поскольку для подготовки и распечатки текста необходимы время и технические средства, которые в условиях чрезвычайных обстоятельств отсутствуют, что не позволяет сделать вывод о том, что завещание составлено в чрезвычайных обстоятельствах⁶.

Законодательством фиксация последней воли средствами аудио- и видеорегистрации не допускается. Вместе с тем, аудио- и видеозаписи при соблюдении завещателем обязательных условий, установленных для завещаний, совершаемых в чрезвычайных ситуациях, в соответствии со ст. 55 ГПК РФ могут служить доказательствами факта совершения им завещания в чрезвычайных обстоятельствах. При этом допустимость аудио- и видеозаписей в качестве доказательств, их относимость и достоверность будет оцениваться судом в каждом конкретном случае.

Д.Н. Гук отмечает, что в реальной жизни в случае нахождения военнослужащего в плену вряд ли ему предоставят лист бумаги и ручку, чтобы написать завещание. Ни в одном нормативном правовом акте не оговаривается материал, на котором должно быть совершено завещание. Исходя из этого можно сделать вывод, что завещание может быть написано на куске материи или коры дерева и т. д.⁷ По нашему мнению, в данной ситуации будет иметь место соблюдение квазиписьменной формы.

Из содержания документа, составленного и подписанного гражданином в чрезвычайных обстоятельствах, должно следовать, что он представляет собой именно завещание, т. е. целью его совершения должно быть желание распорядиться своим имуществом на случай смерти.

При отсутствии одного из условий, обязательных для совершения завещания в

⁶ См., например, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 30 мая 2016 г. по делу № 33-8896/2016.

⁷ Гук Д.Н. Указ. соч.

чрезвычайных обстоятельствах, выражение волею военнослужащим последней воли в отношении своего имущества не может квалифицироваться как завещание и не будет иметь юридической силы.

В то же время не следует забывать о том, что завещанием, совершенным в чрезвычайных обстоятельствах, может быть отменено или изменено только такое же завещание (п. 5 ст. 1130 ГК РФ). Следовательно, если до составления завещания, совершенного в чрезвычайных обстоятельствах, существовало завещание, удостоверенное в порядке, предусмотренном ст.ст. 1124 – 1128 ГК РФ, то завещание, совершенное в соответствии со ст. 1129 ГК РФ, будет действовать только в отношении ранее не завещанного имущества.

Завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах, носит временный характер и утрачивает силу, если завещатель в течение месяца после прекращения этих обстоятельств не воспользуется возможностью совершить завещание в иной форме, предусмотренной ст.ст. 1124 – 1128 ГК РФ (п. 2 ст. 1129 ГК РФ). Указанное завещание утрачивает свою силу по истечении одного месяца. Установленный законом срок является пресекательным и не может быть восстановлен, в том числе и в судебном порядке. В случае если завещатель составил новое завещание в иной форме, предусмотренной законом, в силу п. 2 ст. 1130 ГК РФ фактически имеет место отмена завещания, совершенного в чрезвычайных обстоятельствах.

В силу прямого указания закона и ввиду несовершенства правовой конструкции ст. 1129 ГК РФ установление юридически значимого факта совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах является судебной формой защиты наследственных прав заинтересованных лиц (наследников по завещанию и отказополучателей). Заявление в суд должно быть подано до истечения шестимесячного срока, установленно-

го ст. 1154 ГК РФ для принятия наследства. По заявлению наследника, пропустившего данный срок, суд может его восстановить, если наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил этот срок по другим уважительным причинам, при условии, что наследник, пропустивший срок, обратился в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска отпали (п. 1 ст. 1155 ГК РФ). Заявитель должен представить в суд подлинное завещание. Факты собственноручного составления и подписания, а также его совершения в условиях, явно угрожающих жизни завещателя, подтверждаются свидетельскими показаниями.

Следует при этом иметь в виду, что в ст. 1129 ГК РФ не содержатся ссылки на какие-либо определенные средства доказывания и не указывается на обязательное присутствие свидетелей при рассмотрении дела. Таким образом, если к моменту судебного рассмотрения дела не останется в живых одного или двух свидетелей либо их невозможно будет отыскать, это не может являться основанием для отказа в признании завещания совершенным в чрезвычайных обстоятельствах⁸.

В случае если свидетели, присутствовавшие при составлении завещания, живы, то в заявлении необходимо их указать как свидетелей, которые подлежат вызову в суд.

Если завещание никто не оспаривает, то требование о его подтверждении подлежит рассмотрению в порядке особого производства по заявлению заинтересованных лиц, а в случае спора – в порядке искового производства в силу ч. 3 ст. 263 ГПК РФ⁹.

Поскольку подтверждение факта совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах осуществляется в порядке особого производства, то в заявлении в качестве цели его подачи также следует указать на необходимость принятия наследства в связи с имеющимся завещанием.

⁸ Попова Ю.А., Федорова И.В. Завещание в чрезвычайных обстоятельствах: вопросы теории и практики // Науч. журн. КубГАУ. 2015. № 109 (05). С. 11.

⁹ Попова Ю. А., Федорова И.В. Указ. соч. С. 3.

В порядке особого производства суд ус- танавливает только факт пребывания лица в чрезвычайных обстоятельствах и собственноручного составления и подписания им завещания, не исследуя на предмет законности содержащиеся в нем распоряжения. Поэтому завещание может быть оспорено в порядке искового производства лицом, права и законные интересы которого нарушены завещанием, по основаниям его недействительности (пп. 1 и 2 ст. 1131 ГК РФ) в силу порока воли (под влиянием заблуждения, насилия либо угрозы и т. п.) либо как притворной сделки или вследствие порока формы.

В п. 4 ст. 1124 ГК РФ закреплено указание в завещании места и даты его совершения. В то же время законом не предусмотрены последствия отсутствия этих реквизитов в завещании, совершенном в чрезвычайных обстоятельствах. Человек может не знать о каких-либо формальностях либо попросту забыть их выполнить, находясь в таких угрожающих жизни обстоятельствах. В подобных случаях оправданно применение

п. 3 ст. 1131 ГК РФ: возможность признания завещания действительным и при отсутствии этих данных, если суд установит, что эти данные не влияют на понимание воли завещателя. Таким образом, следует заключить, что соблюдения всех условий завещания, предусмотренных ст. 1124 ГК РФ, не требуется, если это не влияет на понимание волеизъявления завещателя¹⁰.

Анализ судебной практики, содержащейся в справочно-правовых системах и на официальных сайтах судов общей юрисдикции, свидетельствует о том, что число завещаний, совершаемых военнослужащими в чрезвычайных обстоятельствах, незначительно, что обусловлено не отсутствием обстоятельств, когда такое завещание может быть составлено, а неосведомленностью военнослужащих о возможности составления такого завещания. Отсутствие противоречий в правоприменительной практике также исключает возникновение интереса законодателя к дальнейшему прогрессивному совершенствованию законодательства в указанной области.

Примерная форма завещания, совершенного в чрезвычайных обстоятельствах

ВАЖНО!!! Завещание должно быть составлено и подписано наследодателем собственноручно, использование машинописного способа написания не допускается.

Подписание свидетелями завещания не обязательно, но рекомендуется.

ЗАВЕЩАНИЕ

_____, _____ года.
(место составления) (дата совершения завещания прописью)

Я, _____, проживающий
(фамилия, имя, отчество, дата (число, месяц, год) рождения, паспортные данные)
по адресу: _____,
(адрес постоянного места жительства)

проходящий военную службу в воинской части _____, находясь в здравом уме и твердой памяти, действуя добровольно, пребывая в положении, явно угрожающем жизни,

¹⁰ Попова Ю. А., Федорова И. В. Указ. соч. С. 11.

лишенный возможности иным способом совершить завещание в силу участия в контртеррористической операции, настоящим завещанием на случай смерти делаю следующее распоряжение.

Принадлежащий мне на праве собственности земельный участок, а также находящиеся на нем садовый дом и хозяйственные постройки, расположенные по адресу:

_____
(субъект Российской Федерации, населенный пункт, улица и иные адресные ориентиры)
ЗАВЕЩАЮ: _____
(фамилия, имя и отчество лица, в пользу которого завещается имущество)

_____
(фамилия, имя, отчество, подпись завещателя)
Завещание совершено и подписано в нашем присутствии. Свидетели:

_____
(фамилия, имя, отчество, подпись свидетеля)

_____
(фамилия, имя, отчество, подпись свидетеля)

**Заявление (образец)
об установлении факта совершения завещания
в чрезвычайных обстоятельствах**

В _____ суд
(наименование суда)
ОТ _____
(Ф.И.О. заявителя, адрес, контактные телефоны)

Заинтересованные лица:
_____
(Ф.И.О., адрес, контактные телефоны)

**Заявление
об установлении факта совершения завещания
в чрезвычайных обстоятельствах**

_____ 20__ г. _____
(число, месяц, год) (фамилия, имя, отчество наследодателя)

погиб при исполнении обязанностей военной службы в ходе _____
_____

(указать обстоятельства гибели (боевые действия, проведение контртеррористической операции, ликвидация стихийных бедствий и др.)

В силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств наследодатель был лишен возможности совершить завещание в соответствии с правилами статей 1124 – 1128 ГК РФ.

Находясь в положении, явно угрожающем его жизни,

_____
(фамилия, имя, отчество наследодателя)
изложил последнюю волю в отношении своего имущества в собственноручно

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО И ЖИЛИЩНОГО ПРАВА

составленном и подписанном завещании, в простой письменной форме, в присутствии свидетелей:

_____.
(фамилия, имя, отчество свидетеля, адрес)

_____.
(фамилия, имя, отчество наследодателя, адрес)

По завещанию, совершенному в чрезвычайных обстоятельствах, мне было завещано: _____.

(указать завещанное имущество)

К наследникам по закону относятся: _____.

_____.
(фамилия, имя, отчество наследника по закону, адрес)

Установление факта совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах необходимо для принятия наследства.

На основании изложенного и руководствуясь статьей 1129 ГК РФ, **ПРОШУ:** установить факт совершения завещания _____.

(фамилия, имя, отчество наследодателя)

в чрезвычайных обстоятельствах.

Приложения:

1. Копия завещания.
2. Копия свидетельства о смерти наследодателя.
3. Доказательства, подтверждающие чрезвычайность обстоятельств, при которых погиб наследодатель.
4. Копии заявления по числу лиц, участвующих в деле.
5. Квитанция об уплате государственной пошлины.

« » _____ 201__ г. _____ ( )

(подпись)

(фамилия, имя, отчество)

Объединенная редакция военно-правовых изданий (Центр правовых коммуникации) сообщает о выходе в свет книг

1. *Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей* (М.: Центр правовых коммуникаций, 2017).

2. **Военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации: теоретико-правовые и практические аспекты деятельности:** научно-практическое пособие / В.М. Корякин, С.А. Минтягов, А.Н. Подшибякин. – М.: Центр правовых коммуникаций, 2018.

Книги можно заказать, направив заявку на электронную почту pvsypo@mail.ru
Стоимость книг - 500 руб. (без доставки).

Более подробную информацию по книге можно получить на сайте www.voennpravo.ru

Редакция

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛЕНИЯ ЗАКУПКИ НА ЧАСТИ

Р. А. Жабровский, майор юстиции, юрисконсульт воинской части

Деление одной большой по цене закупки на несколько меньших по цене закупок – практика, довольно часто встречающаяся при осуществлении закупочной деятельности, в том числе и осуществляемой органами военного управления. Законодательной основой такого деления выступает Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе), а именно его ч. 6 ст. 24, в соответствии с которой при осуществлении закупки путем проведения конкурса или закрытого аукциона могут выделяться лоты, в отношении которых в извещении о проведении открытого конкурса, конкурса с ограниченным участием или двухэтапного конкурса либо приглашении принять участие в закрытом конкурсе, закрытом конкурсе с ограниченным участием, закрытом двухэтапном конкурсе или закрытом аукционе, в конкурсной документации, документации об аукционе отдельно указываются объект закупки, начальная (максимальная) цена контракта и ее обоснование в соответствии со ст. 22 Закона о контрактной системе, сроки и иные условия поставки товара, выполнения работы или оказания услуги.

Деление предмета торгов на лоты является перспективным средством противодействия картельным сговорам на рынке закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства¹. Обычно увеличение числа участников закупки в связи с выделением лотов влечет за собой усложнение взаимодействия между ними и, следовательно, достижения антиконкурентных договоренностей². Разбивка предмета торгов на лоты ведет к увеличению количества участников закупки и способствует развитию конкуренции³, в том числе делает доступным прямое участие в аукционах субъектов малого и среднего предпринимательства⁴, производителей продукции. Выделение лотов, по мнению О.А. Беляевой, повышает эффективность проведения торгов, поскольку наличие нескольких лотов увеличивает количество потенциальных победителей, ведь в отношении каждого лота заключается отдельный договор⁵.

Если оставить в стороне требования антимонопольного законодательства, в соответствии с которым, наряду с иными установленными запретами при проведении торгов, запроса котировок, запроса предложений в случае закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, запрещается огра-

¹ Свиных Е.А. Противодействие сговорам участников закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10.

² Разделение на лоты и конкуренция в закупках / В. Гримм [и др.] // Руководство по закупкам. М., 2013. С. 237.

³ Там же. С. 230.

⁴ European code of best practices facilitating access by SMEs to public procurement contracts // Commission staff working document [SEC (2008) 2193]. Brussels, 2008. P. 6 – 7. URL: http://ec.europa.eu/internal_market/publicprocurement/docs/sme_code_of_best_practices_en.pdf (дата обращения: 12.10.2017); Burgi M. Small and Medium-Sized Enterprises and Procurement Law – European Legal Framework and German Experiences // Public Procurement Law Review. 2007. Vol. 16. P. 293 – 294.

⁵ Беляева О.А. Правовые проблемы аукционов и конкурсов. М., 2011. С. 85.

ничество конкуренции между участниками торгов, участниками запроса котировок, участниками запроса предложений путем включения в состав лотов товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных с товарами, работами, услугами, поставки, выполнение, оказание которых являются предметом торгов, запроса котировок, запроса предложений⁶, то можно прийти к выводу, что решение о таком делении принимается заказчиком по собственной инициативе в процессе проведения конкурентной процедуры определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при этом оно может основываться на достижении экономии бюджетных средств при обеспечении государственных нужд товарами, работами и услугами требуемого качества.

Однако, помимо деления закупки на лоты, существует и другой пример ее разбивки на составные части, причиной которого нередко выступает сознательное нарушение законодательства со стороны должностных лиц, ответственных за проведение закупок, в том числе и связанное с коррупционным поведением.

Суть данного подхода заключается в том, чтобы разбить одну закупку на несколько с ценой контракта не более чем указано в пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, т. е. 100 тыс. руб. и 400 тыс. руб. соответственно. Например, закупка с начальной максимальной ценой контракта в 2 млн руб. может осуществляться путем заключения 20 государственных контрактов с ценой контракта не более 100 тыс. руб. (далее – договоров, если не оговорено иное). Данное явление получило неофициальное название «дробление закупок», и подобная формулировка довольно часто встречается в Интернете и статьях, посвященных прокьюременту.

Несмотря на то что само понятие дробления в целях обхода требований закона встречалось еще во времена первых лет существования РСФСР⁷, в Законе о контрактной системе нет ни единого положения, посвященного борьбе с этим негативным явлением. И это заметно отличается от положений Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (далее – Закон о размещении заказов), который, по мнению некоторых экспертов, «устарел и не выполняет основной функции, ради которой он был создан, – снижение коррупции в государственном секторе»⁸. Как показывает практика, коррупция может проявляться в различных своих ипостасях, а новые законы не всегда могут устранить ее полностью только по одному тому факту, что они новые.

Проблема дробления, как говорилось выше, не нова, и именно в Законе о размещении заказов были положения, направленные на борьбу с этим явлением.

Так, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 42 Закона о размещении заказов заказчик не вправе был осуществлять размещение заказа путем запроса котировок на поставку одноименных товаров, выполнение одноименных работ, оказание одноименных услуг на сумму более чем 500 тыс. руб. в течение квартала. В соответствии с положениями Закона о размещении заказов устанавливался и предел на размещение заказа у единственного поставщика: в соответствии с п. 14 ч. 2 ст. 55 заказчик был вправе закупить одноименных товаров, работ, услуг в течение квартала на сумму, не превышающую указанного предельного размера расчетов наличными деньгами, а в соответствии с п. 14.1 ч. 2 ст. 55 – на сумму, не превышающую 400 тыс. руб.

⁶ Часть 3 ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ.

⁷ Например, п. 2 Декрета СНК РСФСР «О расчетных операциях между советскими учреждениями, советскими и находящимися в ведении или под контролем советских организаций предприятиями и о приобретении ими предметов за наличный расчет» от 23 января 1919 г.

⁸ Бордунова С.А. Правовые проблемы регулирования государственных и муниципальных заказов // Право и экономика. 2012. № 6. С. 4 – 9.

При этом в соответствии с ч. 6.1 ст. 10 Закона о размещении заказов под одноименными товарами, одноименными работами, одноименными услугами понимались товары, работы, услуги, относящиеся к одной группе товаров, работ, услуг в соответствии с номенклатурой товаров, работ, услуг для нужд заказчиков, утверждаемой федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативное правовое регулирование в сфере размещения заказов. Частью 19 ст. 65 названного Закона дополнительно разъяснялось, что под одноименными товарами, одноименными работами, одноименными услугами понимаются аналогичные по техническим и функциональным характеристикам товары, работы, услуги, которые могут отличаться друг от друга незначительными особенностями (детальями), не влияющими на качество и основные потребительские свойства товаров, результатов работ, услуг, являются однородными по своему потребительскому назначению и могут быть взаимозаменяемыми.

В течение всего времени действия Закона о размещении заказов существовало две номенклатуры товаров, работ, услуг для нужд заказчиков, по которым определялась одноименность: утвержденная приказом Минэкономразвития России от 1 декабря 2010 г. № 601 и пришедшая ей на смену утвержденная приказом Минэкономразвития России от 7 июня 2011 г. № 273. При этом сам орган государственной власти, утвердивший такие номенклатуры, в своих разъяснениях регулярно сообщал, что их основным назначением является сокращение случаев необоснованного дробления заказов в целях ухода от торгов и применения неэффективных закупок способом запроса котировок (при цене контракта до 500 тыс. руб.) и путем заключения договоров до 100 тыс. руб.⁹

Удивительно, но с принятием Закона о контрактной системе позиция законодате-

ля и Минэкономразвития России стала диаметрально противоположной. Так, в письмах от 14 июля 2016 г. № Д28и-1805 и от 6 декабря 2016 г. № Д28и-3204 приведена позиция, в соответствии с которой названный Закон не содержит ограничений в количестве закупок, не превышающих 100 тыс. руб., которые заказчик вправе осуществить у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) на основании п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, в том числе в случаях, когда предметом контрактов является приобретение одних и тех же товаров, работ, услуг в течение какого-либо календарного периода времени (квартал, месяц, день).

А что же контролирующие органы? Так, Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации в письме от 25 апреля 2017 г. № РП/27902/17 придерживается аналогичного мнения и утверждает, что контрольный орган в сфере закупок при проведении контрольных мероприятий вправе проверить соблюдение заказчиком лимита объема закупок у единственного поставщика, установленного п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, т. е., грубо говоря, нарушение будет только в том случае, если раздробить закупку стоимостью более 50 млн руб. (или иную сумму в зависимости от лимита).

Таким образом, в настоящее время вопрос дробления закупки не урегулирован нормами права, т. е. существует правовой вакуум, и при этом диспозициями пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе заказчику в этой сфере предоставлены широкие полномочия в пределах его усмотрения¹⁰. Особую остроту данной проблеме добавляет тот факт, что в соответствии с ч. 1 ст. 103 Закона о контрактной системе данные об этом виде закупок не заносятся в реестр контрактов, соответственно стороннему наблюдателю невозможно будет определить, сколько, по какой цене и у како-

⁹ Например, позиция, выраженная в письмах Минэкономразвития России от 20 мая 2011 г. № Д22-816, от 27 декабря 2011 г. № Д28-754.

¹⁰ Что само по себе является коррупциогенным фактором в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ.

го именно единственного поставщика закуплено одноименных товаров, работ и услуг, минуя конкурентные процедуры. При отсутствии контроля, в том числе общественного, можно покупать хоть «золотые унитаза», главное при этом – уложиться в годовой лимит. Недобросовестный заказчик, пользуясь возникшим правовым вакуумом, может «отдавать» крупные закупки «своим исполнителям» на сумму до 50 млн руб. И это только один заказчик. Но их же в Российской Федерации далеко не один. Суммы, которые потенциально можно использовать с личной выгодой для коррупционеров, просто огромные.

Какие же признаки выдают дробление закупки?

Во-первых, это единое целевое назначение, т. е. путем заключения множества договоров достигается определенный, спланированный заранее результат. При этом неважно, подлежат ли в будущем полезному использованию результаты исполнения договоров по отдельности (например, единая известная заранее цель – поставка 1 000 компьютеров, а результат отдельного договора – поставка 50 компьютеров; такие результаты можно полезно использовать) или не подлежат (например, единая известная заранее цель – возведение бетонного забора, а результат отдельного договора – установка фундамента под забор или установка половины пролетов такого забора; сам фундамент без остальных элементов забора бесполезен в использовании, а половина пролетов забора не обеспечит в полном объеме его целевое применение).

Во-вторых, это относительно небольшой временной интервал заключения таких отдельных договоров. Особенно ярко это проявляется при окончании финансового года, когда остаются нереализованными лимиты бюджетных обязательств и заказчики всеми силами пытаются их реализовать.

В-третьих, в некоторых случаях – это результат отдельного договора, который не-

возможно использовать, да и целевое назначение его порой не совсем понятно (например, установка видеокамер охраны без наличия сервера системы охраны или возведение входных ворот (калиток) без возведения оградительного забора и т. п.).

В-четвертых, такие договоры заключаются, как правило, с одним и тем же контрагентом или аффилированным с ним лицом (лицами).

Как же с этим негативным явлением бороться? На взгляд автора, для успешного решения данной проблемы необходимо применить следующий комплекс мер.

Во-первых, следует закрепить термин «дробление» на законодательном либо подзаконном уровне. Несмотря на то что само понятие дробления давно известно, по настоящее время этот термин еще не получил законодательного или иного нормативного закрепления. Вместе с тем, указанный термин начинает официально использоваться в актах государственных корпораций. Так, к примеру, государственная корпорация «Росатом» под дроблением закупок понимает умышленное уменьшение объема отдельной закупки, ее плановой стоимости и начальной максимальной цены при условии, что заказчику потребность в такой продукции на плановый период заранее известна и не существует препятствий технологического или экономического характера, не позволяющих провести одну процедуру для закупки всего объема требуемой продукции¹¹. Аналогичное определение дается и в п. 9.10.3 Положения о закупке товаров, работ, услуг Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», утвержденного Наблюдательным советом Государственной корпорации «Роскосмос», Протокол от 1 декабря 2015 г. № 3/2015. Таким образом, данные государственные корпорации оценили общественную опасность дробления закупок и его возможное влияние на их деятельность и на своем уровне приняли меры борьбы с ним.

¹¹ Раздел «Термины и определения» Единого отраслевого стандарта закупок (положение о закупке) Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», утвержденного решением Государственной корпорации «Росатом» от 7 февраля 2012 г. № 37.

Во-вторых, внесение изменений в пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе по аналогии с пп. 14 и 14.1 ч. 2 ст. 55 Закона о размещении заказов: осуществлять закупки у единственного поставщика с учетом одноименности товаров, работ, услуг. При этом можно отказаться от пределов таких закупок в денежном выражении, поскольку существующая норма не дает однозначного ответа на вопрос, каков же лимит закупок у единственного поставщика на самом деле: то ли 2 млн руб., то ли не более 5 % совокупного объема закупок и не более 50 млн руб. Впрочем, не совсем ясна и цель такого разделения.

В-третьих, должна быть активная роль контролирующих и надзирающих органов в выявлении и пресечении таких закупок. Несмотря на вывод о неограниченности (в пределах лимитов) закупок у единственного поставщика, в письмах Минэкономразвития России от 14 июля 2016 г. № Д28и-1805 и от 6 декабря 2016 г. № Д28и-3204 отмечается, что в соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона о контрактной системе запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок любых действий, которые противоречат требованиям указанного Закона, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок. Соответственно при таком подходе к недобросовестному заказчику возможно применение мер ответственности не за нарушение требований Закона о контрактной системе, а за нарушение антимонопольного законодательства.

В-четвертых, использование возможности судебного обжалования выявленного

дробления закупки. Данный пункт является логическим продолжением третьего. Поскольку дробление одной крупной закупки на несколько мелких закупок является действием, нарушающим требования Закона о контрактной системе, то в силу положений ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации это должно считаться сделкой, нарушающей требования закона или иного правового акта и при этом посягающей на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Соответственно такая сделка может быть признана судом ничтожной, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Таким образом, в настоящее время заказчику предоставлены широкие полномочия в сфере заключения контрактов с единственным поставщиком в случаях, предусмотренных пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, что несет в себе определенные коррупционные риски. Данными рисками не следует пренебрегать, поскольку аналогичный прием может применяться и при замене конкурса или аукциона на осуществление закупки путем проведения запросов котировок, причем такой метод будет очень эффективен для коррупционера при комбинировании его с другими ухищрениями, например, использованием букв латинского алфавита в названии извещения. Для устранения либо минимизации коррупционных рисков дробления закупки необходимо внести соответствующие изменения в законодательство. Внесение таких изменений позволит использовать бюджетные средства с большей эффективностью для государства.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АУКЦИОНОВ

М.С. Шапошников, заместитель военного прокурора 53-й военной прокуратуры (гарнизона); В.М. Шеншин, преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук

Государственные закупки в современных экономических условиях стали важнейшим институтом развития и инструментом поддержки экономики. Общий объем рынка госзаказа, включая закупки госкорпораций, достиг 30 трлн руб. и 25 % ВВП. Объемы государственных закупок товаров (работ, услуг) ежегодно растут¹. Посредством государственных закупок происходит обеспечение обороноспособности и безопасности государства на необходимом уровне².

Одним из наиболее распространенных способов определения военными организациями – заказчиками поставщика (подрядчика, исполнителя) является аукцион (аукцион в электронной форме).

Предпосылкой к написанию настоящей статьи стал конкретный случай, в соответствии с которым воинская часть 0000 – «Заказчик», с одной стороны, и Индивидуальный предприниматель «Ф.И.О.» – «Поставщик», признанный единственным поставщиком, как подавший на аукционе единственную заявку, с другой стороны, в целях

обеспечения государственных нужд на основании протокола Единой комиссии воинской части 0000 заключили государственный контракт по поставке оборудования и материалов в количестве и ассортименте согласно спецификации, прилагаемой к контракту.

Обратим внимание на то, что извещение и документация о проведении электронного аукциона должны размещаться на сайте электронной площадки (АО «ЕЭТП») по конкретному адресу в сети «Интернет». При этом необходимо строго соблюдать срок подачи заявок и требования ч. 2 ст. 63 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон № 44-ФЗ), в соответствии с которой в случае, если начальная (максимальная) цена контракта (цена лота) не превышает 3 млн руб., заказчик размещает в единой информационной системе извещение о проведении электронного аук-

¹ Так, суммарный ежегодный объем государственных и муниципальных закупок России составляет более 4 трлн руб. (Госзаказ. 2008. № 1. С. 45).

² Назарова И.С., Шеншин В.М. Особенности заключения договоров энергоснабжения или договоров купли-продажи электрической энергии воинскими частями войск национальной гвардии Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 9. С. 98 – 101.

циона не менее чем за семь дней до даты окончания срока подачи заявок на участие в таком аукционе.

Начальная (максимальная) цена контракта должна определяться на основании ч. 2 ст. 22 Закона № 44-ФЗ, в соответствии с которой должна быть получена информация о рыночных ценах идентичных товаров, планируемых к закупкам.

В рассматриваемом нами случае запросы о предоставлении ценовой информации были направлены не пяти поставщикам (подрядчикам, исполнителям), обладающим опытом поставок соответствующих товаров, работ, услуг, информация о которых имеется в свободном доступе (в частности, опубликована в печати, размещена на сайтах в сети «Интернет»), как это предусмотрено п. 3.7.1 Методических рекомендаций, утвержденных приказом Минэкономразвития России «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)» от 2 октября 2013 г. № 567³, а меньшему количеству поставщиков, что является нарушением законодательства.

Кроме того, в целях определения начальной (максимальной) цены контракта (далее по тексту – НМЦК) Минэкономразвития России рекомендует заказчикам осуществлять сбор и анализ общедоступной ценовой информации о ценах товаров, содержащихся в рекламе, каталогах, описаниях товаров и в других предложениях, обращенных к неопределенному кругу лиц (п. 3.7.4.1 Методических рекомендаций).

Обоснование НМЦК заключается в выполнении расчета цены контракта с приложением справочной информации и документов либо с указанием реквизитов документов, на основании которых выполнен расчет.

Характерной, с нашей точки зрения, ошибкой является не регистрация коммер-

ческих предложений, содержащих ценовую информацию, в делопроизводстве заказчика – воинской части, что противоречит п. 3.12 Методических рекомендаций, в соответствии с которым все документы, содержащие ценовую информацию, полученные, по запросам, предусмотренным п. 3.7.1, рекомендуется регистрировать в делопроизводстве заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения и использовать в расчетах НМЦК.

Следует обратить внимание на факт участия в аукционе единственного поставщика. В приведенном примере рассмотрения комиссией воинской части единственной заявки участника закупки и документов, предусмотренных пп. 2 – 6 и 8 ч. 2 ст. 61 Закона № 44-ФЗ, комиссия приняла решение о соответствии поданной заявки требованиям законодательства. Вместе с тем, по результатам рассмотрения единственной заявки аукцион признан несостоявшимся, что, по сути, не противоречит ч. 16 ст. 66 Закона № 44-ФЗ, в соответствии с которой в случае, если по окончании срока подачи заявок на участие в электронном аукционе подана только одна заявка или не подано ни одной заявки, такой аукцион признается несостоявшимся.

В таких случаях контракт с единственным поставщиком должен быть заключен на основании п. 4 ч. 1 ст. 71 Закона № 44-ФЗ в связи с признанием заявки соответствующей требованиям Закона № 44-ФЗ и документации об электронном аукционе, из которого следует, что в случае, если электронный аукцион признан не состоявшимся по основанию, предусмотренному ч. 16 ст. 66 названного Закона в связи с тем, что по окончании срока подачи заявок на участие в таком аукционе подана только одна заявка на участие в нем: контракт заключается с участником такого аукциона, подавшим единственную заявку на участие в нем, если этот участник и поданная им заявка признаны соответствующими требованиям Закона № 44-ФЗ и документации о таком

³ Далее – Методические рекомендации.

аукционе, в соответствии с п. 25 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ в порядке, установленном ст. 70 Закона № 44-ФЗ.

В случае подачи единственной заявки аукционная комиссия должна признать такого участника единственным поставщиком на основании п. 25 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, в соответствии с которым закупка у единственного поставщика осуществляется заказчиком в случае признания несостоявшимся электронного аукциона.

В рассматриваемом случае заказчиком было допущено нарушение при описании в документации о закупке объекта закупки.

Укажем на то, что заказчику при описании в документации о закупке объекта закупки необходимо учитывать положения п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ, в соответствии с которым заказчик должен руководствоваться тем, что описание объекта закупки должно носить объективный характер. В описании объекта закупки указываются функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики объекта закупки (при необходимости). В описание объекта закупки не должны включаться требования или указания в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименование места происхождения товара или наименование производителя, а также требования к товарам, информации, работам, услугам при условии, что такие требования влекут за собой ограничение количества участников закупки, за исключением случаев, если не имеется другого способа, обеспечивающего более точное и четкое описание характеристик объекта закупки. Документация о закупке может содержать указание на товарные знаки в случае, если при выполнении работ, оказании услуг предполагается использовать товары, поставки которых не являются предметом контракта. При этом

обязательное условие – включение в описание объекта закупки слов «или эквивалент», за исключением случаев несовместимости товаров, на которых размещаются другие товарные знаки, и необходимости обеспечения взаимодействия таких товаров с товарами, используемыми заказчиком, а также случаев закупок запасных частей и расходных материалов к машинам и оборудованию, используемым заказчиком, в соответствии с технической документацией на указанные машины и оборудование.

Вопрос о включении заказчиком в аукционную документацию требований к закупаемому товару, свидетельствующих о его конкретном производителе, в отсутствие специфики использования такого товара, нашел свое отражение в Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации⁴, в котором указано, что такое включение является нарушением правил описания объекта закупки (ст. 33 Закона № 44-ФЗ). В то время как указание заказчиком в аукционной документации особых характеристик товара, отвечающих его потребностям и необходимым с учетом специфики использования такого товара, не может рассматриваться как ограничение круга потенциальных участников закупки. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации напомнил, что при проведении государственных закупок в один лот возможно включение технологически и функционально взаимосвязанных между собой товаров, работ и услуг.

В некоторых случаях возникает закономерный вопрос относительно обязанности заказчика по осуществлению аудиозаписи проведения аукциона. Отметим, что Законом № 44-ФЗ ведение аудиозаписи предусмотрено только для открытого конкурса, запроса котировок, запроса предложений (ч. 8 ст. 52, ч. 15 ст. 53, ч. 5 ст. 78, ч. 20 ст. 83 Закона № 44-ФЗ), т. е. для аукциона такой обязанности заказчика не установлено.

⁴ Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2017 г.

Таким образом, на конкретном примере мы постарались раскрыть особенности размещения заказов на поставку товаров, работ, услуг для государственных нужд путем проведения аукционов.

Нормативное правовое регулирование в сфере закупок представляет собой динамичный процесс, требующий постоянного отслеживания в целях избежания нарушений. Требуют внимания и предложения федеральных органов исполнительной власти по внесению изменений в Закон № 44-ФЗ.

Так, в информационном письме Минфина России от 12 сентября 2017 г.⁵ указывается, что предлагается внести в Закон № 44-ФЗ изменения, согласно которым нормативные акты о контрактной системе в сфере закупок будут вступать в силу не ранее чем по истечении 60 календарных дней со дня их официального опубликования, если иной срок вступления в силу не предусмотрен принимаемыми актами. Исключение обусловлено необходимостью предусмотреть возможность экстренного введения в действие норм и положений, которые невозможно предусмотреть заранее. Предусматривается, что изменения в Закон № 44-ФЗ могут быть внесены только отдельными специальными федеральными законами. Предлагается обязать заказчика включать в контракт условия о размере, порядке и сроках выплаты аванса, а также положения о поэтапной выплате авансовых платежей; ввести положение об установлении размера аванса в виде фиксированного процента от цены контракта, а в случае, если контрактом предусмотрена его поэтапная оплата, устанавливать такой процент в отношении каждого этапа. Предусматривается, что выплата аванса в отношении последу-

ющего этапа исполнения контракта может быть осуществлена при выполнении и приемке результатов предыдущего этапа.

Электронный аукцион не гарантирует заключение контракта с участником, предлагающим товары (работы, услуги) нужного (оптимального) качества, так как заявки участников оцениваются только по цене, а другие (неценовые характеристики) не учитываются, в связи с чем депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации подготовлен законопроект⁶, внесенный на рассмотрение Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, в соответствии с которым предлагается не проводить электронный аукцион при осуществлении государственных закупок товаров, работ и услуг, не включенных в Перечень товаров, работ и услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион) (ч. 2 ст. 59 Закона № 44-ФЗ). Для этого предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 59 Закона № 44-ФЗ.

В сентябре 2017 г. вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации от 30 августа 2017 г. № 1042⁷, в соответствии с которым санкции по государственным контрактам в зависимости от вида субъекта – исполнителя по контракту дифференцированы.

Новые правила устанавливают порядок определения в контракте размеров штрафов, начисляемых за ненадлежащее исполнение заказчиком и исполнителем своих обязательств по государственному контракту, а также пеней за просрочку исполнителем срока исполнения обязательств. При этом размер штрафа устанавливается

⁵ Информационное письмо Минфина России «Минфин России готовит ряд поправок в Закон № 44-ФЗ» от 12 сентября 2017 г.

⁶ С текстом законопроекта № 266932-7 «О внесении изменений в статью 59 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» и материалами к нему можно ознакомиться на официальном сайте Государственной Думы.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063» от 30 августа 2017 г. № 1042.

в виде фиксированной суммы и рассчитывается как процент цены контракта.

Так, детализированы правила определения штрафов за каждый факт неисполнения или ненадлежащего исполнения контрагентом обязательств по государственному контракту. В частности, поставщикам в случае нарушений по общему правилу придется уплатить штраф в размере:

- 10 % цены контракта, если она не превышает 3 млн руб.;
- 5 % цены контракта при цене от 3 млн руб. до 50 млн руб.;
- 1 % цены контракта при цене от 50 млн руб. до 100 млн руб.;
- 0,5 % цены контракта при цене от 100 млн руб. до 500 млн руб.;
- 0,4 % цены контракта при цене от 500 млн руб. до 1 млрд руб.;
- 0,3 % цены контракта при цене от 1 млрд руб. до 2 млрд руб.;
- 0,25 % цены контракта при цене от 2 млрд руб. до 5 млрд руб.;
- 0,2 % цены контракта при цене от 5 млрд руб. до 10 млрд руб.;
- 0,1 % цены контракта, если она выше 10 млрд руб.

Считаем целесообразным обратить внимание на порядок соблюдения принципа недопущения конфликта интересов между участниками закупки и заказчиком.

Так, в качестве одного из единых требований, предъявляемых ко всем без исключения участникам закупки, закреплен принцип недопущения конфликта интересов между участниками закупки и заказчиком (п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ). При этом в Законе № 44-ФЗ четко указано, что именно понимается под этим требованием. Понятие «конфликт интересов» охватывает случаи, при которых должностные лица заказчика, непосредственно участвующие в процессе закупок, оказываются в ситуации, угрожающей конкуренции при осуществлении закупки. Имеются в виду случаи, когда они состоят в браке либо являются близкими родственниками, усыновителями или усыновленными:

– с физическими лицами и ИП – участниками закупки;

– с выгодоприобретателями – физическими лицами, владеющими напрямую или косвенно (через юридическое лицо или через несколько юридических лиц) более чем 10 % голосующих акций хозяйственного общества либо долей, превышающей 10 % в уставном капитале хозяйственного общества – участника закупки;

– с единоличным исполнительным органом хозяйственного общества (директором, генеральным директором, управляющим, президентом и т. д.);

– с членами коллегиального исполнительного органа хозяйственного общества;

– с руководителем учреждения или унитарного предприятия;

– с иными органами управления юридических лиц – участников закупки.

По мнению судов, участник закупки, вне зависимости от наличия или отсутствия обстоятельств, указывающих на конфликт интересов, обязан подать декларацию о своем соответствии требованиям п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ⁸. Сделать это можно либо в виде отдельного документа в составе заявки на участие в закупке, либо путем проставления отметки об этом в соответствующей графе электронной документации.

При этом даже если де-факто конфликт интересов отсутствует, недекларирование претендентом на заключение контракта этого обстоятельства является основанием для отклонения его заявки как несоответствующей требованиям Закона № 44-ФЗ. В обоснование этой позиции суды, в частности, указывают на обязательность такого декларирования, в том числе факта отсутствия конфликта интересов, в силу п. 2 ч. 5 ст. 66 Закона № 44-ФЗ. Это касается электронных способов определения поставщика.

Так, суды не видят нарушения законодательства о контрактной системе в случаях, когда участники электронных аукционов не включают в состав второй части подаваемых ими заявок документы, декларирую-

⁸ Обзор судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2016 г.

щие отсутствие конфликта интересов, при этом ограничиваясь проставлением соответствующих отметок в электронной заявке средствами электронной площадки.

По мнению судов, такие действия поставщиков свидетельствуют о соблюдении ими письменной формы подачи декларации в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о форме договора. Напомним, что в соответствии с гражданским законодательством обмен сторонами электронными документами также является одним из вариантов заключения договора в письменной форме (п. 2 ст. 434 ГК РФ).

Непредставление участником закупки отдельного документа с расшифровкой того, что именно понимается под отсутствием конфликта интересов, также не может являться причиной отказа в допуске к участию в электронном аукционе (п. 9 ч. 1 ст. 31 и п. 2 ч. 5 ст. 66 Закона № 44-ФЗ).

Практика рассмотрения дел о нарушениях в ходе осуществления государственных и муниципальных закупок показывает, что конфликт интересов может иметь место не только в отношении руководителей и должностных лиц заказчика, но и в отношении лиц, полномочия которых являются тождественными полномочиям указанных выше лиц, хотя сами эти лица и не поименованы в законе о контрактной системе. В частности, если должностные обязанности заместителя руководителя контрактной службы совпадают с полномочиями ее руководителя и позволяют влиять на процедуру и результат закупки, то его родственная связь с заинтересованными лицами участника закупки может стать причиной отмены ее результатов.

Суды при этом отмечают, что положения Закона о контрактной системе, касающиеся конфликта интересов, следует применять с учетом принципов гласности и прозрачности закупок, направленных на предотвращение коррупции и недопущение ограничения конкуренции (ст.ст. 6, 8 Закона № 44-ФЗ). Более того, эти нормы корреспон-

дируют с пп. 1 – 2 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ, в которых закреплены аналогичные требования.

Допуск к закупке ее участника при таких условиях может привести к ограничению или устранению конкуренции, в том числе к созданию преимущественных условий участия в закупке, к координации деятельности участника закупки и заказчика и нарушению порядка определения победителя закупки.

Признаки конфликта интересов могут быть установлены судом в случае, когда руководитель заказчика выступает представителем учредителя участника закупки и выполняет административные функции в органах управления этой организации.

Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что не допускаются к участию в аукционе лица, аффилированность которых сама по себе создает условия для конфликта интересов.

Аргумент о том, что на этапе допуска к участию в процедуре закупки проверка декларации участника об отсутствии конфликта интересов не является обязательной, не подтверждается судебной практикой.

Так, суды обосновывают обязанность закупочных комиссий проверять представляемые участниками закупок необходимые сведения, опираясь на установленные в законе требования. Более того, заказчик при выявлении, в частности, факта наличия конфликта интересов обязан принять меры по отстранению участника закупки или отказаться от заключения контракта с победителем определения поставщика – уверены судьи (чч. 8, 9 ст. 31 Закона № 44-ФЗ).

Между тем повторно рассматривать заявки участников закупки в случае обнаружения в отношении одного из них конфликта интересов нет необходимости. Более того, подобные действия комиссии по осуществлению закупок будут противоречить законодательству о контрактной системе. При этом суды исходят из того, что после составления протокола рассмотрения за-

явок заказчика уже не вправе ни заменить «скомпрометированного» члена комиссии, ни признать заявку участника закупки несоответствующей установленным документами о закупке требованиям. Единственным правильным решением заказчика в такой ситуации будет отстранение участника от участия в определении поставщика (ч. 9 ст. 31, ч. 6 ст. 39, ч. 6 ст. 69 Закона № 44-ФЗ).

ГК РФ называет оспоримой сделку, которая нарушает требования закона или иного правового акта (п. 1 ст. 168 ГК РФ). В то же время если сделка не только является противозаконной, но и при этом посягает на публичные интересы либо права третьих лиц, то по общему правилу она является ничтожной (п. 2 ст. 168 ГК РФ). При этом, как разъяснял ранее Верховный Суд Российской Федерации, посягающей на публичные интересы является в том числе сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом (п. 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25).

Одновременно законодательство о контрактной системе запрещает заказчикам и участникам закупок совершать любые действия, которые противоречат требованиям закона о контрактной системе, в том числе если они приводят к ограничению конкуренции (ч. 2 ст. 8, п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ).

Следовательно, контракт, заключенный в условиях конфликта интересов, нарушает прямо выраженный законодательный

запрет, а значит, посягает на публичные интересы.

По смыслу ст. 167 ГК РФ вследствие недействительности контракта каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) – возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. При этом отмечается, что применение двусторонней реституции должно обеспечить возврат в первоначальное положение всех сторон сделки

Суды допускают возможность выявления заказчиками нарушений, допущенных при заключении контракта, уже в процессе его исполнения. Между тем суды не только вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта, если стало известно о нарушениях, которые допустил участник закупки и которые позволили ему стать победителем, но и обязаны сделать это (ч. 15 ст. 95 Закона № 44-ФЗ).

Несоблюдение требования об отсутствии конфликта интересов влечет ничтожность государственного контракта, а правило об обязанности заказчика отказаться от исполнения ничтожного контракта в полной мере корреспондирует правилам о последствиях недействительности сделки (пп. 1, 2 ст. 167, п. 2 ст. 168 ГК РФ, ч. 15 ст. 95 Закона № 44-ФЗ).

Заказчики, проводя оценку добропорядочности потенциальных контрагентов, вправе выходить за рамки тех сведений, которые были предоставлены участниками закупки.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ПРИГОВОРЫ И ИНЫЕ РЕШЕНИЯ ВОЕННЫХ СУДОВ БЕЗ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРА

(анализ по итогам 2017 года)

*Я.Н. Ермолович, профессор кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»,
доктор юридических наук;*

Н.Е. Честнов, соискатель кафедры уголовного права Военного университета

В первом полугодии 2017 г. количество дел, рассмотренных с участием военных прокуроров, возросло на 12,2% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. (с 2 800 до 3 141). В то же время отмечается сокращение числа лиц, которые были оправданы военными судами или уголовное преследование в отношении которых было прекращено на основании пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления). Если во втором полугодии 2016 г. таких решений было вынесено военными судами 9, то в первом полугодии 2017 г. таких решений было вынесено всего 6. Количество возвращенных военными судами дел для устранения препятствий их рассмотрения сократилось с 19 (2-е полугодие 2016 г.) до 16 (1-е полугодие 2017 г.). Количество частных постановлений и определений военных судов в адрес руководителей военных следственных органов сократилось с 9 (2-е полугодие 2016 г.) до 6 (1-е полугодие 2017 г.)¹.

В соответствии со ст. 236 УПК РФ по результатам предварительного слушания судья может принять одно из следующих решений: о возвращении уголовного дела прокурору (п. 2 ч. 1) и о прекращении уго-

ловного дела (п. 4 ч. 1). Результаты анализа судебных актов показывают, что причинами, обусловившими принятие судами указанных решений, являлись: 1) неполнота и односторонность предварительного расследования; 2) несоблюдение требований уголовно-процессуального закона при собирании, проверке и оценке доказательств; 3) неправильная квалификация органами предварительного следствия действий обвиняемых; 4) нарушение процессуального законодательства при составлении и утверждении обвинительных заключений; 5) просчеты при осуществлении военными прокурорами надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и в процессе поддержания государственного обвинения.

Основаниями для возвращения уголовных дел военным прокурорам послужили: 1) наличие неотменного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; 2) неутверждение обвинительного заключения; 3) ошибки при описании существа обвинения, места и времени совершения преступления, характера и размера причиненного потерпевшему вреда, при разграничении действий соучастников противоправных деяний; 4) необходимость переквали-

¹ Обзор причин, повлекших за собой постановление судами оправдательных приговоров, прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям, возвращение военным прокурорам уголовных дел для устранения препятствий их рассмотрения, частное судебное реагирование: информационное письмо Главной военной прокуратуры от 25 августа 2017 г.

фикации содеянного обвиняемым на более тяжкое преступление; 5) нарушение права обвиняемого на защиту. В качестве одной из причин принятых решений указывается поверхностное изучение военными прокурорами материалов уголовных дел, в связи с чем в ходе досудебного производства указанные выше нарушения уголовно-процессуального законодательства своевременно выявлены не были в нарушение п. 1.17 приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 28 декабря 2016 г. № 826.

Так, например, по уголовному делу в отношении Ю., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 336 УК РФ (оскорбление подчиненным начальника, а равно начальником подчиненного во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы) в нарушение положений ст. 221 УПК РФ обвинительное заключение военным прокурором утверждено не было и в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ было ему возвращено.

Московским окружным военным судом 11 апреля 2017 г. по жалобе стороны защиты отменен обвинительный приговор Ярославского гарнизонного военного суда от 2 февраля 2017 г. об осуждении П. по ч. 2 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управляющим автомобилем и находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека), уголовное дело возвращено военному прокурору Ярославского гарнизона для устранения препятствий его рассмотрения судом². Принимая такое решение, Московский окружной военный суд указал, что в соответствии с п. 12.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с на-

рушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 9 декабря 2008 г. № 25 (в редакции от 24 мая 2016 г.)³, если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 264 УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния), то суду следует направить уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотмененное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования (управление транспортным средством в состоянии опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), является препятствием для вынесения приговора. На основании вышеуказанных положений приговор Ярославского гарнизонного военного суда от 2 февраля 2017 г. в отношении П. в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона был отменен, а уголовное дело возвращено военному прокурору Ярославского гарнизона для устранения препятствий его рассмотрения судом. Данное обстоятельство было оставлено без внимания при утверждении обвинительного заключения и поддержании государственного обвинения военным прокурором Ярославского гарнизона.

О некачественном изучении уголовных дел, поступивших прокурору с обвинительным заключением, свидетельствует также невыявление явных нарушений уголовно-

² Апелляционное определение № 22а-110/2017 Московского окружного военного суда от 11 апреля 2017 г.

³ Рос. газ. 2008. 26 дек.

процессуального закона, допущенных следователями при вынесении постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении в качестве обвиняемого.

Так, 25 апреля 2017 г. Астраханским гарнизонным военным судом военному прокурору Каспийской флотилии возвращено уголовное дело в отношении П., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера, совершенные группой лиц). Суд правомерно указал на существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные при составлении обвинительного заключения, поскольку в материалах уголовного дела имелись взаимоисключающие процессуальные решения — об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении П. и о привлечении его в качестве обвиняемого, вынесенные органом следствия в отношении подсудимого по одним и тем же обстоятельствам содеянного. Данное обстоятельство, препятствовавшее рассмотрению уголовного дела судом, являлось безусловным основанием для возвращения указанного дела в порядке ст. 221 УПК РФ в следственный орган для проведения дополнительного следствия, однако оставлено без должного внимания военным прокурором Каспийской флотилии при организации надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.

В качестве ошибок при описании существа обвинения, места и времени совершения преступления и т. п. отмечалось, что органами предварительного следствия неправильно приводилось время совершения преступления (1 дело), излагались другие обстоятельства, подлежащие доказыванию (1 дело), отсутствовали ссылки на нормативные правовые акты, нарушение положений которых вменялось обвиняемым (2 дела). Основаниями для возвращения уголовных дел военным прокурорам также явились необходимость переквалификации содеянного обвиняемым на более тяжкое

преступление (1 дело) и нарушение права обвиняемого на защиту (1 дело). Указанные нарушения остались вне поля зрения военных прокуроров.

Судебные решения, повлекшие за собой признание права на реабилитацию, вынесены в отношении шести лиц. В первом полугодии 2017 г. по обоснованным апелляционным и кассационным представлениям военных прокуроров в отношении трех лиц реабилитирующие судебные решения отменены и дела направлены на новое рассмотрение. Причинами оправдания и вынесения судами решений о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям послужили: 1) нарушения уголовно-процессуального закона при проведении следственных действий, влекущие за собой признание в судебном заседании доказательств недопустимыми (2 дела); 2) отсутствие достаточности доказательств, подтверждающих предъявленное лицу обвинение (2 дела); 3) иная оценка имеющихся в материалах уголовного дела доказательств (2 дела).

Так, М. была осуждена по ч. 3 ст. 327 УК РФ к штрафу в размере 30 000 руб. Согласно приговору суда М. в помещениях 235-го гарнизонного военного суда умышленно использовала заведомо подложный официальный документ — диплом Международного института экономики и права о наличии у нее высшего юридического образования, что дало ей право быть представителем административных истцов по административным делам. В апелляционной жалобе осужденная, высказывая несогласие с приговором суда первой инстанции, просила его отменить и оправдать ее по обвинению в совершении вышеуказанного преступления. Московский окружной военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, пришел в выводу о том, что в ходе предварительного и судебного следствия не установлен и не изъят диплом Международного института экономики и права, отличающийся одной цифрой номера, в использовании которого как заведомо подложно-

го обвинялась и признана виновной М. Изъятые и исследованные судом копии такого диплома с аналогичными реквизитами не подтверждают умышленное использование М. заведомо подложного официального документа и не опровергают ее показаний о наличии законно полученного диплома по специальности «Менеджмент организации» и возможном ошибочном предоставлении суду копий с этого диплома с внесенными в него иным лицом изменений относительно присвоенной специальности. Согласно диспозиции ч. 3 ст. 327 УК РФ использование заведомо подложного документа предполагает его предъявление государственным, муниципальным органам, должностным лицам, гражданам в целях получения определенных прав или освобождения от каких-либо обязанностей. Поскольку предъявление М. при указанных в приговоре обстоятельствах суду документа о наличии у нее высшего юридического образования вызывает сомнения, которые устранены быть не могут в отсутствие такого заведомо подложного документа, то эти сомнения подлежат толкованию в пользу обвиняемой, с выводом об отсутствии в ее действиях состава преступления. Таким образом, суд признал выводы суда первой инстанции, изложенные в приговоре, не соответствующими фактическим обстоятельствам уголовного дела и основанными на неправильном применении уголовного закона, вследствие чего приговор 235-го гарнизонного военного суда в отношении М. в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, и неправильным применением уголовного закона суд постановил отменить. Производство по уголовному делу в отношении М. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, суд постановил прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с

отсутствием состава преступления. Также суд постановил признать право М. на реабилитацию⁴.

Повторно рассмотрев дело в апелляционном порядке, Московский окружной военный суд установил, что, согласно сообщению проректора Международного института экономики и права, было подтверждено, что М. был выдан диплом о присуждении ей квалификации «Менеджер» по специальности «Менеджмент организации». Утверждение в жалобе М. о том, что у нее никогда не имелось диплома о высшем юридическом образовании и такового она в судебных заседаниях не предъявляла, не соответствует фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции. Суд апелляционной инстанции полагает, что совокупность имеющихся по делу доказательств опровергает данный довод и указывает на то, что у М. имелся некий подложный документ о высшем юридическом образовании, который она и предъявляла судье в подготовительной части каждого из судебных заседаний в целях получения определенных прав и исполнения обязанностей. Заявление М. о том, что имевшиеся светокопии диплома о наличии юридического образования она в судебные заседания предъявляла по ошибке, не влияет на законность принятого судом первой инстанции решения по делу. Данные копии признаны вещественным доказательством по делу и являются одним из доказательств виновности осужденной в содеянном. Таким образом, содеянное М. судом первой инстанции правильно квалифицировано по ч. 3 ст. 327 УК РФ как единое продолжаемое преступление. Приговор 235-го гарнизонного военного суда от 17 ноября 2016 г. в отношении М. был оставлен без изменения, а апелляционные жалобы осужденной – без удовлетворения⁵.

М. был признан виновным в уклонении от исполнения обязанностей военной службы путем обмана. Как указано в пригово-

⁴ Апелляционное постановление № 22а-15/450/2017 Московского окружного военного суда от 17 января 2017 г.

⁵ Апелляционное постановление № 22А-191/2017 Московского окружного военного суда от 2 июня 2017 г.

ре, М., проходящему военную службу по контракту, командованием части был предоставлен основной отпуск с 15 августа по 2 сентября 2015 г. продолжительностью 19 суток, из которых 4 суток предназначались для компенсации времени на проезд железнодорожным транспортом к месту проведения отпуска в г. Мариинск Кемеровской области и обратно. Однако М. проследовал в отпуск воздушным транспортом, фактически затратив на дорогу 2 суток, и, желая временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы путем обмана, умолчал об этом, скрыв от командования данный факт. В результате указанных действий М. в период отпуска получил незаконное освобождение от исполнения обязанностей военной службы продолжительностью 2 суток.

В апелляционной жалобе защитник-адвокат просил приговор как незаконный отменить и вынести в отношении М. оправдательный приговор. Рассмотрев материалы дела, Московский окружной военный суд пришел к выводу о том, что обвиняемый М. при производстве предварительного следствия свою вину в предъявленном обвинении признавал полностью и давал показания о том, что, следуя в отпуск, он затратил на дорогу не более 2 суток. В судебном заседании М. свою вину в инкриминируемом ему деянии не признал и пояснил, что затратил на проезд к месту проведения отпуска из г. Солнечногорска Московской области в г. Мариинск Кемеровской области и обратно более 5 суток. При этом пояснил, что следовал из г. Москвы в г. Кемерово воздушным транспортом, из г. Кемерово в г. Мариинск железнодорожным транспортом и таким же способом он следовал обратно. Кроме того, в судебном заседании М. показал, что, давая показания в качестве подозреваемого 12 августа 2016 г., он пояснял, что, следуя в отпуск, он затратил на дорогу авиатранспортом до г. Кемерово не более 2 суток, при этом вопрос

о том, каким образом он добирался из г. Кемерово в г. Мариинск, у него следователем не выяснялся. Этому заявлению М. в суде, которое дополняет и уточняет его показания, данные на предварительном следствии, в приговоре никакой оценки дано не было, противоречия в его показаниях не устранены, и это его заявление ничем не опровергнуто. При этом суд бездоказательно ограничился лишь утверждением о том, что показания М. в суде являются несоответствующими действительности и направленными на защиту своих интересов. Оставлено без внимания судьей и обстоятельство, на которое обращалось внимание в суде защитником-адвокатом: согласно открытому для общего доступа в Интернете расписанию минимальное время, необходимое для следования поездом из г. Москвы в г. Мариинск, составляет более 2 суток, в связи с чем командованием воинской части М. было предоставлено недостаточное количество времени на проезд к месту проведения отпуска и обратно. Являются безосновательными и выводы суда в приговоре о том, что расстояние от г. Кемерово до г. Мариинска может быть преодолено автомобильным транспортом не более чем за 4 часа, а также о том, что М. был обязан по истечении причитающегося отпуска, с учетом реально затраченного времени на проезд, возвратиться к месту службы досрочно на 2 суток, поскольку данные выводы ничем не подтверждены. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ, как и других видов уклонений от военной службы, заключается в нарушении установленного порядка прохождения военной службы, повлекшем причинение или создание угрозы причинения вреда боеготовности воинского подразделения или срыв выполнения поставленных задач⁶. В данном же случае действия М., в совершении которых он обвиняется органами предварительного следствия, вышеназванных последствий не повлекли, поскольку он к

⁶ См. подробнее о военной безопасности: *Фатеев К. В.* Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование). М., 2004. 250 с.

установленному времени прибыл из отпуска на службу и в соответствии с приказом командира воинской части приступил к исполнению своих обязанностей. При таких данных суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что у М. при следовании к месту проведения отпуска и обратно отсутствовало намерение временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы путем обмана, т. е. умысел на совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ, и, как следствие, в его действиях отсутствовал состав преступления, вмененный ему в вину органами предварительного следствия, а затем и судом первой инстанции.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства, которые при рассмотрении дела судом первой инстанции надлежащей оценки не получили, что повлияло на правильность выводов о виновности осужденного и квалификации его действий, и, как следствие, на исход дела, суд апелляционной инстанции приговор Солнечногорского гарнизонного военного суда от 12 апреля 2017 г. в отношении М. отменил в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, уголовное дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратил (в связи с отсутствием в деянии состава преступления), а также признал за М. право на реабилитацию⁷.

П. был оправдан на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием в деянии состава преступления) по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Органами предварительного следствия П. обвинялся в том, что, являясь должностным лицом – командиром воинской части, превышая свои должностные полномочия и используя их вопреки интересам службы, из корыстной заинтересованности, в период с июля

2004 г. по апрель 2010 г. на территориях указанной воинской части совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий, – незаконно присвоил себе полномочия правообладателя – Тверской КЭЧ района и собственника имущества Минобороны России и заключил 12 августа 2008 г. дополнительное соглашение к договору на оказание услуг по межеванию территории Кушалинского авиационного полигона от 12 марта 2003 г., в результате чего Минобороны России был причинен материальный ущерб. Кроме того, 13 февраля 2009 г. П. подписал акт согласования земель воинской части, в результате чего из земель Минобороны России был незаконно отчужден и впоследствии образован новый кадастровый квартал, в состав которого вошла территория закрытого военного городка воинской части, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов государства в лице Минобороны России с причинением тяжких последствий, выразившихся в незаконном отчуждении вышеуказанного земельного участка стоимостью 1 646 800 руб. и проведении незаконного межевания на сумму 1 015 850 руб. 35 коп., а всего с причинением ущерба государству на общую сумму 2 662 650 руб. 35 коп.

Московский окружной военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, установил, что суд первой инстанции, посчитав установленным, что закрытый военный городок находился на землях обороны, тем не менее, признал их одновременно землями населенного пункта, поскольку это должно было произойти путем подачи соответствующим органом Минобороны России ходатайства и последующего получения акта о переводе земельного участка из одной категории в другую. С этим выводом суд не согласился, так как наличие механизма перевода земель из одной категории земли в другую или его отсутствие не свидетельствует о безусловной возможности такого перевода без учета прав

⁷ Апелляционное постановление № 22А-212/2017 Московского окружного военного суда от 26 июня 2017 г.

правообладателей земельных участков, в данном случае государства в лице Минобороны России. Кроме того, оправдание действий П. тем, что земли все равно должны были быть неизбежно переведены из земель обороны в земли населенных пунктов, что само по себе является предположением относительно возможных будущих действий, связанных с таким переводом, не соответствует требованиям пп. 1 – 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, поскольку приговор должен содержать оценку установленных, а не предполагаемых обстоятельств и действий виновного либо невиновного. С учетом изложенного вывод суда первой инстанции об отсутствии в действиях П. состава преступления нельзя признать убедительным, а оправдательный приговор в отношении его законным и обоснованным, поскольку он не соответствует фактическим обстоятельствам дела, по делу допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, в связи с чем приговор подлежит отмене, а уголовное дело – направлению на новое судебное разбирательство в ином составе суда⁸.

Б. был признан виновным в приобретении путем обмана и злоупотребления доверием права на чужое имущество – двух квартир, совершенном группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере. Своими действиями в период с июня 2009 г. по май 2012 г. Б. обманул и злоупотребил доверием должностных лиц Замоскворецкой КЭЧ г. Москвы, отдела по району Лефортово УФМС России по г. Москве, Лефортовского районного суда г. Москвы и Управления Росреестра по г. Москве, что привело к незаконному приобретению права на чужое имущество и оформлению в собственность его дочерей двух квартир стоимостью 9 052 883 руб. и соответственно повлекло причинение Российской Федерации ущерба в особо крупном размере на указанную сумму. Органами предварительного следствия Б. было

предъявлено обвинение в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Рассмотрев уголовное дело в порядке гл. 40 УПК РФ, суд переквалифицировал содеянное Б. с двух составов на один, предусмотренный ч. 4 ст. 159 УК РФ, по признаку группы лиц по предварительному сговору. Как следует из представленных материалов, уголовное дело судом первой инстанции рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства, при этом требования ст.ст. 314 – 317 УПК РФ, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, судом не были соблюдены. Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» от 5 декабря 2006 г. по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются. Переквалификация действий Б. была возможна только после выяснения судом первой инстанции субъективной стороны состава преступления, т. е. после допроса подсудимого по обстоятельствам предъявленного обвинения, допроса свидетелей, исследования судом других доказательств по делу и их оценки в совокупности, что невозможно сделать при особом порядке принятия судебного решения.

Указанное нарушение уголовно-процессуального закона было признано судом апелляционной инстанции существенным и влекущим отмену приговора с направлением уголовного дела на новое рассмотрение⁹.

П. А.В., С. А.Ю., П. А.М. в период с марта 2011 г. по декабрь 2012 г., будучи должностными лицами, исполняющими в федеральном казенном учреждении «Управле-

⁸ Апелляционное определение № 22А-231/2017 Московского окружного военного суда от 11 июля 2017 г.

⁹ Апелляционное определение № 22А-64/2017 Московского окружного военного суда от 28 февраля 2017 г.

ние финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Нижегородской области» обязанности начальника, заместителя начальника и начальника отдела (по расчетам с личным составом) соответственно, желая незаконно обогатиться за чужой счет, в составе организованной группы, в нарушение ст.ст. 2, 21 и 22 Трудового кодекса Российской Федерации; ст.ст. 32 и 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»; ст.ст. 26 и 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и иных приведенных в приговоре нормативных правовых актов совершили действия, явно выходящие за пределы их полномочий и повлекшие существенное нарушение прав потерпевших (всего 14 человек), осуществляя с указанных лиц, находящихся в служебной зависимости от руководства УФО и опасавшихся негативных последствий, незаконный сбор части денежных средств, полученных ими в качестве премиальных выплат.

Суд первой инстанции переквалифицировал действия обвиняемых с ч. 3 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст. 286 УК РФ. Рассмотрев материалы уголовного дела и обсудив доводы апелляционного представления, суд апелляционной инстанции пришел к следующим выводам. Как следует из формулы обвинения, предложенной следственными органами, после достигнутой между обвиняемыми договоренности и распределения ролей между ними П. А.В. издавались приказы о производстве премиальных выплат в повышенном размере в отношении отдельных работников, которых подыскивал С. А.Ю., а П. А.М. производился сбор денежных средств с этих работников. Собранные деньги в последующем распределялись между членами организованной группы.

Вместе с тем, суд не дал в приговоре оценки признательным показаниям подсудимых С. А.Ю. и П. А.М., показаниям обвиняемого П. А.В., данным им в ходе предварительного расследования, а также показаниям свидетеля о том, что сбору части премиаль-

ных выплат с потерпевших предшествовало издание П. А.В. приказа о премировании отдельных работников в значительно большем размере по сравнению с другими работниками. Именно с этих работников, которые получали многократно завышенные суммы премий и которые были признаны потерпевшими по делу, подсудимыми осуществлялся сбор части премиальных выплат.

Таким образом, судом оставлены без внимания такие обстоятельства, как полномочия П. А.В. по премированию подчиненных ему работников, которые он не превышал, а использовал вразрез с существующими руководящими документами относительно размеров выплаченных сумм, а также момент начала и окончания выполнения объективной стороны вмененных всем обвиняемым противоправных действий. Кроме того, поскольку такой квалифицирующий признак, как наступление тяжких последствий, носит оценочный характер, утверждение суда об отсутствии доказательств дискредитации органа военного управления и подрыва престижа службы в учреждениях и организациях Минобороны России, с учетом установленных фактических обстоятельств по делу, не бесспорно и требует дополнительной проверки при новом рассмотрении уголовного дела, равно как и иные последствия от действий подсудимых, указанных в обвинительном заключении. При таких обстоятельствах постановленный приговор нельзя признать законным и обоснованным.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского окружного военного суда определила приговор Нижегородского гарнизонного военного суда от 15 марта 2017 г. в отношении П. А.В., С. А.Ю., П. А.М. в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, отменить, а уголовное дело передать на новое рассмотрение в тот же суд, но в ином составе¹⁰.

К. был признан судом первой инстанции виновным в мошенничестве при получении

¹⁰ Апелляционное определение № 22А-204/2017 Московского окружного военного суда от 16 июня 2017 г.

выплат, т. е. хищении денежных средств при получении компенсаций, путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Как указано в приговоре, 31 декабря 2012 г. К. заключил договор найма жилого помещения и получал компенсацию за его наем. 25 февраля 2014 г. К. было предоставлено во владение и пользование служебное жилое помещение.

К., заведомо зная о том, что его право на получение компенсации за наем жилого помещения в связи с получением им во владение и пользование служебного жилого помещения утрачено, командованию воинской части о данном факте не сообщил. В связи с этим командир воинской части, будучи введенным в заблуждение относительно утраты К. права на получение компенсации за наем жилого помещения в связи с наличием у последнего в его владении и пользовании служебного жилого помещения, издал соответствующие приказы, согласно которым К. полагалась ежемесячная выплата денежной компенсации за поднаем жилого помещения в общей сумме 32 400 руб., из которых 18 835 руб. 71 коп. были начислены необоснованно. Данными денежными средствами подсудимый распорядился по своему усмотрению.

К. был осужден по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ к штрафу в размере 20 000 руб. и в связи с истечением сроков давности уголовного преследования от назначенного наказания освобожден. Рассмотрев дело в апелляционном порядке, Московский окружной военный суд установил, что К. давал показания о том, что, получив служебное жилье, продолжал проживать в съемном, так как служебное жилье требовало ремонта, однако, осознав в августе 2014 г., что его могут привлечь к уголовной ответственности, решил сообщить в воинскую часть о том, что у него прекратилось право на получение компенсации за поднаем жилья, что он и сделал, а затем попытался внести излишне полученные денежные средства, однако сделать этого не смог не по своей вине.

Получив в феврале 2014 г. договор найма служебного жилого помещения, К. сдал его в соответствующие структуры, попросил пересчитать положенную ему денежную компенсацию, возвратил переплаченную часть, однако указанные денежные средства не были приняты не по его вине, при этом какой-либо корысти К. не имел, что в совокупности с показаниями двух свидетелей об этих обстоятельствах подтверждает отсутствие у К. намерения на хищение денежных средств при получении компенсаций путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, т. е. на совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. При таких данных, указывающих на объективный характер действий К., его показания на предварительном следствии и в суде, показания свидетелей, по мнению суда апелляционной инстанции, подтверждают отсутствие корыстного мотива у К. на завладение денежными средствами при получении компенсаций путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, вмененного ему в вину органами предварительного следствия, и, как следствие, отсутствие в его деянии состава преступления.

Изложенные обстоятельства при рассмотрении дела судом первой инстанции надлежащей оценки не получили, что повлияло на правильность выводов о виновности осужденного и квалификации его действий и, как следствие, на исход дела.

Московский окружной военный суд постановил приговор Рязанского гарнизонного военного суда от 14 марта 2017 г. в отношении К. в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела отменить. Уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Признать за К. право на реабилитацию¹¹.

¹¹ Апелляционное постановление № 22А-164/2017 Московского окружного военного суда от 19 мая 2017 г.

Кроме того, по результатам рассмотрения уголовных дел суды первой инстанции в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ путем вынесения шести частных постановлений обращали внимание руководителей военных следственных органов на нарушения закона, требующие принятия необходимых мер. По инициативе государственных обвинителей такое судебное реагирование осуществлялось по четырем уголовным делам. Основаниями для вынесения частных постановлений явились: 1) допущенные органами предварительного расследования нарушения требований уголовно-процессуального законодательства при проведении следственных действий (3 дела), нарушение конституционных прав участников процесса (3 дела).

Так, например, в ходе рассмотрения Сердобским городским судом Пензенской области уголовного дела в отношении Е., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в крупном размере), следователь военного следственного отдела СК России по Пензенскому гарнизону, вопреки требованиям ч. 1 ст. 166 УПК РФ, в протоколах осмотров места происшествия и предметов неверно указал дату и время их составления, привел данные о понятых, фактически не принимавших участие в проведении указанных следственных действий. В этой связи помощник

военного прокурора Пензенского гарнизона в соответствии с ч. 5 ст. 246 УПК РФ, пп. 5.1 и 5.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» от 25 декабря 2012 г. № 465 обоснованно обратил внимание суда на допущенные при расследовании данного уголовного дела нарушения закона, заявил ходатайство об исключении указанных протоколов следственных действий из числа доказательств и предложил вынести в адрес руководителя военного следственного отдела частное постановление.

Таким образом, подводя итоги настоящей статьи, следует отметить, что в практике военных судов, органов военной прокуратуры и военных следственных органов случаи отмены приговоров судов носят единичный характер, что свидетельствует о довольно высоком качестве работы указанных органов. При этом большинство случаев отмены приговора суда, в том числе с прекращением уголовного дела в соответствии с пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и оправданием подсудимых, связано с нарушением уголовно-процессуального законодательства, а также несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела. Неправильное применение уголовного закона как основание отмены приговора суда встречается в практике военных судов крайне редко.

Информация

В Приморье по материалам военных прокуроров возбуждено уголовное дело за попытку завладеть земельным участком военного ведомства стоимостью более 46 млн рублей

19.01.2018

Военной прокуратурой Тихоокеанского флота по результатам проверки соблюдения земельного законодательства установлено, что в декабре 2017 года ООО «Патентно-лицензионная фирма «Прана» представило подложный документ в ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» по Приморскому краю в г. Артеме, обеспечив незаконное внесение в государственный кадастр недвижимости сведений о праве постоянного бессрочного пользования земельным участком Министерства обороны Российской Федерации, расположенным в г. Владивостоке, стоимостью 46,2 млн рублей.

По материалам военных прокуроров следственным органом возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (покушение на мошенничество, совершенное в особо крупном размере).

<http://gvp.gov.ru/news/>

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

*Н.Е. Степаненко, кандидат юридических наук,
доцент кафедры № 29 (уголовного права) Военного университета;
П.А. Кожевников, военный юрист, Военный университет*

В военных судах накоплен большой опыт рассмотрения уголовных дел об уклонениях от военной службы. По этой категории дел Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации (в настоящее время – Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации) неоднократно проводила обобщения судебной практики и давала руководящие разъяснения¹.

Однако военные следственные органы, органы военной прокуратуры и военные суды продолжают допускать ошибки при анализе и оценке признаков, характеризующих различные элементы состава преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, что влечет неправильное применение уголовного закона.

Так, Ленинградский окружной военный суд отменил приговор Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда в отношении рядового Л., осужденного по ч. 4 ст. 337 УК РФ, так как суд первой инстанции неправильно квалифицировал содеянное. Данное дело было направлено на новое судебное рассмотрение, по результатам которого Л. был осужден за дезертирство по ч. 1 ст. 338 УК РФ².

В связи с изложенным выше требуется дополнительное исследование вопросов квалификации уклонений от военной службы и ограничения этих преступлений от смежных составов.

Ранее уже изучались объекты преступлений, предусмотренных ст. 337 УК РФ, и приводилась их формулировка:

- самовольного оставления места службы – порядок убытия военнослужащего с места службы, временного нахождения вне места службы и возвращения на службу;
- неявки в срок без уважительных причин на службу – порядок временного нахождения военнослужащего вне места службы и возвращения его на службу.

Также обосновывалось, что рассматриваемые правоотношения формируются под воздействием «правил», под которыми понимаются: Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в редакции от 27 ноября 2017 г.), Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (в редакции от 8 октября 2017 г.), общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации,

¹ Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершенных военнослужащими (1997 – 2000) // Архив Верховного Суда Российской Федерации. 2001; О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 3 апр. 2008 г. № 3 [в ред. от 23 дек. 2010 г.] // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2008. № 6.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2005 года «Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2004 год». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.11.2017).

утвержденные Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» от 10 ноября 2007 г. № 1495 (в редакции от 16 мая 2017 г.) и другие документы³.

Дополнительно следует отметить, что существенное регулирующее воздействие на содержание правоотношений, составляющих объект данных преступлений, оказывают ведомственные нормативные правовые акты.

В системе Министерства обороны Российской Федерации таким нормативным правовым актом является Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации⁴, которая устанавливает образцы предписаний, отпускных билетов, командировочных удостоверений и иных разрешительных документов, необходимых для убытия из воинской части на определенный срок.

Факт законного нахождения вне части подтверждается отметками в отпускном билете, в командировочном удостоверении и т. д. Такой порядок учета военнослужащих, временно отсутствующих по месту службы, установлен в приложении № 13 «Порядок учета военнослужащих, находящихся в командировке и отпуске, и воинских частей гарнизона» к Уставу гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации.

Согласно п. 1 названного приложения по прибытии к месту командировки или отпуску каждый военнослужащий должен встать на учет у дежурного по военной коммандатуре, а перед убытием к месту службы сняться с учета.

Также на основании вышеназванной Инструкции при направлении в служебные командировки военнослужащим выдаются

командировочные удостоверения, при направлении к новому месту службы – предписания, а при убытии в отпуск – отпускные билеты.

Что касается объекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 337 УК РФ, то его содержание определяется не только вышеприведенными нормативными правовыми актами, но и другими документами, которые учитывают специфику убытия из дисциплинарной воинской части, временного нахождения вне места отбывания данного уголовного наказания и возвращения к месту службы.

В частности, требования, установленные в УИК РФ, Положении о дисциплинарной воинской части⁵, Правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими⁶, определяют, что всякие перемещения военнослужащих переменного состава вне территории дисциплинарной воинской части осуществляются под конвоем. Только осужденным военнослужащим, отбывающим наказание в облегченных условиях, разрешено передвигаться без конвоя за пределами дисциплинарной воинской части.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в редакции от 1 июля 2017 г.) и ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащие имеют право на получение отпусков по личным обстоятельствам. Однако ст. 162 УИК РФ и п. 39 Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими для осужденных военнослужащих предусмотрены только краткосрочные выезды за пределы дисциплинарной воинской части, которые могут быть разрешены в связи с исключительными личными обстоятельствами (например, смерть или тяже-

³ Степаненко Н.Е. Актуальные проблемы уголовной ответственности военнослужащих за уклонение от военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 1. С. 114.

⁴ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны Рос. Федерации от 4 апр. 2017 г. № 170. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.11.2017).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о дисциплинарной воинской части» от 4 июня 1997 г. № 669 (в редакции от 25 октября 2014 г.).

⁶ Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: приказ Министра обороны Рос. Федерации от 20 окт. 2016 г. № 680. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2017).

лая болезнь близкого родственника, стихийное бедствие); при этом отпуска данным военнослужащим не предоставляются и увольнение их из расположения дисциплинарной воинской части не предусмотрено.

В случае разрешения на краткосрочный выезд осужденный военнослужащий убывает из дисциплинарной воинской части без конвоя и на общих основаниях законно находится вне места службы.

Если военнослужащий переменного состава самовольно оставляет место службы, скрывшись от конвоя, либо не возвращается в установленный срок к месту службы без уважительных причин, то он нарушает требования нормативных актов, как общих для всех военнослужащих, так и специфических, действующих только в отношении данной категории военнослужащих.

В диспозиции чч. 3 и 4 ст. 337 УК РФ используется понятие «месяц». При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 3 апреля 2008 г. № 3, в расчет следует принимать календарный месяц независимо от количества содержащихся в нем дней⁷.

Как известно, месяцы года включают разное количество дней, в одном месяце может быть 30, 31 день, а в феврале – 28 или 29 дней. В результате на практике действия одних военнослужащих, самовольно отсутствовавших в части либо по месту службы в феврале-марте фактически в течение 29 суток, подлежат квалификации по ч. 4 ст. 337 УК РФ, тогда как действия других военнослужащих, уклонявшихся от военной службы, например, в июле-августе в течение 30 суток, подлежат квалификации по ч. 3 ст. 337 УК РФ, которая предусматривает более мягкое наказание, чем ч. 4 ст. 337 УК РФ.

Таким образом, использование при конструировании данной уголовно-правовой нормы неконкретного понятия «месяц» приводит к нарушению предусмотренного

ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации и ст. 4 УК РФ принципа равенства граждан перед законом и судом. Поэтому представляется необходимым в диспозиции чч. 3 и 4 ст. 337 УК РФ понятие «месяц» заменить словами «тридцать суток».

Согласно ст. 331 УК РФ субъектами преступлений против военной службы являются военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, и граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

В соответствии со ст.ст. 1 и 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» граждане, призванные на военные сборы, не имеют статуса военнослужащих, а являются лицами, исполняющими воинскую обязанность. В этой связи они могут нести уголовную ответственность только в тех случаях, когда в диспозициях статей о совершенных ими преступлениях против военной службы не содержится указания об обязательном наличии у субъекта преступления статуса военнослужащего.

В диспозициях всех четырех частей статьи 337 УК РФ определено, что субъектом данного преступления может быть только военнослужащий, проходящий военную службу по призыву либо по контракту. Это означает, что граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения военных сборов не могут быть субъектами самовольного оставления части или места службы.

Субъект самовольного оставления части или места службы, помимо общих и специальных признаков субъекта преступлений, должен обладать еще и специфическим (особым) признаком. Так, уголовную ответственность по ч. 1 ст. 337 УК РФ могут нести только военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, а по чч. 3 и 4 ст. 337 УК РФ – военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту.

⁷ О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 3 апр. 2008 г. № 3 [в ред. от 23 дек. 2010 г.] // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2008. № 6.

Отдельно следует рассмотреть военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и особенно указанных в ст. 55 УК РФ военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, как субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 337 УК РФ.

Действующее законодательство не содержит положений о том, что статус военнослужащего изменяется после осуждения его за совершение уголовного преступления и зачисления в списки переменного состава дисциплинарной воинской части. Следовательно, и в период отбывания наказания в дисциплинарной воинской части военнослужащие продолжают оставаться военнослужащими, проходящими военную службу соответственно по призыву или по контракту.

Согласно Федеральному закону «О статусе военнослужащих» и общевоинским уставам Вооруженных Сил Российской Федерации у военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, существенно больше прав и льгот, чем у военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Это касается передвижения вне территории воинской части, обеспечения различными видами довольствия, включая денежное довольствие, предоставление жилья и т. д.

Однако, как следует из ст. 156 УИК РФ, в период отбывания содержания в дисциплинарной воинской части все осужденные военнослужащие, независимо от их воинского звания и ранее занимаемой должности, находятся на положении солдат (матросов) и носят единые установленные для данной дисциплинарной воинской части форму одежды и знаки различия.

В результате при исполнении формально одинакового с военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, уголовного наказания – содержания в дисциплинарной воинской части военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, фактически подвергаются значительно большим лишениям, а также огра-

ничениям прав и свобод, чем военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, что противоречит предусмотренному ст. 6 УК РФ принципу справедливости наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицу.

Кроме того, уравнивание правового положения названных категорий военнослужащих при отбывании данного наказания унижает честь и достоинство военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Ведь даже при отбывании ареста как уголовного наказания законодатель в ст. 150 УИК РФ предусмотрел, что осужденные военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, содержатся на гауптвахте отдельно от осужденных военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

С учетом изложенного представляется необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 55 УК РФ, исключив из нее слова: «военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву». Предлагается изложить ч. 1 ст. 55 УК РФ в следующей редакции: *«Содержание в дисциплинарной воинской части назначается военнослужащим, проходящим военную службу по призыву. Это наказание устанавливается на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса за совершение преступлений против военной службы, а также в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осужденного в дисциплинарной воинской части на тот же срок».*

По мнению профессора Н.А. Петухова, преступления, квалифицируемые по ст. 337 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом по отношению к деянию либо с

косвенным по отношению к продолжительности уклонения⁸.

С таким утверждением в полном объеме согласиться нельзя, так как виновное лицо совершает самовольное оставление части или места службы и в дальнейшем продолжает уклоняться от военной службы с прямым умыслом.

Субъект данного преступления осознает, что он самовольно, без разрешения командира (начальника) оставляет расположение воинской части или места службы и таким образом уклоняется от несения обязанностей военной службы и желает этого. Сознанием виновного охватывается и продолжительность незаконного пребывания вне части или места службы свыше двух, десяти суток или свыше одного месяца.

В диспозиции ст. 337 УК РФ нет указания на цель данного преступления. Вместе с тем, ее установление необходимо для отграничения этого состава от дезертирства. Обязательность данного признака для субъективной стороны самовольного оставления части также указывает на то, что виновный действует с прямым умыслом.

Актуальным представляется вопрос отграничения самовольного оставления части или места службы от дезертирства, предусмотренного ст. 338 УК РФ. Непосредственным объектом самовольного оставления части или места службы является порядок убытия с места службы, временного нахождения вне места службы и возвращения на службу, а дезертирства – порядок увольнения с военной службы, так как при дезертирстве военнослужащий самовольно убывает из части навсегда, т. е. «сам себя увольняет»⁹.

В то же время продолжительность уклонения от военной службы влияет на квалификацию содеянного по ст. 337 УК РФ и на меру наказания, а продолжительность дезертирства не влияет на квалификацию, но учитывается при назначении наказания.

В ст. 338 УК РФ, в отличие от ст. 337 УК РФ, содержатся квалифицирующие признаки, относящиеся к объективной стороне: дезертирство с оружием, вверенным по службе, дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Одинаковые по содержанию основания освобождения от уголовной ответственности, также относящиеся к объективной стороне и изложенные в примечаниях к статьям, применяются только к ч. 1 ст. 338 УК РФ, но распространяются на всю ст. 337 УК РФ.

Мотивом самовольного оставления части или места службы является нежелание служить в течение определенного времени, а дезертирства – нежелание служить вовсе. Также следует учитывать, что ответственность по ст. 337 УК РФ наступает лишь при наличии у лица намерения временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы и по истечении определенного срока возвратиться в часть (к месту службы) для прохождения военной службы. При дезертирстве лицо имеет цель вовсе уклониться от исполнения обязанностей военной службы.

Например, 13 мая 2016 г. военнослужащий Б. без уважительных причин не явился на службу в срок, установленный регламентом служебного времени, – к 8 часам 30 минутам. Желая временно отдохнуть от исполнения обязанностей военной службы, Б. празднично проводил время, в органы военного управления не обращался, командованию воинской части о своем местонахождении не сообщал, а 24 июня 2016 г. самостоятельно прибыл в воинскую часть и приступил к исполнению служебных обязанностей. Добровольность явки к месту службы свидетельствовала об отсутствии цели вовсе уклониться от военной службы, и данный военнослужащий Заозерским гарнизонным

⁸ Петухов Н.А. Преступления против порядка пребывания на военной службе // Преступления против военной службы (Военно-уголовное законодательство Российской Федерации): науч.-практ. коммент. Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1999. С. 108.

⁹ Степаненко Н.Е. Указ. соч. С. 114.

военным судом был осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ¹⁰.

При квалификации самовольного оставления части актуальным представляется вопрос отграничения этого деяния и от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ.

Объектом уклонения от призыва на военную службу является порядок призыва на военную службу, а родовым объектом самовольного оставления части или места службы – порядок прохождения военной службы. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ, может быть гражданин мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, по состоянию здоровья годный к военной службе, но не обладающий статусом военнослужащего. Субъектом самовольного оставления части могут быть только военнослужащие, в том числе и женского пола, если речь идет об ответственности за преступления, предусмотренные чч. 3 и 4 ст. 337 УК РФ.

Различие в объективной стороне заключается и в том, что при уклонении от призыва на военную службу лицо не является в военный комиссариат либо в иной пункт сбора, а уклоняясь от военной службы, самовольно оставляет часть либо не является к месту службы.

Различны также и мотивы совершения данных преступлений – соответственно нежелание быть призванным на военную службу и нежелание служить в течение определенного периода, и цели – уклониться от призыва на военную службу и временно уклониться от военной службы.

В качестве примера следует рассмотреть уголовное дело в отношении К., достигшего восемнадцатилетнего возраста. К., являясь гражданином Российской Федерации, не имея законных оснований для освобождения или отсрочки от призыва на военную службу, будучи обязанным в соответствии с феде-

ральным законодательством Российской Федерации проходить военную службу, умышленно в весенний призыв 2017 г. уклонился от призыва на военную службу в Вооруженные Силы Российской Федерации, за что был осужден Ленинским районным судом города Красноярска по ч. 1 ст. 328 УК РФ. Статус военнослужащего К. не приобрел и обладал лишь признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 328 УК РФ¹¹.

Также полагаем необходимым дополнительно изучить вопросы отграничения самовольного оставления части от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ.

Как уже отмечалось выше, объектом преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, является порядок убытия военнослужащего с места службы, временного нахождения вне места службы и возвращения на службу, а объектом преступления по ч. 1 ст. 339 УК РФ – порядок временного освобождения военнослужащего от всех либо некоторых обязанностей военной службы с нахождением его по месту службы либо вне места службы¹².

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ, может содержать четыре разных способа его совершения: симуляция болезни, причинение себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлог документов, иной обман. Эти способы существенно отличаются от двух способов совершения самовольного оставления части. При уклонении от военной службы, предусмотренном ст. 337 УК РФ, виновный никого не обманывает; временно уклоняясь от военной службы, он действует открыто и дерзко, а в основе уклонения, предусмотренного ст. 339 УК РФ, лежит обман, так как лицо внешне легально уклоняется от военной службы.

Так, военнослужащий Ч., желая временно отдохнуть от службы, совершил уклонение от исполнения обязанностей военной

¹⁰ Приговор Заозерского гарнизонного военного суда от 3 октября 2016 г. по уголовному делу № 1-53/2016. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 17.11.2017).

¹¹ Приговор Ленинского районного суда от 19 сентября 2017 г. по уголовному делу № 1-630/2017. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 17.11.2017).

¹² Степаненко Н.Е. Указ. соч. С. 115.

службы путем подлога документов. Он незаконно приобрел справки-вызовы в университет, якобы выданные университетом, для прохождения промежуточной аттестации в различные периоды. При этом Ч. достоверно знал о подложности этих справок, поскольку фактически не обучался в этом учебном заведении. Суд обоснованно квалифицировал содеянное Ч. по ч. 1 ст. 339 УК РФ¹³.

Срок уклонения от военной службы, предусмотренного ст. 337 УК РФ, определяет квалификацию содеянного и влияет на меру наказания, однако не имеет значения для квалификации по ст. 339 УК РФ.

В ст. 337 УК РФ имеется примечание, предусматривающее основания освобождения виновного от уголовной ответственности, тогда как в ст. 339 УК РФ такого примечания нет.

Уклонение от военной службы, предусмотренное ст. 337 УК РФ, совершается действием или бездействием и возможно только при нахождении виновного вне территории части либо места службы, а уклонение, предусмотренное ч. 1 ст. 339 УК РФ, совершается только действием, независимо от способа, и возможно при нахождении военнослужащего как вне территории части (места службы), так и на территории части (по месту службу).

Мотивом самовольного оставления части (места службы) является нежелание военнослужащего выполнять все обязанности военной службы, а мотивом уклонения от военной службы, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ, – его нежелание выполнять все или некоторые обязанности военной службы.

Информация

Начальник одного из управлений АО «Гарнизон» (ранее ОАО «Оборонсервис») осужден за мошенничество в особо крупном размере

25.12.2017

В Савеловском районном суде г. Москвы завершился процесс по делу о махинациях со средствами Минобороны России, выделенными на создание одного из центров боевой подготовки, возбужденному по материалам проверки Главной военной прокуратуры.

За совершение мошенничества в особо крупном размере осужден начальник одного из управлений ОАО «Оборонсервис» (в н.в. АО «Гарнизон») К.

Суд посчитал доказанным обвинение К. в том, что он в период 2012-2014 г.г., будучи руководителем проекта в ОАО «Оборонсервис» при выполнении государственного контракта по созданию указанного центра боевой подготовки, путем злоупотребления доверием должностных лиц Минобороны России и названного акционерного общества, организовал заключение между иностранной фирмой - соисполнителем работ ряда фиктивных договоров с подконтрольной ему коммерческой организацией.

Впоследствии необоснованно перечисленные на расчетный счет данной коммерческой структуры денежные средства на сумму более 231,2 млн рублей были им обналичены и похищены.

В соответствии с позицией государственного обвинителя – представителя Главной военной прокуратуры К. приговорен к 6 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с ограничением свободы на 1 год, оштрафован на 900 тыс. рублей, а также лишен права заниматься управленческой деятельностью в коммерческих организациях сроком на 3 года.

Заявленный Минобороны России гражданский иск о взыскании с виновного 231,2 млн рублей в счет компенсации причиненного ущерба удовлетворен судом в полном объеме.

Одновременного в целях возмещения гражданского иска суд обратил взыскание на изъятые у осужденного денежные средства на сумму более 40 млн рублей и сохранил арест на две дорогостоящие квартиры в Москве.

<http://gvp.gov.ru/news/>

¹³ Приговор Хабаровского гарнизонного военного суда от 22 марта 2017 г. по уголовному делу № 1-22/2017. URL: <https://gospravosudie.com> (дата обращения: 17.11.2017).

**Обзор судебной практики
Верховного Суда
Российской Федерации
№ 5 (2017)**

(утв. Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации 27 декабря 2017 г.)

Президиум Верховного Суда Российской Федерации

Извлечение

**Разрешение споров, связанных с трудовыми
и социальными отношениями**

12. Факт смерти военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы подтверждается в том числе справкой установленной формы, составленной уполномоченным должностным лицом о том, что в момент смерти военнослужащий находился на территории воинской части в связи со служебной необходимостью.

Заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы требуется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Л.Е. и Л.А. обратились 21 марта 2016 г. в суд с иском к открытому акционерному обществу “Страховое общество газовой промышленности” (далее - страховщик) о признании права на получение единовременного пособия и взыскании единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат” (далее - Федеральный закон № 306-ФЗ), компенсации морального вреда.

Судом установлено и следует из материалов дела, что Л.Е. являлась супругой, а Л.А., 1993 года рождения, - сыном военнослужащего - полковника Л.С., проходившего военную

службу в войсковой части в должности начальника центра управления - заместителя начальника штаба по боевому управлению и умершего 25 декабря 2014 г.

По результатам проведенного служебного разбирательства по факту смерти Л.С. заместителем начальника штаба войсковой части составлен рапорт от 28 декабря 2014 г., а заместителем начальника центра управления войсковой части - рапорт от 27 мая 2015 г. о том, что в соответствии с должностными и специальными обязанностями начальник центра управления Л.С. получил сигнал оповещения, отданный от имени командира войсковой части, о введении степени боевой готовности, приступил к выполнению приказа, был обязан экипироваться, прибыть на службу. При выполнении приказа, исполняя свои обязанности начальника центра управления, Л.С. умер.

25 декабря 2014 г. полковник Л.С. находился по месту прохождения военной службы в войсковой части (справка начальника штаба войсковой части от 30 декабря 2015 г.).

Согласно выписке из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения по личному составу от 31 января 2015 г. полковник Л.С. в соответствии с п. 7 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” (далее - Федеральный закон № 53-ФЗ) и ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации

№ 1237, исключен с 26 декабря 2014 г. из списков личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в связи со смертью 25 декабря 2014 г. В этом же документе указано, что смерть Л.С. наступила в период прохождения им военной службы, связана с исполнением обязанностей военной службы.

По факту смерти Л.С. командиром войсковой части выдана справка от 10 марта 2015 г. установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

По заключению военно-врачебной комиссии филиала главного центра военно-врачебной экспертизы Министерства обороны Российской Федерации от 26 марта 2015 г. заболевание полковника Л.С. “острая левожелудочковая недостаточность, вследствие повторного субэндокардиального инфаркта миокарда передней стенки левого желудочка”, приведшее к его смерти, получено в период военной службы.

17 марта 2015 г. Л.Е. и Л.А. обратились в военный комиссариат с заявлениями о выплате единовременного пособия в связи со смертью Л.С., наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

Выплату единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, по соглашению от 16 января 2015 г., заключенному между Министерством обороны Российской Федерации и страховщиком, осуществляет последний.

Для решения вопроса о выплате единовременного пособия членам семьи умершего при исполнении обязанностей военной службы Л.С. (жене Л.Е., сыну Л.А. - курсанту 2 курса высшего военно-учебного заведения очной формы обучения и отцу Л.И.) начальник отдела военного комиссариата направил их заявления о выплате единовременного пособия с приложенными документами страховщику.

Страховщик направил командиру войсковой части запрос о представлении дополнительных документов для принятия решения о выплате единовременного пособия в равных долях членам семьи военнослужащего полковника Л.С.

Командиром войсковой части повторно выдана справка установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

Единовременное пособие страховщиком Л.Е. и Л.А. выплачено не было.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, исходя из положений Федерального закона № 306-ФЗ, Федерального закона № 53-ФЗ с учетом установленных по делу обстоятельств, пришел к выводу о том, что смерть полковника Л.С. наступила от острой коронарной недостаточности сердца на территории войсковой части при исполнении им обязанностей военной службы, в связи с чем удовлетворил исковые требования о признании за членами семьи умершего Л.С. права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, и взыскании со страховщика в пользу истцов единовременного пособия в равных долях в размере 2 110 000 руб.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения иска Л.Е. и Л.А. о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании с ответчика этого пособия в их пользу и принимая в этой части новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, исходил из того, что у членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего право на получение единовременного пособия возникает только при наличии причинно-следственной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы, в то время как согласно заключению военно-врачебной комиссии заболевание, приведшее к смерти полковника Л.С., получено им в период военной службы. Ввиду отсутствия доказательств

того, что заболевание Л.С., приведшее к его смерти, является заболеванием, полученным им при исполнении обязанностей военной службы, суд апелляционной инстанции не признал за истцами права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона о денежном довольствии военнослужащих.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо его смерти, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных им при исполнении обязанностей военной службы (далее - военная травма), до истечения одного года со дня увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных сборов), членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего или гражданина, проходившего военные сборы, выплачивается в равных долях единовременное пособие в размере 3 000 000 руб.

Согласно п. 1 ч. 11 ст. 3 указанного федерального закона членами семьи военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы, имеющими право на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 данной статьи, и ежемесячной денежной компенсации, установленной чч. 9 и 10 данной статьи, независимо от нахождения на иждивении погибшего (умершего) кормильца или трудоспособности считаются в том числе супруга (супруг), состоящая (состоящий) на день гибели (смерти) военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы в зарегистрированном браке с ним; дети, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, - до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет.

Из содержания ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ следует, что гибель (смерть) военнослужащего признается основанием для выплаты членам его семьи единовременного пособия в двух имеющих самостоятельное значение случаях: если она наступила при исполнении им обязанностей военной службы либо вследствие военной травмы до истечения одного года со дня увольнения с военной службы.

Пунктом 1 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ определен перечень случаев, когда военнослужащий признается исполняющим обязанности военной службы.

Так, в соответствии с подп. "б", "д", "е" данного пункта военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы в случаях: исполнения должностных обязанностей; выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); нахождения на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью.

В п. 2 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ приводится исчерпывающий перечень случаев, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей воинской службы. К ним отнесены случаи: а) самовольного нахождения вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы, за исключением случаев, предусмотренных подп. "л", "м", "н", "о", "п" и "р" (нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного; безвестного отсутствия - до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности; оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; совершения иных действий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества

и государства); б) добровольного приведения себя в состояние опьянения; в) совершения им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным.

В п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих” разъяснено, что исходя из положений чч. 8 и 9 ст. 3 Федерального закона “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат” в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо смерти, наступившей вследствие военной травмы, членам его семьи выплачиваются установленные этим законом пособия и компенсации. Разрешая споры, связанные с предоставлением членам семьи указанных лиц социальных гарантий и компенсаций, судам следует проверять, наступила ли гибель (смерть) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении ими обязанностей военной службы, принимая во внимание то, что при обстоятельствах, перечисленных в п. 2 ст. 37 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” (например, совершение им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным), военнослужащие или граждане, призванные на военные сборы, не признаются погибшими (умершими), получившими увечье или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

Приказом Министерства обороны Российской Федерации от 6 мая 2012 г. № 1100 утвержден Порядок выплаты в Министерстве обороны Российской Федерации единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ (далее также - Порядок выплаты единовременных пособий, Порядок).

Единовременные пособия военнослужащим или членам семей погибших (умерших) военнослужащих выплачиваются в установленных законодательством Российской Федерации случаях за счет средств Министерства обороны Российской Федерации организаци-

ей, с которой заключено соглашение об осуществлении выплат единовременных пособий военнослужащим и членам семей погибших (умерших) военнослужащих (п. 2 Порядка выплаты единовременных пособий).

Выплата единовременных пособий производится организацией на основании документов, подтверждающих наступление у военнослужащих или членов семей погибших (умерших) военнослужащих права на соответствующие выплаты (п. 3 Порядка).

Пункт 8 Порядка выплаты единовременных пособий содержит положения, аналогичные положениям п. 1 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ, определяющим случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы.

Пункт 9 Порядка аналогичен по содержанию п. 2 Федерального закона № 53-ФЗ, предусматривающему случаи, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

В п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий перечислены необходимые документы, которые воинские части (военные комиссариаты, отделы военных комиссариатов) оформляют и направляют в страховую организацию для принятия решения о выплате единовременного пособия членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего.

В числе этих документов в подп. “б” п. 12 Порядка указана справка согласно приложению № 2 к Порядку. Из содержания формы данной справки следует, что в ней должностным лицом воинской части (военного комиссариата, отдела военного комиссариата) указываются обстоятельства гибели (смерти) военнослужащего: вследствие увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученных им при исполнении обязанностей (“военная травма”); при исполнении обязанностей военной службы, при обстоятельствах, указанных в соответствии с рапортом по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалами административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенными судебными решениями.

В подп. “д” п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий в числе документов, требуемых для принятия решения о выплате единовременного пособия, также названо заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы в формулировке “военная травма”. При этом в примечании к подп. “д” поясняется, что данное заключение военно-врачебной комиссии представляется в случае гибели (смерти) военнослужащего, наступившей при обстоятельствах, не указанных в п. 8 данного Порядка (в п. 8 Порядка предусмотрены случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы).

Таким образом, из приведенных положений нормативных правовых актов следует, что для решения вопроса о выплате членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего единовременного пособия в связи с его гибелью (смертью) при исполнении обязанностей военной службы доказательствами, подтверждающими гибель (смерть) военнослужащего при исполнении им обязанностей военной службы, являются соответствующие документы, в том числе справка установленной формы, составленная уполномоченным должностным лицом на основании рапорта по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалов административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенных судебных решений, о том, что военнослужащий погиб (умер) при исполнении обязанностей военной службы, а заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы представляется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Ввиду изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что у истцов - членов семьи умершего военнослужащего полковника Л.С. - не имеется права на получение единовременного пособия, поскольку отсутствуют доказательства причинно-следственной связи смерти Л.С. с исполнением им обязанностей военной службы (заключение военно-врачебной комиссии о причинно-следственной

связи заболевания Л.С., приведшего его к смерти, с исполнением им обязанностей военной службы), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным.

Судом апелляционной инстанции, в отличие от суда первой инстанции, не учтено, что в данном деле основанием исковых требований Л.Е. и Л.А. о признании права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, и взыскании этого пособия со страховщика в их пользу была названа смерть военнослужащего полковника Л.С. при исполнении им обязанностей военной службы, а не вследствие военной травмы, в результате чего судом апелляционной инстанции неправильно определены правоотношения сторон и, соответственно, обстоятельства, имеющие значение для дела.

Между тем в материалах дела имеются документы, которые были приняты судом первой инстанции в качестве допустимых доказательств, подтверждающих смерть полковника Л.С. при исполнении обязанностей военной службы, а именно: выписка из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения от 31 января 2015 г., справки командира войсковой части, составленные по форме согласно Приложению № 2 к Порядку выплаты единовременных пособий, и рапорт по результатам проведенного разбирательства по факту смерти Л.С. от 27 мая 2015 г.

Кроме того, обстоятельств, предусмотренных п. 2 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ, исключающих возможность признания Л.С. умершим при исполнении им обязанностей военной службы, судом апелляционной инстанции установлено не было, тогда как суд первой инстанции с учетом положений п. 1 ст. 37 данного федерального закона и представленных истцами доказательств в обоснование заявленных требований пришел к выводу о том, что смерть военнослужащего полковника Л.С., произошедшая на территории войсковой части при выполнении приказа, отданного командиром (выполнение запланированного тренировочного мероприятия), следует признать наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

В связи с этим Судебная коллегия признала ошибочной и ссылку суда апелляционной инстанции в обоснование своего вывода об отказе в удовлетворении исковых требований истцов о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании данной выплаты в их пользу на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, так как названные нормы определяют лишь цели военно-врачебной экспертизы и формулировки для заключений военно-врачебной комиссии о причинной связи увечий, заболеваний, полученных военнослужащими.

Неправильное применение судом апелляционной инстанции норм материального права привело к незаконному лишению Л.Е. и Л.А. права на получение единовременного пособия в порядке ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ.

Определение № 51-КГ17-4

Судебная коллегия по делам военнослужащих

По административным делам

54. Закон не содержит указаний на необходимость продления срока нахождения военнослужащих, уволенных с военной службы и находящихся в основном отпуске, в списках личного состава воинской части на период их амбулаторного лечения.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 22 июня 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением 112 Уральского окружного военного суда от 27 сентября 2016 г., удовлетворено заявление К., в котором он просил признать незаконным отказ командира воинской части 2106 продлить нахождение его в основном отпуске за 2016 г. на время нахождения на амбулаторном лечении.

Рассмотрев материалы административного дела о кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная кол-

легия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что приказом ФСБ России от 17 июля 2014 г. К. уволен с военной службы в связи с несоответствием требованиям, неисполнением обязанностей, нарушением запретов, несоблюдением ограничений, установленных законодательством Российской Федерации и связанных с прохождением военной службы в органах федеральной службы безопасности.

Приказом командира воинской части от 20 января 2016 г. административному истцу предоставлен основной отпуск за 2016 г. с 3 по 21 февраля 2016 г. с последующим исключением из списков личного состава воинской части с 21 февраля 2016 г.

В период нахождения в отпуске К. обратился на имя командира воинской части с рапортом о переносе отпуска в связи с заболеванием, представив соответствующие справки об освобождении от работы (исполнения служебных обязанностей), однако получил отказ.

Удовлетворяя заявление, гарнизонный военный суд исходил из того, что нахождение административного истца в период отпуска на амбулаторном лечении свидетельствует о неиспользовании им отпуска, что в соответствии с предписаниями п. 18 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее - Положение о порядке прохождения военной службы), является основанием для продления времени нахождения К. на военной службе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами гарнизонного военного суда.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что нахождение К. на амбулаторном лечении имело место в период отпуска за 2016 г., предоставленного в год увольнения с военной службы с последующим исключением из списков личного состава воинской части.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части; военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, за исключением случаев, когда: военнослужащий находится на стационарном лечении; военнослужащий женского пола находится в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком; военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, по его желанию остается в воинской части до дня отправки транспортного средства, осуществляющего индивидуальную или организованную перевозку военнослужащих, увольняемых в запас; военнослужащий участвует в походах кораблей; военнослужащий находится в плену, в положении заложника или интернированного; военнослужащий безвестно отсутствует - до признания его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; в отношении военнослужащего, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, избраны меры пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части; а также в иных случаях, установленных Положением о порядке прохождения военной службы.

Содержание названной законодательной нормы указывает на то, что она регламентирует вопросы, связанные с порядком определения срока военной службы и времени его истечения, и допускает оставление военнослужащего в списках личного состава воинской части после истечения срока его военной службы лишь в случаях, прямо установленных в Федеральном законе и в Положении о порядке прохождения военной службы.

К числу таких случаев отнесено нахождение военнослужащего на стационарном лечении, что направлено на защиту интересов лиц, проходящих военную службу и находящихся на стационарном лечении, предоставляя им гарантии сохранения статуса военнослужащего в указанный период.

Указания на необходимость продления срока нахождения военнослужащих в списках личного состава воинской части на период их амбулаторного лечения Федеральный закон не содержит.

Вопреки выводу суда Положение о порядке прохождения военной службы также не содержит такого указания.

Согласно п. 4 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы (уволненный досрочно - не позднее окончания срока военной службы), кроме случаев, установленных Федеральным законом и Положением о порядке прохождения военной службы.

К числу таких случаев, установленных Положением о порядке прохождения военной службы, в частности, отнесена невозможность предоставления основного и дополнительных отпусков до дня истечения срока военной службы, в связи с чем в п. 16 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы установлено, что такие отпуска могут быть предоставлены военнослужащему при его увольнении последовательно, без разрыва между отпусками, а исключение военнослужащего из списков личного состава воинской части производится по окончании последнего из отпусков и после сдачи военнослужащим дел и должности.

Что касается п. 18 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, в соответствии с которым военнослужащим, заболевшим во время основного или дополнительного отпуска, кроме отпуска по личным обстоятельствам, основной или дополнительный отпуск продлевается на соответствующее количество дней болезни, то он, устанавливая правила продления отпусков указанным военнослужащим, обеспечивает им возможность полноценной реализации права на отдых и гарантирует достижение целей предоставления основного и дополнительного отпуска, обусловленных необходимостью последующего надлежащего исполнения обязанностей военной службы.

Таким образом, указанная норма вопросы, связанные с порядком определения срока военной службы и времени его истечения, в том

числе вопросы, связанные с порядком исключения военнослужащих из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы, не регламентирует.

Из изложенного следует, что командир воинской части правомерно отказал К. в переносе отпуска в связи с нахождением последнего на амбулаторном лечении, а выводы судов об обратном основаны на неправильном толковании закона.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований К.

Определение № 204-КГ17-8

55. После предоставления военнослужащему в связи с увольнением с военной службы за счет Министерства обороны Российской Федерации квартиры в собственность он подлежит снятию с жилищного учета.

Решением Новосибирского гарнизонного военного суда от 25 апреля 2016 г. Т. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными решение начальника 2 отдела (г. Новосибирск) федерального государственного казенного учреждения “Центральное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации (далее - 2 отдел ФГКУ “Центррегионжилъ”) от 4 февраля 2016 г. об отказе во включении его в список на предоставление служебных жилых помещений, отказ начальника Новосибирского высшего военного командного училища (далее - военное училище) в выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения и просил обязать начальника 2 отдела ФГКУ “Центррегионжилъ” включить его в список на предоставление служебных жилых помещений.

Апелляционным определением Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 августа 2016 г. решение отменено и по делу принято новое решение о частичном удовлетворении заявления.

Судом апелляционной инстанции признаны неправомерными отказ 2 отдела ФГКУ “Центррегионжилъ” включить истца в список на предоставление служебных жилых помещений и отказ начальника военного учи-

лища в выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения. Требование Т. о включении его в списки на получение служебного жилого помещения оставлено без удовлетворения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя начальника 2 отдела ФГКУ “Центррегионжилъ”, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Т., заключивший первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., с октября 2008 года проходил военную службу в должности преподавателя в Новосибирском высшем военном командном училище. Решением жилищной комиссии военного училища от 17 ноября 2008 г. истец признан нуждающимся в служебном жилом помещении, а решением этой же комиссии от 4 сентября 2010 г. он переведен из категории нуждающихся в служебном жилом помещении в категорию “бесквартирные”.

На основании рапорта от 4 августа 2008 г. и в связи с невозможностью обеспечения жилым помещением по месту военной службы Т. с 1 августа 2011 г. выплачивалась денежная компенсация за наем жилого помещения.

В связи с сокращением занимаемой должности истец 8 августа 2011 г. обратился по команде с рапортом об увольнении в связи с организационно-штатными мероприятиями и просил зачислить его в распоряжение начальника военного училища до обеспечения жилым помещением в избранном месте жительства в г. Санкт-Петербурге. Впоследствии он изменил избранное им место жительства после увольнения с военной службы на г. Москву.

Приказом начальника военного учебно-научного центра Сухопутных войск “Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации” от 27 сентября 2011 г. Т. зачислен в распоряжение начальника филиала названного центра в связи с проведением организационно-штатных мероприятий.

Решением начальника 2 отдела ФГКУ “Центррегионжилъ” от 27 сентября 2015 г. Т.

предоставлена в собственность по установленным нормам квартира в г. Москве, которую он принял по акту приема-передачи жилого помещения 30 ноября 2015 г.

В связи с получением жилого помещения по избранному месту жительства этим же решением начальника 2 отдела ФГКУ “Центррегионжилье” истец был снят с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания, после чего с 1 декабря 2015 г. ему прекращена выплата денежной компенсации за наем жилого помещения.

21 января 2016 г. Т. обратился в ФГКУ “Центррегионжилье” с заявлением, в котором просил признать его нуждающимся в служебном жилом помещении, в чем ему было отказано решением начальника 2 отдела ФГКУ “Центррегионжилье” от 4 февраля ввиду обеспеченности жилым помещением для постоянного проживания по избранному месту жительства, нахождения в распоряжении и истечения срока контракта.

Приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил Российской Федерации от 2 марта 2016 г. Т. досрочно уволен с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями и приказом начальника военного училища от 18 марта 2016 г. исключен из списков училища.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции исходил из того, что государство выполнило свою обязанность по жилищному обеспечению истца в избранной им форме, а повторное обеспечение его жильем для постоянного проживания с предварительным обеспечением служебным жилым помещением законом не предусмотрено. Поскольку истец не был включен начальником 2 отдела ФГКУ “Центррегионжилье” в списки на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда, то отсутствовали основания и для выплаты ему денежной компенсации за наем жилого помещения.

Отменяя решение и принимая новое о частичном удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что отказ уполномоченного жилищного органа поставить Т. на учет нуждающихся в служебном жилом помещении в связи с наличием у него жилья в другом населенном пункте про-

тиворечит закону, как и отказ начальника военного училища в выплате истцу денежной компенсации за наем жилого помещения, основанный на неправомерном отказе уполномоченного жилищного органа.

Однако такие выводы суда апелляционной инстанции не соответствуют материалам дела и основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что Т., заключивший контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и проходивший военную службу в военном училище, дислоцированном в г. Новосибирске, ввиду увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и избрания местом жительства г. Москву был обеспечен в указанном населенном пункте жилым помещением в собственность.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” военнослужащим-гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются субсидия для приобретения или строительства жилого помещения либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более - по избранному месту жительства.

В соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” обеспе-

чение жилым помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов; право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз; документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти или федеральному государственному органу, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Содержание названных норм закона указывает на то, что реализация права на жилище военнослужащих, заключивших контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., осуществляется путем предоставления за счет федерального органа власти, в котором предусмотрена военная служба, жилых помещений в период военной службы с оставлением им этого жилья при увольнении с военной службы или с условием его сдачи для последующего обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Таким образом, предоставляя военнослужащим указанной категории, к которой относится Т., гарантии обеспечения жилым помещением для постоянного проживания (в собственность бесплатно или по договору социального найма), Федеральный закон «О статусе военнослужащих» возлагает на федеральный орган власти, в котором предусмотрена военная служба, обязанность по пре-

доставлению им такого жилья только один раз за все время военной службы.

Исключений из данного правила для военнослужащих, обеспечиваемых жильем для постоянного проживания в период прохождения военной службы, закон не предусматривает.

При таких данных законных оснований для нахождения истца на жилищном учете после предоставления ему за счет Министерства обороны Российской Федерации квартиры в собственность не имелось.

Поскольку Т. подлежал увольнению с военной службы и в силу закона был обязан представить документы о сдаче жилых помещений (в случае обеспечения ими по месту военной службы) при получении жилого помещения по избранному месту жительства, каких-либо оснований для признания его нуждающимся в служебном жилом помещении и продолжения выплаты денежной компенсации за наем жилого помещения также не имелось.

К тому же ненахождение административного истца на учете в качестве нуждающегося в служебном жилом помещении само по себе препятствует выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения, поскольку в соответствии с абзацем вторым п. 2 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим - гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, денежная компенсация выплачивается со дня заключения договора найма (поднайма) жилого помещения, но не ранее дня включения федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, военнослужащих в списки на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда.

Таким образом, вывод гарнизонного военного суда о правомерности действий начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» и начальника военного училища, связанных с отказом в признании Т. нуждающимся в служебном жилом помещении и в выплате де-

нежной компенсации за наем жилого помещения, основан на законе, а утверждение окружного военного суда об обратном является ошибочным.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 августа 2016 г. по административному исковому заявлению Т. в части удовлетворенных требований и оставила в указанной части в силе решение Новосибирского гарнизонного военного суда от 25 апреля 2016 г. по данному делу.

Определение № 206-КГ17-5

По уголовным делам

56. Сроки давности при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину.

По приговору Московского окружного военного суда от 27 июня 2017 г. О., родившийся 9 ноября 1995 г., осужден в том числе за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), к лишению свободы на срок 2 года за каждое и в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет в исправительной колонии общего режима.

Проверив материалы уголовного дела по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла приговор в части осуждения О. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), за размещение 23 октября 2013 г., т.е. в несовершеннолетнем возрасте, видеоматериала, обосновывающего и оправдывающего необходимость осуществления террористической деятельности, подлежащим отмене в связи с неправильным применением уголовного закона.

Согласно ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редак-

ции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), отнесено законом к преступлению средней тяжести.

В соответствии со ст. 78 и 94 УК РФ лицо, не достигшее совершеннолетия, освобождается от уголовной ответственности за преступление средней тяжести, если со дня его совершения до вступления приговора в законную силу истекло три года.

Поскольку срок давности по указанному преступлению, совершенному 23 октября 2013 г., истек до назначения дела к слушанию судом первой инстанции, суд был обязан применить положения ст. 78 и 94 УК РФ, однако не сделал этого.

В соответствии со статьями 389.15, 389.18 УПК РФ нарушение требований Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации признается неправильным применением уголовного закона и является основанием отмены судебного решения в апелляционном порядке.

В связи с изложенным и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в отношении О. в указанной части отменила, производство по делу в этой части прекратила в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание назначила О. в виде лишения свободы на срок 4 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Апелляционное определение
№ 201-АПУ17-32

57. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

По приговору Приволжского окружного военного суда от 24 марта 2017 г. К., судимый 24 декабря 2013 г. Приволжским районным судом г. Казани по п. "г" ч. 2 ст. 161 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год, осужден по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 но-

ября 2013 г. № 302-ФЗ) к лишению свободы на срок 2 года 6 месяцев. В соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров суд к наказанию, назначенному по последнему приговору, частично присоединил неотбытое К. наказание, назначенное по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г., и окончательно назначил ему 3 года лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело, в том числе по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в отношении К. изменила в связи с неправильным применением судом норм материального права при назначении наказания по совокупности приговоров.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства суды обязаны строго выполнять требования ст. 307 и 308 УПК РФ о необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера. Во всех случаях резолютивная часть обвинительного приговора должна быть изложена таким образом, чтобы не возникало сомнений и неясностей при его исполнении.

Как следует из материалов дела, К. осужден по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г. по п. "г" ч. 2 ст. 161 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

В описательно-мотивировочной части приговора суд, мотивируя свое решение о назначении наказания по данному приговору, указал на то, что К. совершил новое преступление в период испытательного срока, в связи с чем суд полагал необходимым отменить условное осуждение, назначенное ему по предыдущему приговору суда.

Однако в резолютивной части приговора какого-либо решения об отмене условного осуждения К. по приговору от 24 декабря 2013

г. судом не принято, а сразу применены положения ст. 70 УК РФ, что недопустимо.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих определила: исключить из приговора указание на назначение К. окончательного наказания по совокупности приговоров по правилам ст. 70 УК РФ с частичным присоединением неотбытого наказания по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г. Считать К. осужденным по ч. 2 ст. 2055 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) к лишению свободы на срок 2 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Апелляционное определение
№ 203-АПУ17-16

58. При назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

По приговору Московского окружного военного суда от 19 апреля 2017 г. Н. осужден по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) к штрафу в размере 200 000 руб.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, приговор изменила, в соответствии с ч. 5 ст. 72 УК РФ учла срок содержания Н. под стражей в течение 6 месяцев до судебного разбирательства и смягчила наказание в виде штрафа до 100 000 руб.

Принимая такое решение, Судебная коллегия исходила из того, что судом при назначении Н. наказания в виде штрафа оставлены без внимания положения ч. 5 ст. 72 УК РФ, согласно которой при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

Апелляционное определение
№ 201-АПУ17-25

Постановление Европейского Суда по правам человека*(9) по жалобе № 52722/15 “С.К. против России”(вынесено 14 февраля 2017 г., вступило в силу 14 мая 2017 г.), которым установлено, что административное выдворение заявителя в Сирийскую Арабскую Республику будет являться нарушением статей 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.*(10).

Европейский Суд отметил, что “жалоба заявителя в Суд была подана в контексте продолжающихся военных действий в Сирии и, в частности, в его родном городе Алеппо, а также в связи с возможностью того, что он будет призван на действительную военную службу, что увеличит риск для его жизни и здоровья”(пункт 57 постановления).

Суд уточнил, что “если заявитель еще не был выдворен, моментом для оценки следует считать момент рассмотрения дела в Суде... Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств по статье 3 Конвенции в таких случаях заключается в том, что лицо подвергается реальному риску смерти или жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться в первую очередь со ссылкой на эти факты, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент выдворения. Оценка должна быть сосредоточена на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну назначения в свете общей ситуации в такой стране и на его личных обстоятельствах”(пункт 58 постановления).

Европейский Суд установил, что “стороны не представили каких-либо конкретных доводов и не представили каких-либо материалов относительно развития ситуации в Сирии за период с конца 2015 года (в особенности с февраля 2015 года, когда было вынесено оспариваемое постановление об административном выдворении) до момента рассмотрения дела Судом... [В] первую очередь именно Власти государства-ответчика должны представить доказательства того, что общая ситуация в Сирии такова, что не требует защиты согласно статье 3 Конвенции”(пункт 59 постановления).

Суд отметил, что “ситуация с безопасностью и гуманитарная ситуация, а также тип и масштабы военных действий в Сирии резко ухудшились в период между прибытием заявителя в Россию в октябре 2011 года и распоряжением о его выдворении, вынесенным в феврале 2015 года, а также в период между указанным временем и отказом в удовлетворении его заявления о предоставлении временного убежища.... [Н]есмотря на соглашение о прекращении военных действий, подписанное в феврале 2016 года, различные стороны военных действий применяли методы и тактику ведения войны, которые увеличили риск жертв среди гражданского населения или были непосредственно направлены против гражданских лиц”(пункты 60-61 постановления).

Суд подчеркнул, что “[в] настоящем деле... не были предоставлены какие-либо материалы, которые подтвердили бы, что ситуация в Дамаске достаточно безопасна для заявителя, который утверждает, что он будет призван на действительную военную службу, или что заявитель может выехать из Дамаска в безопасный район Сирии”(пункт 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...выдворение заявителя из России в Сирию на основании постановления от 26 февраля 2015 г., оставленного без изменения в результате апелляционного рассмотрения, будет составлять нарушение статей 2 и 3 Конвенции”(пункт 63 постановления).

Заявитель также утверждал, что у него отсутствовали эффективные средства правовой защиты в нарушение статьи 13 Конвенции.

Суд установил, что “источником оспариваемого вмешательства является судебное решение, назначившее наказание в виде административного выдворения... [О]бычное обжалование наказания в виде выдворения, назначенного судом первой инстанции, имело автоматическое приостанавливающее действие в соответствии со статьей 31.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ)... в том смысле, что в силу закона (и без оставления вопроса на усмотрение внесудебного или судебного органа) выдворение не подлежит осуществлению до истечения установленного законом срока для обжалования или до тех пор, пока

не будет вынесено апелляционное решение по делу об административном правонарушении в соответствии с КоАП. Нет оснований полагать, что указанное положение является недостаточно очевидным и точным или что оно было неправильно истолковано или применено в большинстве случаев... Таким образом, заявитель был защищен от выдворения в силу статьи 31.2 КоАП до 4 марта 2015 г., когда Верховный [С]уд Республики Дагестан оставил в силе наказание в виде административного выдворения” (пункт 80 постановления).

Суд отметил, что “КоАП предусматривает пересмотр окончательных решений в областном суде, а затем в Верховном [С]уде РФ в соответствии со статьей 30.12 КоАП... Однако представляется, что только прокурор может ходатайствовать о приостановлении действия статьи 31.6 КоАП... и что такое приостановление не является “автоматическим”. Следовательно, процедура пересмотра в областном суде и Верховном [С]уде РФ не является “эффективным средством правовой защиты” для целей статьи 13 Конвенции в контексте жалобы, возникающей по статьям 2 и 3 Конвенции” (пункт 81 постановления).

Европейский Суд установил, что “Власти государства-ответчика не ссылались на положение КоАП или какое-либо другое нормативное положение, которое потребовало бы изучения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции, в случаях, связанных с назначением наказания в виде административного выдворения... [Т]еоретически некоторые разбирательства по КоАП не исключают возможность рассмотрения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции” (пункт 82 постановления).

Суд подчеркнул, что “[н]езависимое и тщательное изучение” также подразумевает, что средство правовой защиты способно обеспечить защиту от выдворения в случаях, когда такое тщательное изучение раскрывает существенные основания полагать, что существует реальная опасность жестокого обращения, с которой ответчик столкнется в случае назначения и исполнения наказания в виде принудительного выдворения. Состояние национального законодательства и судебной практики не является очевидным в вопросах, касающихся обеспечения надлежащей защиты пу-

тем отказа или отмены постановления об административном выдворении в делах о миграции, если, как в настоящем деле, иностранному гражданину назначено обязательное наказание в виде выдворения и он подвергается риску смерти или жестокого обращения в стране его гражданства” (пункт 83 постановления).

Суд установил, что “в 2013 году в КоАП были внесены изменения, согласно которым административное выдворение стало обязательным наказанием за некоторые правонарушения, в том числе по части 1.1 статьи 18.8. Власти утверждали, что заявитель был привлечен к ответственности за правонарушение, совершенное в 2012 году. Действительно, суд первой инстанции постановил, что наказание в виде административного выдворения является необязательным. Однако апелляционный суд скорректировал это мнение, посчитав, что наказанием за правонарушение, в отношении которого заявитель был признан виновным, является штраф и административное выдворение... Как было ясно указано апелляционным судом в деле заявителя по КоАП... заявитель был признан виновным по пункту 1.1 статьи 18.8 КоАП, который был внесен в КоАП в 2013 году, и предусматривал два обязательных наказания: штраф с административным выдворением. Таким образом, Суд не убежден, что суды имели возможность учитывать аргументы, касающиеся статей 2 и 3 Конвенции, при назначении наказания и, следовательно, обеспечить защиту. Другими словами, исходя из представленных материалов у Суда нет оснований полагать, что национальные суды могли отказаться от наказания в виде административного выдворения по причине убедительности аргументов, относящихся к статьям 2 и 3 Конвенции. Поэтому в то время, когда заявитель был признан виновным в совершении правонарушения, у суда не было иного выбора, кроме как назначить это наказание, независимо от действительности аргументов, связанных со статьями 2 или 3 Конвенции” (пункт 85 постановления).

Что касается приостанавливающего действия до вынесения решения по заявлению о временном убежище, Суд не был убежден доводами Властей о том, что “разделы 10, 12 и 13 закона “О беженцах”, независимо от их толкования по отдельности или совместно,

предусматривают, что ожидающее рассмотрения заявление о временном предоставлении убежища имеет “автоматическое приостанавливающее действие” в отношении оспариваемой меры, в частности, вступившего в силу решения об административном выдворении в настоящем деле. Статья 10 Закона касается исключительно процедуры получения статуса беженца и не относится к процедуре предоставления временного убежища... Статья 12 Закона прямо затрагивает последнее, но применяется только в тех случаях, когда лицу уже предоставлено временное убежище. В отличие от пункта 1 статьи 10, статья 12 не гласит и даже не подразумевает, что выдворение недопустимо, пока заявление находится на рассмотрении миграционного органа. Наконец... статья 13 описывает обстоятельства, при которых выдворение осуществляется после неблагоприятного исхода по заявлению о статусе беженца” (пункт 89 постановления).

Суд также отметил, что “[в] КоАП, который был правовой основой для назначения оспариваемого наказания в виде административного выдворения, не содержалось положения о приостановлении его исполнения в связи с находящимся на рассмотрении заявлением о предоставлении временного убежища. Власти не представили документ, подтверждающий довод о том, что исполнительное производство в отношении наказания в виде административного выдворения было приостановлено в связи с заявлением о предоставлении временного убежища, поданным в мае 2015 года. Например, нет никаких указаний на то, что была выполнена какая-либо соответствующая оценка и какое-либо соответствующее решение было принято службой судебных приставов или другим компетентным органом” (пункт 90 постановления).

Суд также установил, что “судебный пересмотр в этой ситуации с сентября 2015 года регулируется Кодексом административного судопроизводства (КАС) [Европейский Суд не посчитал], что КАС... обеспечивает “автоматическое приостанавливающее действие”, особенно, в случаях, когда, как в настоящем деле, судебное решение о наказании в виде административного выдворения уже вступило в силу” (пункт 91 постановления).

Суд заключил, что “хотя успешное рассмотрение заявления о предоставлении временного убежища окажет приостанавливающее действие в отношении исполнения наказания в виде административное выдворения, в настоящем деле заявителю было отказано в предоставлении временного убежища и, таким образом, он не добился приостанавливающего действия в отношении вступившего в силу наказания в виде административного выдворения” (пункт 94 постановления).

Суд также отметил, что “заявление о временном убежище было отклонено со ссылкой на ряд факторов (неисполнение обязательства покинуть Россию в 2012 году; неисполнение обязательства по своевременному обращению с заявлением о предоставлении убежища; продолжение незаконного пребывания и незаконной трудовой деятельности в России; а также судебное преследование по делу об административном правонарушении), которые не имели отношения к вопросам статьи 3. Поэтому внутренняя оценка была основана на соображениях, которые не относятся к “тщательному изучению”, требуемому в соответствии со статьей 3 Конвенции в таких случаях” (пункт 98 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “имело место нарушение статьи 13 Конвенции в сочетании со статьями 2 и 3 Конвенции” (пункт 99 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на то, что его непрерывное длительное содержание в специальном учреждении было произвольным и не являлось необходимым ввиду того факта, что его выдворение в Сирию было и остается неосуществимым. Он также жаловался на отсутствие процедуры пересмотра его непрерывного содержания в специальном учреждении.

Суд отметил, что “у заявителя была возможность обжаловать содержание в специальном учреждении в качестве части постановления от 26 февраля 2015 года, когда он обжаловал данное постановление по существу. Однако это было бы связано с его содержанием в специальном учреждении до 4 марта 2015 г., когда апелляционная жалоба была рассмотрена... [С]удебный пересмотр такого рода, требуемый согласно пункту 4 статьи 5,

не может считаться включенным в первоначальное решение о помещении в специальное учреждение от 26 февраля 2015 г. Суть жалобы заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции заключалась не в оспаривании первого решения о его помещении в специальное учреждение, а в отсутствии у него возможности добиться судебного пересмотра вопроса о содержании его в специальном учреждении по истечении определенного времени”(пункт 104 постановления).

Европейский Суд также установил, что “[в] силу пункта 4 статьи 5 заявитель имел право обратиться с ходатайством в компетентный “суд” для “безотлагательного” решения вопроса о том, можно ли считать лишение его свободы “правомерным” в свете новых факторов, возникших уже после вынесения первого решения о помещении его в специальное учреждение”(пункт 105 постановления).

Суд подчеркнул, что “[н]и КоАП, ни какое-либо другое применимое законодательство не предусматривали процедуру, позволяющую заявителю “принять участие” в пересмотре его содержания в специальном учреждении, и добиться освобождения... КоАП не предусматривал процедуру, согласно которой содержание в специальном учреждении будет автоматически пересматриваться через определенный срок”(пункт 106 постановления).

Суд отметил, что “процедура в соответствии со статьей 30.12 КоАП для дальнейшего пересмотра судебных и апелляционных решений в деле об административном правонарушении была доступна заявителю в любое время, и в отношении нее не действовали ограничения по времени. Однако это лишь косвенно касалось вопроса о содержании в специальном учреждении, в той степени, в какой пересмотр обвинения в административном правонарушении может привести к отмене наказания в виде выдворения, тем самым устраняя основания для содержания заявителя в специальном учреждении в целях его принудительного выдворения. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что суд, осуществляющий пересмотр, будет компетентен рассматривать “новые обстоятельства”, упомянутые Властями, поскольку это выходит за рамки окончательных решений, принятых судами первой инстанции

и апелляционными судами”(пункт 108 постановления).

Суд заключил, что “заявитель в данном деле не имел в своем распоряжении процедуры судебного пересмотра законности его содержания под стражей. Соответственно... имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции”(пункт 109 постановления).

Европейский Суд также заключил, что “для государственных органов должно было быть достаточно очевидным уже в феврале и марте 2015 года, что выдворение заявителя было практически неосуществимо и оставалось бы маловероятным ввиду обострения конфликта в Сирии... В этих обстоятельствах национальные органы власти должны были рассмотреть альтернативные меры, которые могут быть приняты в отношении заявителя... Однако, как только было вынесено предписание о размещении заявителя в специальном учреждении временного содержания для иностранных граждан 26 февраля 2015 г., вопрос о содержании под стражей не был и, как установлено выше в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, не мог быть пересмотрен, в частности, относительно того, было ли целесообразным обеспечить его выдворение в Сирию... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции”(пункты 115 и 117 постановления).

Решение Европейского Суда по жалобе № 32779/15 “М.С.С. против России”(решение вынесено и вступило в силу 23 марта 2017 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба Шаюсупова М.С., на предполагаемую угрозу его административного выдворения с территории России в Узбекистан в нарушение статьи 3 Конвенции.

Заявитель жаловался, что в случае его выдворения в Узбекистан он подвергнется опасности жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Он также жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в этом отношении.

Заявитель просил применить правило 39 Регламента Европейского Суда, чтобы предотвратить его высылку в Узбекистан. Он утверждал, что он может быть депортирован в Узбекистан в любой момент, поскольку отказы в предоставлении статуса беженца и

временного убежища вступили в силу, а апелляционная жалоба на решение о депортации не была приостановлена (пункт 22 решения).

Власти Российской Федерации отметили, что заявитель не подвергался риску немедленной принудительной высылки в Узбекистан, поскольку его экстрадиция в Узбекистан была отменена по истечении срока исковой давности для уголовного преследования, а депортационное или административное разбирательство в отношении заявителя в России не было инициировано (пункт 32 решения).

Власти также утверждали, что неспособность заявителя легализовать свое пребывание в России обычными способами (путем получения визы, разрешения на временное проживание или вида на жительство) представляет собой неисчерпание внутренних средств правовой защиты, а отсутствие финансовых средств не могло рассматриваться, как обоснованное оправдание отказа от этих средств правовой защиты (пункт 33 решения).

Европейский Суд отметил, что “стороны не оспаривают то, что заявитель был обвинен в совершении религиозных и политически мотивированных преступлений в Узбекистане, и поэтому принадлежит к уязвимой группе, которая подвергается реальной опасности обращения в нарушение статьи 3 Конвенции в случае высылки в Узбекистан” (пункт 37 постановления).

Суд также отметил, что “при текущем положении дел, экстрадиция заявителя исключается из-за запрета на его уголовное преследование в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, никаких других судебных разбирательств касательно высылки в отношении заявителя не проводится, а неисполненные распоряжения о высылке отсутствуют” (пункт 38 решения).

Европейский Суд установил, что “письмо ФМС*(11)..., на которое ссылается заявитель, не может быть принято в качестве доказательства намерения органов власти использовать эти процедуры, поскольку это само по себе не подлежит исполнению... [Р]оссийские органы власти не предприняли никаких мер по высылке заявителя в период с 22 июня 2015 года (дата принятия окончательного решения о предоставлении времен-

ного убежища) по 6 июля 2015 года (дата принятия обеспечительной меры Судом), хотя ничто не мешало им это сделать” (пункт 39 решения).

Суд подчеркнул, что “судебное разбирательство по вопросу депортации может быть открыто лишь в случае неспособности заявителя легализовать свое пребывание в России... С 2012 по 2014 год заявитель законно проживал в России на основании его регистрации в качестве мигранта и возобновляемого разрешения на работу... ФМС... предложила заявителю продлить миграционную регистрацию в качестве первого шага к легализации его пребывания в России... Учитывая, что миграционная регистрация является необходимым условием получения разрешения на работу и вида на жительство, Суд считает, что действия, предпринятые национальными органами власти, пока не свидетельствуют о намерении выслать заявителя из России” (пункт 40 решения).

Суд установил, что “заявитель не подвержен опасности незамедлительной принудительной высылки в Узбекистан. Таким образом, жалоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции является явно необоснованной” (пункт 41 решения).

Обращаясь к жалобе заявителя согласно статье 13 Европейский Суд напомнил, что “в соответствии с постоянной прецедентной практикой статья 13 применяется только в том случае, если у лица есть “небезосновательная жалоба” на то, что он стал жертвой нарушения конвенционного права... Из этого следует, что, поскольку у заявителя нет небезосновательной жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции, его жалоба по статье 13 также неприемлема” (пункт 42 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что “жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 (а) и 4 статьи 35 Конвенции” (пункт 43 решения).

В Верховный Суд Российской Федерации по вопросам выдворения также поступило решение об исключении жалобы заявителя из списка подлежащих рассмотрению дел № 34387/16 “М.М. против России” (решение вынесено 19 января 2017 г.).

ПРИЗЫВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО УЧЕНИЧЕСКОМУ ДОГОВОРУ

Я.О. Соколов, юрист, г. Ростов-на-Дону

Призыв гражданина на военную службу прекращает его трудовые отношения с работодателем. Трудовой договор в соответствии с п. 1 ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) подлежит расторжению по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон. Однако в некоторых случаях суды рассматривают прохождение военной службы по призыву лишь как отсрочку исполнения обязательств, после которой гражданин должен вернуться на прежнее рабочее место. Такая ситуация возникает, если работник прошел обучение по специальности за счет средств работодателя.

Согласно ст. 198 ТК РФ ученический договор заключается работодателем – юридическим лицом (организацией):

- с лицом, ищущим работу;
- с работником этой организации (без отрыва или с отрывом от работы).

В последнем случае ученический договор является дополнительным к трудовому.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, «заключая соглашение об обучении за счет средств работодателя, работник добровольно принимает на себя обязанность отработать не менее определенного срока у работодателя, оплатившего обучение, а в случае увольнения без уважительных причин до истечения данного срока – возместить работодателю затраты,

понесенные на его обучение, при их исчислении по общему правилу пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени. Такое правовое регулирование направлено на обеспечение баланса прав и интересов работника и работодателя, способствует повышению профессионального уровня данного работника и приобретению им дополнительных преимуществ на рынке труда, а также имеет целью компенсировать работодателю затраты по обучению работника, досрочно прекратившего трудовые отношения с данным работодателем без уважительных причин»¹.

Рассмотрим особенности заключения ученического договора.

На основании требований ст. 199 ТК РФ ученический договор должен содержать:

- наименование сторон;
- указание на конкретную квалификацию, приобретаемую учеником;
- обязанность работодателя обеспечить работнику возможность обучения;
- обязанность работника пройти обучение и в соответствии с полученной квалификацией проработать по трудовому договору с работодателем в течение срока, установленного в ученическом договоре;
- срок ученичества;
- размер оплаты в период ученичества.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Разгильдеева Александра Витальевича на нарушение его конституционных прав статьей 249 Трудового кодекса Российской Федерации» от 15 июля 2010 г. № 1005-О-О.

Ученический договор может содержать иные положения, предусмотренные соглашением сторон.

Согласно ст. 206 ТК РФ «условия ученического договора, противоречащие настоящему Кодексу, коллективному договору, соглашениям, являются недействительными и не применяются».

В силу ст. 200 ТК РФ ученический договор заключается на срок, необходимый для получения соответствующей профессиональной квалификации. Договор оформляется в письменной форме, в двух экземплярах – для работодателя и обучаемого.

Статьей 201 ТК РФ определено, что ученический договор действует со дня, в нем указанного, в течение установленного договором срока. Действие договора продлевается на время болезни ученика, прохождения им военных сборов и в других случаях, предусмотренных законодательством. В период действия договора его содержание может быть изменено только по соглашению сторон.

Предоставление образовательных услуг по данному договору может осуществляться в следующих формах: профессиональное обучение, профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование.

Согласно ч. 1 ст. 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (далее – Федеральный закон № 273) профессиональное обучение направлено на приобретение лицами различного возраста профессиональной компетенции, в том числе для работы с конкретным оборудованием, технологиями, аппаратно-программными и иными профессиональными средствами, получение указанными лицами квалификационных разрядов, классов, категорий по профессии рабочего или должности служащего без изменения уровня образования.

Профессиональное обучение подразделяется:

– на профессиональную подготовку по профессиям рабочих и должностям служа-

щих, которая проводится с лицами, ранее не имевшими профессии рабочего или должности служащего;

– на профессиональную переподготовку лиц, уже имеющих профессию рабочего или должность служащего, в целях получения новой профессии рабочего или новой должности служащего с учетом потребностей производства, вида профессиональной деятельности;

– на повышение квалификации, т. е. совершенствование профессиональных знаний, умений и навыков по имеющейся профессии рабочего или имеющейся должности служащего без повышения образовательного уровня.

Профессиональное обучение осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в учебных центрах профессиональной квалификации и на производстве, а также в форме самообразования. Учебные центры профессиональной квалификации могут создаваться в различных организационно-правовых формах юридических лиц или в качестве структурных подразделений юридических лиц.

Как указано в п. 12 ст. 2 Федерального закона № 273, профессиональное образование представляет собой «вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции, позволяющей вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности».

Часть 5 ст. 10 Федерального закона № 273 устанавливает, что профессиональное образование в России подразделяется на следующие уровни:

- 1) среднее профессиональное образование;
- 2) высшее образование – бакалавриат;
- 3) высшее образование – специалитет, магистратура;

4) высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации.

В случае если ученический договор заключается для получения дополнительного профессионального образования, обучаемые осваивают программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки, предусмотренные п. 2 ч. 4 ст. 12 Федерального закона № 273.

По общему правилу ст. 208 ТК РФ ученический договор прекращается по окончании срока обучения. Условиями договора могут быть предусмотрены иные основания его прекращения.

Положения об ответственности ученика по договору закреплены ст.ст. 207 и 249 ТК РФ. Действие первой из них распространяется на лицо, не состоящее в трудовых отношениях с работодателем, действие второй – на работника организации.

Согласно ст. 207 ТК РФ «в случае, если ученик по окончании ученичества без уважительных причин не выполняет свои обязательства по договору, в том числе не приступает к работе, он по требованию работодателя возвращает ему полученную за время ученичества стипендию, а также возмещает другие понесенные работодателем расходы в связи с ученичеством».

В соответствии со ст. 249 ТК РФ «в случае увольнения без уважительных причин до истечения срока, обусловленного трудовым договором или соглашением об обучении за счет средств работодателя, работник обязан возместить затраты, понесенные работодателем на его обучение, исчисленные пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени, если иное не предусмотрено трудовым договором или соглашением об обучении».

Как указывается в письме Федеральной службы по труду и занятости (далее – Роструд) от 18 октября 2013 г. № 852-6-1 действующее трудовое законодательство не со-

держит исчерпывающего перечня уважительных причин досрочного расторжения трудового договора. Поэтому вопрос о том, является ли названная работником причина уважительной или нет, решается в каждом отдельном случае с учетом конкретных обстоятельств. Роструд рекомендовал прописывать уважительные причины увольнения в соглашении об обучении, так же, как и порядок возмещения затрат (в частности, порядок расчета отработанного после окончания обучения времени), связанных с обучением работника.

А.А. Ключина и С.А. Анохин выделяют четыре условия возникновения у работодателя права на взыскание с ученика (работника) расходов, связанных с обучением:

«1) ученик (работник) прошел профессиональное обучение за счет средств работодателя;

2) после завершения обучения ученик (работник) не заключил трудовой договор с работодателем либо не приступил к работе, либо уволился с работы до истечения срока обязательной отработки, установленного ученическим договором, либо трудовым договором, либо соглашением об обучении;

3) причина указанных действий ученика (работника) не является уважительной;

4) условие об обязанности работодателя оплатить обучение, а работника отработать после обучения определенный срок предусмотрено ученическим договором либо трудовым договором, либо соглашением об обучении, заключенным в письменной форме»².

Рассмотрим судебную практику по взысканию работодателями расходов на обучение граждан, уволенных в связи с призывом на военную службу.

В сентябре 2016 г. ОАО «Российские железные дороги» в лице Дальневосточной железной дороги – филиала ОАО «РЖД» обратилось в суд³ с иском к бывшему работнику К.

² Ключина А.А., Анохин С.А. Особенности возмещения работодателю затрат, связанных с обучением работника, как средство защиты интересов работодателя в Российской Федерации // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2015. № 2. С. 83 – 85.

³ Решение Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края от 21 ноября 2016 г. по делу № 2-990/2016. URL: https://vbureinsky-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7575922&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

Ранее между ОАО «РЖД» и К. был заключен ученический договор сроком на пять лет. По условиям договора ОАО «РЖД» обязалось: компенсировать расходы университета на образовательные услуги на подготовку специалиста, ежемесячно перечислять К. доплату к стипендии и по окончании вуза принять его на должность в соответствии с полученными специальностью и квалификацией.

К. брал на себя обязательство прибыть на предприятие после получения диплома и отработать там не менее трех лет. В случае отказа от заключения трудового договора он должен был компенсировать ОАО «РЖД» все расходы на обучение. При досрочном увольнении без уважительных причин эти расходы подлежали возмещению пропорционально неотработанному сроку.

Окончив университет, гражданин К. проработал на Дальневосточной железной дороге три месяца, после чего был призван на военную службу. Трудовой договор с ним расторгли по п. 1 ст. 83 ТК РФ. После прохождения военной службы К. в ОАО «РЖД» для трудоустройства не прибыл. За неотработанные 33 месяца организация просила суд взыскать с него 53 166,67 руб. (включая доплату к стипендии).

Суд, ссылаясь на ст. 249 ТК РФ, удовлетворил иски требования предприятия. Вынесенное решение гражданином К. не обжаловалось.

Таким образом, суд посчитал, что призыв на военную службу не освобождает лицо от обязанности повторно трудоустроиться в организацию для отработки по ученическому договору.

Еще один подобный иск ОАО «РЖД» рассматривался в октябре 2016 г. Котельниковским районным судом Волгоградской области⁴. Предприятие заключило с гражданином

два ученических договора: сначала как с лицом, ищущим работу, а потом как с работником. Первый из них, датированный сентябрем 2010 г., предусматривал получение среднего профессионального образования по установленной программе продолжительностью 3 года и 10 месяцев. Второй, подписанный в августе 2014 г., касался обучения по дополнительной специальности сроком на месяц.

Осенью того же года работника призвали в армию. После прохождения службы гражданин в организацию для трудоустройства не прибыл. ОАО «РЖД» просило взыскать с него расходы на обучение по двум ученическим договорам с учетом отработанного времени в общей сумме 59 174 руб.

Представитель ответчика Б., не признав иски требования, ссылаясь на то, что направление его доверителя на обучение по договору от 29 августа 2014 г. являлось инициативой работодателя. Этим работодателем изменено уже имеющееся у гражданина обязательство по отработке, отказавшись от исполнения им предыдущего договора от 1 сентября 2010 г., и взамен возложил на него новое обязательство.

Также сторона ответчика утверждала, что понесенные истцом затраты по второму договору были заложены предприятием в свои расходы и не являются затратами на обучение конкретного работника, поскольку предприятие несет эти расходы вне зависимости от численности обучаемой группы. Следовательно, оплаченные учебному заведению средства не могли быть взысканы с работника.

Ссылки истца на положения ст. 249 ТК РФ представитель ответчика посчитал немотивированными, поскольку гражданин не вернулся на прежнее место работы по уважительной причине – продолжение военной службы по контракту⁵.

⁴ Решение Котельниковского районного суда Волгоградской области от 4 октября 2016 г. по делу № 2-646/2016. URL: https://kotel-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=135374020&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

⁵ Гражданин, проходящий военную службу по призыву, при наличии у него высшего или среднего профессионального образования вправе заключать контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации вне зависимости от периода, который он прослужил. Данное положение установлено п. 1 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ.

В то же время условия, которые принял ответчик при вступлении в договорные отношения с ОАО «РЖД», предусматривали, что призыв на военную службу является отсрочкой исполнения возложенной на него обязанности по отработке или компенсации расходов предприятия, но не основанием для освобождения от нее.

То обстоятельство, что гражданин проходит военную службу по контракту, суд первой инстанции посчитал неважной причиной отказа от исполнения обязательств по договору. Исковые требования ОАО «РЖД» были удовлетворены в полном объеме.

Волгоградский областной суд оставил данное решение без изменения, а апелляционную жалобу ответчика – без удовлетворения⁶.

Приведенные примеры отражают существующий подход российской судебной практики к разрешению вопроса об ответственности работника по ученическому договору. Если условиями договора прохождение военной службы по призыву рассматривалось как отсрочка исполнения обязательств, отказ гражданина от повторного трудоустройства в организацию может расцениваться судом как основание для взыскания с него расходов на обучение.

⁶ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 2 декабря 2016 г. по делу № 33-16219/2016. URL: https://obsud-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5735508&delo_id=5&new=5&text_number=1.

ПРОБЛЕМА НАПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН НА МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ ДО РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ЗАМЕНЕ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРИЗЫВУ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ

Я. О. Соколов, юрист, г. Ростов-на-Дону

Достаточно часто призывные комиссии отказывают гражданам в рассмотрении их заявлений о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой до тех пор, пока молодые люди не пройдут медицинское освидетельствование.

С таким подходом соглашаются не все, и в этом случае отношения граждан и военкоматов переходят в плоскость судебных разбирательств.

Один из подобных административных исков рассматривался в конце 2015 г. в Петропавловск-Камчатском городском суде. По мнению гражданина, направление на освидетельствование вместо рассмотрения его заявления противоречило правовым нормам¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 65 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «медицинское ос-

¹ Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 22 декабря 2014 г. по делу № 2-14792/2014. URL: https://p-kamchatsky-kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=1992227&delo_id=1540005.

видетельствование лица представляет собой совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий».

Согласно п. 4 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 (далее – Положение о ВВЭ), «при освидетельствовании проводятся изучение и оценка состояния здоровья и физического развития граждан на момент проведения экспертизы в целях определения их годности к военной службе (приравненной службе), обучению (военной службе) по конкретным военно-учетным специальностям, обучению (службе) по специальностям в соответствии с занимаемой должностью, решения других вопросов, предусмотренных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, настоящим Положением, нормативными правовыми актами Министерства обороны Российской Федерации, других федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (приравненная служба), с учетом результатов ранее проведенного обследования и с вынесением письменного заключения».

Как указано в п. 4 ст. 5.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (далее – Федеральный закон № 53), п. 20 Положения о ВВЭ, при невозможности вынесения заключения о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья в ходе медицинского освидетельствования гражданин направляется на амбулаторное или стационарное обследование в медицинскую организацию.

На основании п. 1 ст. 10 Федерального закона «Об альтернативной гражданской

службе» от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ (далее – Федеральный закон № 113) медицинское освидетельствование осуществляется после рассмотрения заявления гражданина. По итогам рассмотрения заявления призывная комиссия, руководствуясь п. 3 ст. 12 Федерального закона № 113, выносит заключение о замене гражданину военной службы по призыву альтернативной гражданской службой (далее – АГС) либо принимает мотивированное решение об отказе в такой замене. Еще более детально регулирует очередность этих мероприятий п. 1 ст. 13 Федерального закона № 113, где указано, что «гражданин, в отношении которого призывной комиссией вынесено заключение о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, в сроки, определенные военным комиссариатом, проходит медицинское освидетельствование и является на заседание призывной комиссии для решения вопроса о направлении его на альтернативную гражданскую службу».

Помимо несоблюдения вышеназванных положений закона, отказ рассматривать заявление до прохождения освидетельствования может повлечь и нарушение установленного п. 3 ст. 12 Федерального закона № 113 месячного срока вынесения призывной комиссией заключения (решения) по вопросу замены вида службы. Медицинское освидетельствование при необходимости дополнительных обследований может потребовать больше времени.

Петропавловск-Камчатский городской суд удовлетворил жалобу молодого человека и обязал призывную комиссию рассмотреть его заявление в месячный срок. Правда, вскоре гражданину вновь пришлось обращаться в суд: комиссия отказала ему в замене вида службы. При этом в нарушение п. 3 ст. 12 Федерального закона № 113 свое решение она не мотивировала². В очередной раз суд обязал должностных лиц

² Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 27 октября 2015 г. по делу № 2а-9542/15. URL: https://p-kamchatsky-kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2866552&delo_id=1540005&new=&text_number=1.

рассмотреть заявление в соответствии с требованиями закона.

Еще одно похожее дело в мае 2014 г. слушалось в Ленинском районном суде г. Иваново³. Условие призывной комиссии было аналогичным: сначала медицинское освидетельствование, потом рассмотрение заявления. Но свою аргументацию в суде гражданин построил иначе. Он ссылаясь на то, что является студентом и имеет отсрочку от призыва на военную службу. Следовательно, до истечения срока действия отсрочки его не вправе привлекать к участию в призывных мероприятиях. Согласно п. 1 ст. 26 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ явка на медицинское освидетельствование является составной частью призыва на военную службу, т. е. относится к данным мероприятиям.

Приведенный довод подтверждается и п. 7 Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 663 (далее – Положение о призыве на военную службу). В нем определено, что «вызову на медицинское освидетельствование подлежат все призывники, кроме имеющих отсрочку от призыва». Таким образом, призывная комиссия не вправе направлять граждан на освидетельствование и обследование до тех пор, пока не прекратилось действие отсрочки.

По общему правилу п. 1 ст. 11 Федерального закона № 113 заявление подается в военкомат за шесть месяцев до начала призывной кампании, в которую гражданин подлежит призыву на военную службу⁴. Такое упреждение вызвано необходимостью передачи заявки в Федеральную службу по труду и занятости, чтобы она успела распределить граждан в организации, где им пред-

стоит проходить службу. Поэтому студенты должны подавать заявления до 1 апреля, если отсрочка оканчивается в период с 1 октября по 31 декабря текущего года, или же до 1 октября, если срок ее действия истекает с 1 апреля по 15 июля следующего года.

Как уже отмечалось выше, поданное заявление в соответствии с п. 3 ст. 12 Федерального закона № 113 должно быть рассмотрено в течение месяца с момента начала работы комиссии, т. е. с 1 октября или с 1 апреля. Указанный срок может быть продлен еще на один месяц только при необходимости запроса дополнительных материалов. Но с медицинскими основаниями это не связано. На этапе рассмотрения заявления комиссия должна оценивать доводы гражданина о наличии убеждений или вероисповедания, которым противоречит несение военной службы, а не его состояние здоровья. Откладывать рассмотрение месяцами, до тех пор, пока гражданин не утратит право на отсрочку и не приобретет обязанность пройти медицинское освидетельствование, комиссия не вправе.

Таким образом, законодателем установлены следующие условия:

1) нормативный запрет медицинского освидетельствования граждан, имеющих отсрочки;

2) подача заявления о замене вида службы по общему правилу как минимум за полгода до истечения срока действия отсрочки;

3) обязанность призывной комиссии рассмотреть заявление в течение месяца с момента истечения срока подачи;

4) продление срока рассмотрения заявления возможно только на один месяц по причинам, не относящимся к освидетельствованию состояния здоровья.

В совокупности перечисленные требования закона являются дополнительным

³ Решение Ленинского районного суда г. Иваново от 13 мая 2014 г. по делу № 2-2140/2014. URL: https://leninsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6467958&delo_id=1540005&new=0&text_number=1&case_id=6179850.

⁴ Граждане, пользующиеся отсрочками от призыва на военную службу, сроки действия которых должны истечь после окончания очередного призыва на военную службу, при преждевременном прекращении основания для отсрочки вправе подать заявления о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой после 1 апреля или после 1 октября в течение 10 дней со дня утраты основания для отсрочки.

основанием, исключаящим направление граждан, имеющих отсрочки от призыва, на медицинское освидетельствование до рассмотрения заявления о замене вида службы. Даже если они пропустили срок обращения, но действие отсрочки не истекло, данное основание сохраняет свою силу. После рассмотрения заявления проведение освидетельствования допускается только с момента прекращения действия отсрочки.

Именно к данной категории граждан и относился житель г. Иваново Б. Тем не менее, представитель военкомата не признал нарушений в отказе рассматривать его заявление, а, наоборот, заявил, что молодой человек сам препятствует замене вида службы: «Вопрос о направлении на альтернативную гражданскую службу решается при возникновении обязанности по прохождению военной службы; обязанность по прохождению срочной военной службы связана с физическим состоянием лица призывного возраста, то есть отсутствием у него заболеваний, препятствующих несению военной службы; только после установления призывной комиссией факта возникновения у гражданина обязанности по несению военной службы может возникнуть право на замену военной службы альтернативной гражданской службой». Поэтому, как считали в военкомате, «для реализации указанного права гражданин, подавший заявление, должен явиться на медицинское освидетельствование, но он не является на медицинское освидетельствование, без которого невозможна реализация права о замене военной службы по призыву на альтернативную гражданскую службу»⁵. Такой вывод, не основанный на нормах закона, а, наоборот, им противоречащий, был скорее уместен в дискуссии о реформе порядка направления на АГС, чем на заседании призывной комиссии или в суде, где необходи-

мо руководствоваться существующими правовыми нормами.

Суд признал незаконным направление гражданина на медицинское освидетельствование до рассмотрения его заявления и возложил на комиссию обязанность организовать рассмотрение заявления в течение месяца со дня вступления в законную силу судебного решения. Военный комиссариат попытался обжаловать это решение, но Ивановский областной суд оставил его без изменения⁶.

Позиция, которой придерживался военкомат, озвучивалась и в научной среде. По мнению доктора юридических наук В.И. Миронова, «только после установления призывной комиссией факта возникновения у гражданина обязанности по несению военной службы у него может возникнуть корреспондирующее с данной обязанностью право на ее замену АГС. Тогда как предлагаемая очередность этапов направления на АГС предполагает заявление гражданином о своем намерении пройти альтернативную гражданскую службу взамен военной службы до возникновения у него обязанности по прохождению военной службы. Данное изменение конституционного порядка замены военной службы АГС приводит к умалению прав гражданина, претендующего на альтернативную гражданскую службу. Ведь при прохождении медицинской комиссии уже известно, что гражданин требует замены военной службы альтернативной гражданской службой. Поэтому медицинское освидетельствование гражданина проводится не только на предмет его годности к военной службе, но и с точки зрения определения его способностей выполнять обязанности по АГС.

Очевидно, что выполнение обязанностей военной службы с ношением оружия несколько отличается от выполнения обязанностей по альтернативной гражданской

⁵ Решение Ленинского районного суда г. Иваново от 13 мая 2014 г. по делу № 2-2140/2014. URL: https://leninsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6467958&delo_id=1540005&new=0&text_number=1&case_id=6179850.

⁶ Определение судебной коллегии по гражданским делам Ивановского областного суда от 27 августа 2014 г. по делу № 33-1860. URL: http://sdp.oblsud.ivanovo.ru/showdoc.php?number=253814&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=176980.

службе, которые должны иметь гражданский характер и социальную направленность. В связи с этим отличаются и медицинские критерии допуска к военной службе и альтернативной гражданской службе. По этой причине медицинское освидетельствование лиц, претендующих на АГС, проходит несколько по иным правилам, чем призываемых на военную службу»⁷.

Однако согласно п. 2 ст. 13 Федерального закона № 113 медицинское освидетельствование граждан, направляемых на АГС, осуществляется в том же порядке, что и освидетельствование призывников. Аналогичная норма закреплена и в п. 12 Положения о ВВЭ: «военно-врачебная экспертиза⁸ граждан, направляемых на альтернативную гражданскую службу, осуществляется в порядке и в объеме, которые определены настоящим Положением для граждан, подлежащих призыву на военную службу».

Требования к состоянию здоровья граждан, направляемых на альтернативную гражданскую службу, соответствуют требованиям, предъявляемым к гражданам, призываемым на военную службу».

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает никаких особых правил оценки состояния здоровья граждан, избравших службу без оружия. Категории годности также выставляются по одинаковым критериям. Те, кого по состоянию здоровья не смогли бы призвать на военную службу, не направляются и на альтернативную гражданскую.

По мнению В.И. Миронова, негативным последствием освидетельствования после рассмотрения заявления является возможность «применения к гражданину так называемых психиатрических санкций в виде установления ему соответствующего диагноза, после чего планы на будущее, в т. ч. на обучение, становятся у гражданина весьма призрачными»⁹. Мотивы подобных действий не раскрываются. Видимо, имеется в

виду возникновение некоего конфликта между гражданином и членами призывной комиссии. Их взгляды на то, какими должны быть убеждения для получения права на прохождение АГС, кардинальным образом разошлись. И судя по всему, речь идет о выставлении заведомо недостоверного диагноза, от которого гражданин будет испытывать ограничения всю жизнь. Если это создаст препятствия даже для обучения, то на службу его точно не возьмут: ни на альтернативную гражданскую, ни на военную.

Однако в чем смысл применения таких крайних мер? Ведь чиновники и без них могут просто отказать заявителю в замене вида службы. В последнем случае тот не будет потерян для военкомата как призывник, необходимый для выполнения плана отправки в войска. А применение «психиатрических санкций», наоборот, неизбежно делает гражданина непригодным для данной цели. Безусловно, необоснованный отказ в замене вида службы гражданин может обжаловать в суде, но и недостоверный диагноз также. Суд может отменить эти решения. Но в первом случае спросить будет не с кого, поскольку комиссия – коллективный орган, решение об отказе выносится общим голосованием, а сам вопрос – противоречат убеждения военной службе или нет – допускает, что мнения могут разделиться, так как в законе не прописан порядок оценки доводов, так же как и виды убеждений. И привлечь кого-либо к ответственности за то, что он «неправильно» голосовал, практически невозможно. А при установлении диагноза врачи обязаны руководствоваться объективными показаниями, определенными Положением о ВВЭ, результатами обследований. За оценку состояния здоровья должны отвечать конкретные медработники. Если диагноз заведомо не соответствует действительности, достаточно прочесть имя врача на акте, чтобы понять, к кому нужно предъявлять

⁷ Миронов В.И. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (постатейный). URL: <http://base.consultant.ru>.

⁸ В соответствии с п. 4 Положения о ВВЭ освидетельствование является частью военно-врачебной экспертизы.

⁹ Миронов В.И. Указ. соч.

претензии за недобросовестное исполнение трудовых обязанностей.

Кроме того, все решения об освобождении от призыва отправляются на утверждение в призывную комиссию субъекта Российской Федерации. Входящие в ее состав врачи проверяют законность выставления медицинских заключений. Рискнут ли они брать на себя бремя ответственности ради того, чтобы не лишать кого-то из нижестоящих коллег возможности «проучить» неизвестного им кандидата на АГС? Если нет, то «психиатрические санкции» рухнут еще до суда. Поэтому если кто-то из должностных лиц захочет воспрепятствовать реализации права гражданина на АГС, то такой обоюдоострый и громоздкий инструмент он, скорее всего, выберет в последнюю очередь. Как массовое явление, затрагивающее права большого числа граждан, подобные случаи отсутствуют. Менять из-за этого общий порядок направления на АГС было бы нецелесообразно.

Наоборот, направление на медицинское освидетельствование до рассмотрения заявления может повлечь негативные последствия для молодых людей. Ведь по общим требованиям закона заявления подаются гражданами не позднее чем за полгода до возможного призыва на военную службу. В тот момент большинство из них учатся в школах, колледжах или вузах. Прохождение медицинского освидетельствования ведет к отрыву от учебного процесса. Вместо того чтобы посещать занятия, готовиться к экзаменам и зачетам, они должны ходить по врачам и больницам. А если гражданин направляют еще и на обследования, среди которых есть стационарные, занимающие не одну неделю, то последствия могут напрямую сказаться на качестве обучения и отрицательно повлиять на итоговую успеваемость. И, получив аттестат или диплом с более низкими баллами, чем он мог бы заработать, целиком сосредоточившись на учебе, молодой человек будет иметь меньше шансов на дальнейшее поступление или трудоустройство по своему выбору. А

это способно отрицательно повлиять и на качество его дальнейшей жизни. Вот почему граждане обжалуют незаконное направление на медицинское освидетельствование. Суть их жалоб не в формализме, а в защите своего права на обучение.

И государством данное право официально признается. Современная редакция Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и Положения о призыве на военную службу не предусматривает вызов на медицинское освидетельствование граждан, не достигших призывного возраста или имеющих отсрочки. В настоящее время права и будущих призывников, и желающих пройти альтернативную службу закон защищает. Зачем же лишать этой защиты тех, кто выбирает АГС?

Кроме того, к моменту окончания действия отсрочки результаты медицинского освидетельствования, проведенного полгода назад, могут утратить свою актуальность. За прошедший период могут возникнуть причины (заболевания, травмы), по которым состояние здоровья изменится, и гражданина нельзя будет направлять на службу. Именно поэтому медицинское освидетельствование призывников проводится каждую призывную кампанию даже в том случае, если ранее они уже признавались годными к военной службе.

Однако судебная практика по делам об обжаловании отказов в рассмотрении заявлений о замене вида службы достаточно неоднозначна. И далеко не всегда суды удовлетворяют требования граждан.

Например, в апреле 2014 г. Всеволожский городской суд Ленинградской области при производстве по одному из подобных дел не усмотрел нарушений в бездействии должностных лиц и согласился с доводами представителя призывной комиссии о том, что она не имеет права рассматривать заявление о выборе АГС до прохождения гражданином медицинского освидетельствования.

Ленинградский областной суд признал, что такая позиция комиссии не соответствует законодательству, однако в удовлетво-

рении апелляционной жалобы гражданина все равно оказал. Мотивировано это было тем, что права гражданина никак не нарушены, а заявления о замене вида службы имеют силу только в течение одной призывной кампании, и она уже закончилась¹⁰.

Однако Федеральный закон № 113 не ограничивает действие данного заявления временными рамками. И в случае неправомерного отказа в его рассмотрении гражданин не должен перед каждой призывной кампанией подавать новое. Такая трактовка закона автоматически ставила бы граждан в положение нарушителей. Ведь заявление на АГС требуется подавать за полгода, а промежуток между призывными кампаниями составляет три месяца. К тому же пропуск срока подачи заявления – одно из оснований для отказа в замене военной службы альтернативной гражданской.

Не все, кто сталкиваются с нарушениями призывных комиссий, сразу обращаются в суд. Причина – нежелание конфликтовать с чиновниками, от которых зависит принятие решения о замене вида службы. Когда вместо рассмотрения заявления молодым людям вручают повестки на медицинское освидетельствование, многие подчиняются в надежде на то, что после определения состояния здоровья заявление точно рассмотрят. Но отсутствие своевременной реакции на нарушения закона может вызвать их повторение в дальнейшем.

Например, житель г. Архангельска А. в весенний призыв 2014 г. прошел медицин-

ское освидетельствование и был признан годным к военной службе с незначительными ограничениями. Но призывная комиссия и после этого не стала рассматривать его заявление и призвала А. на военную службу.

Как следовало из объяснений представителей комиссии суду, освидетельствование завершилось значительно раньше назначенной даты рассмотрения заявления. Не дожидаясь ее наступления, комиссия вынесла решение о призыве. А раз гражданин был призван в армию, вопрос с направлением на АГС уже не стоял.

Суд посчитал данные доводы неубедительными и отменил решение комиссии, обязав ее рассмотреть заявление А. в установленном порядке¹¹.

Таким образом, медицинское освидетельствование и обследование гражданина, выразившего намерение заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской, должны проводиться только после рассмотрения его заявления. Отступление от этого порядка, какими бы доводами членов призывных комиссий оно ни подкреплялось, не имеет юридических оснований. Чиновники обязаны руководствоваться прямыми предписаниями закона. Его вольное толкование недопустимо. В противном случае действия должностных лиц могут утратить связь с нормативной базой, и каждый будет соблюдать установленный законом порядок только тогда, когда сам посчитает это необходимым.

¹⁰ Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Ленинградского областного суда от 10 июля 2014 г. по делу № 33-3198/2014. URL: https://obsud—lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=510545&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=274000.

¹¹ Решение Октябрьского районного суда г. Архангельска от 8 мая 2014 г. по делу № 2-3901/2014. URL: https://oktsud—arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4047565&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ В ОБЛАСТИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В.В. Кудашкин, статс-секретарь АО «Рособоронэкспорт», доктор юридических наук

1. Особенности заключения международных договоров в области ВТС

Международные договоры о военно-техническом сотрудничестве подписываются в соответствии с решением Президента Российской Федерации на основании представления Правительства Российской Федерации. Федеральные органы исполнительной власти могут заключать международные договоры межведомственного характера по вопросам военно-технического сотрудничества в целях реализации международных договоров Российской Федерации о военно-техническом сотрудничестве при условии, что возможность заключения таких договоров предусмотрена международными договорами Российской Федерации о военно-техническом сотрудничестве. Решения о проведении переговоров о заключении международных договоров межведомственного характера по вопросам военно-технического сотрудничества принимает Правительство Российской Федерации.

2. Виды международных договоров в области ВТС

По предмету регулируемых отношений международные договоры о военно-техническом сотрудничестве можно разделить на следующие виды: 1) двусторонние соглашения между Правительством Российской

Федерации и правительствами иностранных государств о военно-техническом сотрудничестве; 2) соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами государств – участников СНГ о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности; 3) соглашения о развитии военно-технического сотрудничества с отдельными государствами СНГ; 4) двусторонние соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств по отдельным вопросам военно-технического сотрудничества; 5) соглашения в области ВТС в рамках Организации Договора о коллективной безопасности; 6) соглашения о взаимной охране интеллектуальной собственности в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества; 7) соглашения о взаимной защите секретной информации в сфере военно-технического сотрудничества; 8) внешнеполитические соглашения по контролю над поставками обычных вооружений, товаров и технологий двойного назначения в иностранные государства.

Всего Российской Федерацией заключено более 200 международных договоров по различным вопросам военно-технического сотрудничества с иностранными государствами.

3. Межправительственные соглашения о военно-техническом сотрудничестве

В настоящее время во исполнение решений Президента Российской Федерации Правительство Российской Федерации заключило более 90 международных договоров о военно-техническом сотрудничестве с Ливанской Республикой (2010); Федеративной Республикой Бразилия (2008), Республикой Джибути (2012), Республикой Ангола (2006), Республикой Индонезия (2012), Алжирской Народной Демократической Республикой (1999), Боливарианской Республикой Венесуэла (2001), Республикой Перу (2004) и т. д.

4. Содержание межправительственных соглашений о военно-техническом сотрудничестве

В заключенных международных договорах определены основные направления военно-технического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и соответствующим иностранным государством. Так, ст. 1 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики от 4 февраля 1994 г. предусмотрено, что стороны в соответствии со своим национальным законодательством будут оказывать содействие российским и французским предприятиям, организациям и учреждениям в области военно-технического сотрудничества по следующим направлениям: подготовка предложений и выработка рекомендаций по совместному проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в военно-технической области; подготовка предложений и рекомендаций по организации совместного производства новых и модернизации ранее разработанных систем воору-

жений; определение потребностей и организация при необходимости взаимных поставок вооружения, военной техники и услуг; координация действий по совместной реализации в третьих странах произведенной на основе кооперации военной продукции.

Существенными условиями международных договоров о военно-техническом сотрудничестве являются обязательства сторон: по защите информации, полученной в ходе реализации соглашений, и что она не будет использоваться в ущерб интересам сторон; отказ от передачи и реэкспорта третьим странам военной продукции, полученной в ходе сотрудничества; разрешению споров по толкованию и выполнению соглашений путем переговоров между сторонами; соблюдению процедуры прекращения действия соглашения.

5. Международные договоры о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности

В области производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности Российская Федерация присоединилась к Соглашению о принципах обеспечения вооруженных сил государств – участников СНГ вооружением, военной техникой и другими материальными средствами, организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (1992). Правительство Российской Федерации заключило двусторонние соглашения¹ о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности с Белоруссией (1994), Казахстаном (1994), Украиной (1995)² и Кыргызстаном

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности от 18 января 1994 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности от 20 мая 1994 г. // Бюл. междунар. договоров. 1995. № 1. С. 63; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности от 28 марта 1994 г. // Там же. № 4. С. 36.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности от 18 ноября 1993 г. (действие прекращено 18 ноября 2016 г.) и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о порядке взаимных поставок вооружения и военной техники, комплектующих изделий и запасных частей, организации ремонта и оказания услуг военного назначения от 8 февраля 1995 г. // Бюл. междунар. договоров. 1995. № 7. С. 57 (документ прекратил действие 18 ноября 2016 г. (согласно информации на сайте МИД России: <http://www.mid.ru> по состоянию на 14.11.2016).

(1994). Названными соглашениями предусмотрен более упрощенный порядок совершения внешнеторговых сделок в отношении продукции военного назначения, чем с другими иностранными государствами, без применения мер нетарифного регулирования и специальных решений Правительства Российской Федерации.

6. Соглашения о развитии военно-технического сотрудничества с отдельными государствами СНГ

С 2009 по 2017 гг. заключены договоры о развитии военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и республиками Беларусь, Армения, Узбекистан, Киргизстан, Казахстан.

Предмет данного вида международных договоров отличается от международно-правового регулирования иных вопросов военно-технического сотрудничества стран СНГ:

– от соглашений о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности, которые регулируют кооперированные поставки материалов, полуфабрикатов, комплектующих изделий, учебного и вспомогательного имущества, услуги технологического и научно-технического характера на основе контрактов, заключаемых хозяйствующими субъектами;

– от соглашений в области ВТС в рамках ОДКБ, в которых определено, что поставки продукции военного назначения на льготных условиях осуществляются в целях практической реализации Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. в интересах национальных воинских формирований, выделяемых в состав многосторонних сил и средств в регионах коллективной безопасности, если иное не оговорено соответствующими международными договорами.

Отличие заключается в следующем:

– в субъектном составе: субъектами межзаводской кооперации являются предприятия оборонных отраслей промышленности государств – участников соглашений. В

соглашениях ОДКБ – национальные воинские формирования, выделяемые в состав многосторонних сил и средств в регионах коллективной безопасности. В договорах о развитии – государственные органы, а также субъекты военно-технического сотрудничества и предприятия оборонно-промышленного комплекса, имеющие соответствующие разрешения от уполномоченных государственных органов;

– в объектах: 1) соглашения о межзаводской кооперации регламентируют поставки исключительно необходимых для производства продукции военного назначения (далее также – ПВН) ресурсов оборонным предприятиям соответствующих государств – участников соглашений (сырья, материалов, комплектующих и т. д.); 2) договоры о развитии не регламентируют поставки вооружения и военной техники национальным воинским формированиям, выделяемым в состав многосторонних сил и средств в регионах коллективной безопасности. Однако данные договоры пересекаются с соглашениями ОДКБ в части, касающейся поставок продукции военного назначения при осуществлении ее разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации, продления сроков эксплуатации и утилизации государствами-участниками;

– в предметах регулирования: 1) предметом соглашений о межзаводской кооперации являются поставки необходимых для производства продукции военного назначения ресурсов; 2) соглашения ОДКБ регламентируют поставки вооружения и военной техники национальным воинским формированиям, а также направления, порядок и условия взаимодействия сторон в области разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации, продления сроков эксплуатации и утилизации ПВН; 3) договоры о развитии, частично пересекаясь с соглашениями ОДКБ, имеют существенно более широкий предмет сотрудничества по сравнению с такими соглашениями: осуществление взаимных поставок продукции

военного назначения, которая включает вооружение, военную технику, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальную собственность), и информацию в военно-технической сфере, конструкторскую, нормативную, техническую, технологическую и эксплуатационную документацию, а также любую другую продукцию, относимую законодательством, нормативными правовыми актами сторон к продукции военного назначения; выполнение работ по обслуживанию и ремонту вооружения и военной техники; оказание военно-технической помощи; создание совместных предприятий, совместных производств по разработке, производству, ремонту, модернизации и утилизации продукции военного назначения по согласованию уполномоченных органов в соответствии с национальным законодательством; проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в том числе совместных, в интересах совершенствования вооружения и военной техники; взаимодействие в области стандартизации вооружения и военной техники, метрологического обеспечения вооруженных сил сторон; подготовка и обучение военных и военно-технических кадров; проведение совместных испытаний образцов вооружения и военной техники.

Кроме того, в отличие от правового регулирования поставок в рамках ОДКБ, ряд аспектов при реализации договоров о развитии военно-технического сотрудничества не регламентированы законодательством в этой области.

Так, отсутствует четкая регламентация порядка формирования и контроля цен на продукцию военного назначения в рамках реализации указанных договоров о развитии. По условиям указанных договоров цены формируются в соответствии с законодательством поставляющей ПВН стороны, регулирующим ценообразование на ПВН при выполнении заказов в интересах собственных национальных вооруженных

сил, других войск, воинских формирований, правоохранительных органов и специальных органов (служб), т. е. на условиях государственного оборонного заказа.

В настоящее время предприятие – изготовитель ПВН направляет в адрес государственного посредника заключение со ссылкой, что представленная в нем цена сформирована в соответствии с договором о развитии. При этом какое-либо подтверждение обоснованности формирования такой цены (например, заключение государственного заказчика) отсутствует, т. е. не определен четкий механизм (порядок) подтверждения договорных цен предприятий – поставщиков продукции порядку их формирования в соответствии с договорами.

Военные представительства Минобороны России не имеют оснований для осуществления контроля цен на стадии предконтрактной работы, так как только зарегистрированный контракт является основанием для включения в установленном порядке ПВН в импортно-экспортную часть государственного оборонного заказа на соответствующий год. В указах Президента Российской Федерации о порядке реализации указанных международных договоров правовая норма, предусматривающая контроль со стороны федеральных органов исполнительной власти за определением цен ПВН, отсутствует (на каждую из сторон по договору возложено только обеспечение технического сопровождения в части контроля качества и приемки продукции). При поставках ПВН в рамках ОДКБ на Минобороны России возложена обязанность контроля определения цен на указанную продукцию.

Вследствие изложенного выше в настоящее время существует правовой пробел и требует нормативного урегулирования порядок осуществления контроля федеральными органами исполнительной власти цен на ПВН в рамках договоров о развитии ВТС.

7. Международные договоры, регулирующие отдельные направления военно-техни-

ческого сотрудничества между Россией и иностранными государствами

К международным договорам, регулирующим отдельные направления военно-технического сотрудничества, можно отнести Соглашение Правительства Российской Федерации с Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности (1994).

Необычно, особенно в действующих условиях введенного США санкционного режима в отношении России, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством США об экспорте огнестрельного оружия и боеприпасов из Российской Федерации в Соединенные Штаты Америки³. В силу наличия мощного военно-промышленного комплекса в США существуют значительные ограничения на импорт военной продукции из иностранных государств. Этим обстоятельством обусловлен ограниченный характер названного Соглашения. Соглашением предусмотрен запрет на экспорт в США любого огнестрельного оружия и боеприпасов, кроме указанных в приложении.

В последнее время явно прослеживается тенденция урегулирования отдельных наиболее важных направлений военно-технического сотрудничества на основе межправительственных соглашений. Особенно наглядно это можно увидеть на примере Индии. Так, 15 августа 2016 г. по итогам встречи Президента Российской Федерации Владимира Путина и премьер-министра Индии Нарендры Моди были подписаны три соглашения в различных областях военно-технического сотрудничества⁴:

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о поставке в Республику Индию зенитных ракетных систем С-400 «Триумф»;

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о строительстве кораблей проекта 11356 в России и Индии;

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия о сотрудничестве в области вертолетостроения по созданию совместного предприятия, которое будет производить вертолеты Ка-226Т.

8. Соглашения о взаимной охране интеллектуальной собственности в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества

Российской Федерацией заключены более 30 соглашений с правительствами иностранных государств о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и полученные в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества, в том числе с Вьетнамом (2010), КНР (2008), Францией (2006), Турцией (2004), ЮАР (2006), Индией (2005), Объединенными Арабскими Эмиратами (2015) и т. д.

Следует отметить существенную динамику международно-правовой регламентации вопросов использования результатов интеллектуальной деятельности при осуществлении военно-технического сотрудничества.

Так, если сравнить межправительственные соглашения, заключенные с Францией в 2006 г. и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) в 2015 г., то можно отметить следующее.

В Соглашении с ОАЭ существенно «усилены» вопросы взаимной охраны интеллектуальной собственности через механизм защитных оговорок в заключаемых контрактах при осуществлении военно-технического сотрудничества. В Соглашении с Францией (ст. 7) соответствующие положения рекомендуется включать в заключаемые внешнеторговые контракты. В Соглашении Российской Федерации с ОАЭ (ст.

³ Международно-правовые акты. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Россия тремя крупными соглашениями подтвердила свои лидирующие позиции на рынке Индии. URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2016/1017/100737621/detail.shtml>.

5) включение необходимых положений в контракты носит уже не рекомендательный, а обязательный характер. Более того, предлагается на договорной основе сформировать более действенный и регламентированный механизм охраны интеллектуальной собственности. Так, включению в контракты дополнительно подлежат вопросы:

– защиты интеллектуальной собственности, которая является и (или) содержится в продукции военного назначения, создаваемой, используемой или передаваемой в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества;

– выявления создаваемой интеллектуальной собственности, права на которую принадлежат государству одной из сторон и (или) участникам контрактов.

В Соглашении Российской Федерации с ОАЭ (ст. 6) установлено нормативное требование, что передача и использование предшествующей интеллектуальной собственности осуществляется только после обеспечения сторонами и (или) участниками контрактов ее правовой охраны на территории того государства, где планируется использовать данную интеллектуальную собственность. При этом под предшествующей интеллектуальной собственностью понимается интеллектуальная собственность, полученная до начала двустороннего военно-технического сотрудничества или вне его рамок, принадлежащая государствам сторон соглашения и (или) участникам контрактов, использование которой необходимо для выполнения контрактов. Иными словами, если вопросы охраны такой интеллектуальной собственности не будут решены, то стороны могут заключать соответствующие контракты, но их практическая реализация будет не осуществима до решения вопросов охраны предшествующей интеллектуальной собственности.

В Соглашении с ОАЭ более четко отражены вопросы закрепления прав на создаваемую интеллектуальную собственность. Так, если в Соглашении с Францией (ст. 6) определено, что стороны и/или сотруднича-

ющие организации при заключении соглашений или контрактов договариваются о распределении прав интеллектуальной собственности, созданной в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества, то в Соглашении с ОАЭ (п. 4 ст. 7) определен принцип распределения таких прав: распределение прав на создаваемую интеллектуальную собственность и доходов от ее использования осуществляется с учетом вклада сторон и (или) участников контрактов в совместную деятельность в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества, включая предшествующую интеллектуальную собственность. В Соглашении с Францией закреплены вопросы патентования создаваемой интеллектуальной собственности в общем виде, по вопросу подачи первой заявки на выдачу патента содержится отсылка к законодательным и иным нормативным правовым актам государств – сторон Соглашения и их международным обязательствам (ст. 8). Иной подход содержится в Соглашении с ОАЭ (п. 3 ст. 7) при определении очередности подачи заявок на выдачу патентов сторон и (или) участников контрактов:

1) заявки на выдачу патентов на охраноспособные результаты, полученные на территории Российской Федерации, в первую очередь подаются в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности Российской Федерации;

2) заявки на выдачу патентов на охраноспособные результаты, полученные на территории Объединенных Арабских Эмиратов, в первую очередь подаются в компетентный орган Объединенных Арабских Эмиратов;

3) в случае создания интеллектуальной собственности, сведения о которой в соответствии с законодательством государства одной из сторон относятся к сведениям, являющимся секретной информацией, стороны и (или) участники контрактов проводят консультации по вопросу правовой охраны такой интеллектуальной собственности.

И наконец, весьма примечательно решение вопросов урегулирования возникнове-

ния возможных споров. В Соглашении с Францией (ст. 12) определено, что споры, возникающие в связи с толкованием и/или применением данного Соглашения, будут разрешаться путем консультаций или переговоров между сторонами. На практике это означает, что в случае недостижения результата в рамках таких консультаций и переговоров каждая из сторон вправе обратиться за судебным разрешением своих претензий к другой стороне. Иной подход заложен в Соглашении с ОАЭ:

– применительно к контрактам возникающие в отношении интеллектуальной собственности споры разрешаются посредством создаваемой сторонами или государственными органами совместной комиссии (рабочей группы) либо иными способами, предусмотренными в заключенных ими контрактах;

– споры между сторонами, связанные с применением и толкованием самого Соглашения, урегулируются путем переговоров и консультаций между уполномоченными органами сторон. Если уполномоченные органы сторон не урегулируют такие споры, обе стороны будут стремиться разрешить спор в возможно короткие сроки путем прямых консультаций между сторонами или при необходимости по дипломатическим каналам. Решение таких споров не может быть делегировано третьей стороне, международному или национальному суду. В период урегулирования споров стороны продолжают выполнять обязательства, предусмотренные Соглашением.

9. Соглашения о взаимной защите секретной информации в сфере военно-технического сотрудничества

Правительством Российской Федерации заключены около пятидесяти соглашений о взаимной защите секретной информации, в том числе с Индонезией (2004), Малайзией (2007), Ираном (2008), Бразилией (2008), Объединенными Арабскими Эмиратами (2011) и т. д. Только два из них, с Перу (2017)

и Чили (2010), относятся к сфере военно-технического сотрудничества. Остальные международные договоры носят общий характер и регулируют любые отношения, связанные с взаимной охраной государствами – участниками соглашений передаваемой секретной информации. Анализ показывает, что принципиальной разницы между межправительственными соглашениями о защите секретной информации в области военно-технического сотрудничества и без определения конкретной сферы такого сотрудничества нет.

В указанных соглашениях урегулированы вопросы: определения компетентных органов, ответственных за координацию деятельности по реализации соглашений; сопоставимости степеней секретности в государствах – участниках соглашений; порядка передачи и обращения с секретной информацией; визитов представителей уполномоченных органов одной из сторон, предусматривающих доступ к секретной информации государства другой стороны; связанные с действиями, предпринимаемыми в случаях несанкционированного распространения секретной информации, а также решение спорных вопросов.

10. Многосторонние соглашения в области ВТС

Российская Федерация является участником многостороннего соглашения в области контроля над экспортом обычных вооружений и товаров двойного назначения – специального международного режима – Вассенаарские договоренности, – который объединяет 33 государства. 12 июня 1996 г. на встрече государств – участников Вассенаарских договоренностей по экспортному контролю за обычными вооружениями, товарами и технологиями двойного назначения принято решение о введении в действие Вассенаарских договоренностей по контролю за экспортом обычных вооружений, товаров и технологий двойного назначения с сентября 1996 г.⁵

⁵ Боголюбов В. Новая организация по контролю над экспортом обычных вооружений // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 7.

Цель Вассенаарского соглашения – не допустить дестабилизирующих накоплений обычного оружия и конкретных технологий двойного назначения и тем самым содействовать укреплению региональной и международной безопасности и стабильности. В рамках данного соглашения страны-участницы обмениваются информацией и обсуждают политические подходы. Однако они не имеют права принятия коллективных решений. Решения принимаются государствами-членами самостоятельно и реализуются на основе национальных процедур⁶.

В соответствии с данным режимом регламентируется передача информации государствам – участникам Вассенаарских договоренностей о поставках обычных вооружений, определенных Регистром обычных вооружений ООН, в государства, не являющиеся участниками Вассенаарских договоренностей. Государства-участники обмениваются информацией о поставках каждые шесть месяцев. На первоначальном этапе развития Вассенаарских договоренностей эта информация включает в себя название государства-импортера, данные о количестве поставленных в указанное государство за отчетный период обычных вооружений по категориям Регистра обычных вооружений ООН и сведения о моделях и типах этих вооружений. Информация передается по дипломатическим каналам с учетом требований, установленных в Российской Федерации для передачи такой информации, а также при обязательном согласии импортеров на предоставление такой информации. Информация о поставках является конфиденциальной на всех этапах ее сбора, обработки и передачи. В пределах Российской Федерации информация о поставках регистрируется под грифом «секретно»⁷.

11. Правовое регулирование Договора о коллективной безопасности

Развитие связей Российской Федерации с государствами – участниками Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)⁸ является одной из приоритетных задач военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами на современном этапе.

В Концепции военно-технического сотрудничества Российской Федерации с государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. совершенствование на двусторонней основе договорно-правовой базы военно-технического сотрудничества определено одним из основных направлений. В настоящее время заключены более тридцати международных документов, регламентирующих различные аспекты сотрудничества в рамках ОДКБ.

Основу международно-договорных отношений стран – членов ОДКБ составляют как многосторонние, так и двусторонние соглашения, а также национальное законодательство государств – участников Договора. Ниже перечислены основные из них.

11.1. Многосторонние соглашения в рамках Договора о коллективной безопасности по вопросам военно-технического сотрудничества

К таким соглашениям относятся:

– Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (Москва, 20 июня 2000 г.);

– Протокол о порядке осуществления контроля за целевым использованием продукции военного назначения, поставляемой в рамках Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничест-

⁶ Wassenaar Arrangement on Export Controls for Conventional Arms and Dual-Use Goods and Technologies: Initial Elements, Press Statement, 12 July 1996.

⁷ Порядок предоставления информации определен Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о представлении Российской Федерацией сведений в Регистр обычных вооружений ООН и Положения о представлении Российской Федерацией сведений о поставках обычных вооружений в соответствии с Вассенаарскими договоренностями» от 26 мая 2003 г. № 302 (в редакции от 11 апреля 2017 г.).

⁸ Бюл. междунар. договоров. 2000. № 12. С. 6 – 8.

ва между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности (Кишинев, 7 октября 2002 г.);

– Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в области перевозок воинских и других формирований, их движимого имущества, а также продукции военного назначения (Душанбе, 15 сентября 2015 г.);

– Соглашение об общих принципах создания межгосударственных научно-производственных объединений в Организации Договора о коллективной безопасности по выпуску продукции военного назначения (Москва, 10 декабря 2010 г.);

– Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в области разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации, продления сроков эксплуатации и утилизации продукции военного назначения (Москва, 10 декабря 2010 г.);

– Соглашение о сохранении специализации предприятий и организаций, участвующих в производстве продукции военного назначения в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (Москва, 10 декабря 2010 г.);

– Соглашение о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные и используемые в ходе военно-экономического сотрудничества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (Душанбе, 6 октября 2007 г.);

– Соглашение о льготных условиях поставок специальной техники и специальных средств для оснащения правоохранительных органов и специальных служб государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (Душанбе, 6 октября 2007 г.);

– Соглашение о взаимодействии в области рекламно-выставочной деятельности в сфере военно-экономического сотрудничества между государствами – членами Ор-

ганизации Договора о коллективной безопасности (Душанбе, 6 октября 2007 г.);

– Соглашение о подготовке военных кадров для государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (Москва, 23 июня 2005 г.).

11.2. Двусторонние межправительственные соглашения по вопросам военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности

К таким соглашениям относятся:

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о военно-техническом сотрудничестве (Москва, 17 января 2003 г.);

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о военно-техническом сотрудничестве (Москва, 29 октября 1993 г.);

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о военно-техническом сотрудничестве (Бишкек, 25 августа 1999 г.);

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о военно-техническом сотрудничестве (Москва, 27 января 1994 г.).

Национальную нормативно-правовую базу военно-технического сотрудничества в Российской Федерации составляют:

– Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ;

– Указ Президента Российской Федерации «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» от 10 сентября 2005 г. № 1062;

– постановления Правительства Российской Федерации, изданные на основании указов Президента Российской Федерации в области ВТС.

11.3. Нормативные правовые акты, регулирующие сотрудничество в рамках ОДКБ

Разработана система правовых мер по проведению дифференцированной и гибкой ценовой политики. В этом направлении Правительством Российской Федерации принято Постановление «О мерах по реализации Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года» от 18 июня 2004 г. № 296.

Серьезный задел существует в создании правовой базы для обучения военнослужащих государств – членов ОДКБ на льготной и безвозмездной основе. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» от 10 сентября 2005 г. № 1062 на основании решений Правительства Российской Федерации осуществляется оказание Министерством обороны Российской Федерации иностранным государствам услуг по подготовке национальных военных кадров и технического персонала в соответствии с международными договорами Российской Федерации и на основании контрактов, заключаемых Министерством обороны Российской Федерации с министерствами обороны иностранных государств. Вышло Постановление Правительства Российской Федерации «О льготной подготовке национальных военных кадров и технического персонала иностранных государств в образовательных учреждениях высшего, среднего и дополнительного профессионального образования и учреждениях повышения квалификации (переподготовки специалистов) Министерства обороны Российской Федерации» от 23 декабря 2004 г. № 832.

Выводы

1. Анализ международной договорной базы за последние десять лет показывает

существенные усилия различных ведомств Российской Федерации (ФСВТС России, Роспатента, ФСБ России, Минпромторга России, МИД России) по международно-правовой регламентации различных аспектов военно-технического сотрудничества, прежде всего в области охраны интеллектуальной собственности, защиты секретной информации, контроля за целевым использованием поставляемой продукции военного назначения.

2. В целях повышения эффективности военно-экспортной политики России существенно оптимизированы механизмы государственного контроля за поставками продукции военного назначения в отдельные государства – участники СНГ (республики Беларусь, Армения, Узбекистан, Киргизстан). Исключены такие механизмы государственного контроля за осуществлением военно-технического сотрудничества, как издание распоряжений Правительства Российской Федерации и ФСВТС России, разрешающих поставку продукции военного назначения в иностранные государства, а также выдача лицензий на ввоз и вывоз такой продукции. Указанные выше соглашения прошли ратификацию, и материальные нормы, регламентирующие вопросы порядка осуществления военно-технического сотрудничества, являются нормами прямого действия и изменяют порядок осуществления военно-технического сотрудничества, установленный Указом Президента Российской Федерации «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» от 10 сентября 2005 г. № 1062.

3. Сформирована устойчивая тенденция регулирования вопросов создания совместных предприятий на основе заключаемых соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств.

«ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ ОБЯЗАН ПРОЯВЛЯТЬ РАЗУМНУЮ ИНИЦИАТИВУ...» – ТРУДНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Е.А. Глухов, кандидат юридических наук, полковник юстиции, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии

В ходе штабных игр немецким младшим офицерам регулярно давали задачи, которые можно было решить только за счет неподчинения приказу старшего командира.

Уильям Линд

В Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹ (далее – УВС ВС РФ) имеется довольно-таки интересное положение, которое все комментаторы данного Устава толкуют односторонне либо поверхностно, не замечая в нем противоречий. Речь идет о ст. 45 УВС ВС РФ: «Военнослужащий в целях успешного выполнения поставленной ему задачи обязан проявлять разумную инициативу».

Что здесь вызвало интерес автора? Во-первых, то, что военнослужащие не просто могут проявлять инициативу, а обязаны ее проявлять. Следовательно, не проявление инициативы – уже само по себе правонарушение? Во-вторых, определение «разумной инициативы», а также то, чем инициатива *разумная* отличается от иной (неразумной) инициативы; кто оценивает ее разумность и по каким критериям? И в-третьих, как соотносится разумная инициатива с требо-

ванием жестко регламентирующих армейскую жизнь различного рода уставов, наставлений, инструкций и планов? Именно на этих вопросах и сконцентрируемся в настоящей статье.

Прежде всего, необходимо определить предмет изучения, т. е. определить, что же такое «разумная инициатива».

Согласно толковым словарям *инициатива* – это почин, внутреннее побуждение к новым формам деятельности², предприимчивость, способность к самостоятельным активным действиям³. Инициатива трактуется еще и как принятие человеком самостоятельного решения⁴. Инициатива есть духовное начало, особого рода действенная самостоятельность, проявленная при учете всех условий данной обстановки и имеющая своей целью достижение определенной задачи с наиболее совершенным результатом⁵.

Разумный – это логичный, основанный на разуме, целесообразный. Разум – способность человека самостоятельно логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания⁶.

Следовательно, применительно к военнослужащим разумная инициатива – это внутреннее побуждение военнослужащего к

¹ Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (в редакции от 16 мая 2017 г.).

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 242.

³ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2009.

⁴ Словарь по этике / под ред. А.А.Гусейнова, И.С. Кона. М., 1989. С. 447.

⁵ Баиов А. Необходимая воинская добродетель // Вестн. Военных Знаний. Сарajeво, 1929. № 3. С. 1 – 8.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 523.

творческому исполнению служебных обязанностей (в том числе не входящих в круг должностных обязанностей), отличающемуся новизной, а также его способность самостоятельно принимать решения и претворять их в жизнь в целях достижения положительного результата в служебной деятельности. Таким образом, к исполнению своих обязанностей и приказов старших начальников военнослужащий должен подходить творчески, искать новые, более эффективные способы выполнения поставленных задач, проявлять самостоятельность.

Однако как раз в армии, в отличие от обычной «гражданской жизни», практически все сферы жизнедеятельности военнослужащего весьма строго и скрупулезно регламентированы. Здесь уставами и приказами предписано, на сколько сантиметров поднимать ногу над землей во время шага, по какой форме докладывать начальнику и где при этом держать руку, на какой высоте вешать табличку на двери, что именно нужно знать перед построением и т. п. Как верно отмечается в юридической литературе, особенности метода военно-административного права заключаются в большей по сравнению с другими отраслями права детализации регулирования общественных отношений, связанных с функционированием военной организации государства. Нормы военно-административного права отличаются повышенной категоричностью требований, императивностью⁷. Поэтому творческий подход, инициатива в большинстве случаев – это отступление от шаблона, от принятых правил и требований руководящих документов. Естественно, ради достижения благой цели.

Так поощрение или наказание влечет отступление от руководящего шаблона? С одной стороны, как было указано выше, военнослужащий обязан проявлять разумную инициативу, а значит и действовать самостоятельно, даже отступая от установленных правил, если это разумно и для

пользы дела. С другой стороны, отступление от порядка и правил, установленных законодательством и приказами начальника, есть нарушение воинской дисциплины, за что военнослужащий может быть привлечен к ответственности (ст.ст. 1, 47 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации).

Для лучшей иллюстрации данного противоречия рассмотрим его на примере.

Допустим, офицер-преподаватель в ходе проведения лекции отклонился от временных интервалов изложения вопросов лекции, указанных в его плане проведения лекции (план утвержден старшим начальником и является для преподавателя руководящим документом). Отклонился преподаватель от плана сознательно, потому что почувствовал, что курсанты не усваивают излагаемый материал, требуется объяснить его на примерах, «на пальцах», более доступным для курсантов языком, что займет больше времени. В итоге цель занятия была достигнута – обучаемые уяснили материал лекции, но проверяющий ход проведения занятия зафиксировал нарушение преподавателем плана лекции (в части отступления от временных интервалов на рассматриваемые вопросы лекции).

Формально здесь имеется нарушение, и за это руководитель занятия может быть даже привлечен к дисциплинарной ответственности (как говорится в известной военной поговорке, «инициатива наказуема»). Но реально это нарушение (отступление от плана) совершено им во благо и имело положительный результат, поэтому за то же деяние военнослужащий может быть и поощрен.

Возможно, подумает читатель, вышеприведенная ситуация слишком мелкая и незначимая в масштабе Вооруженных Сил, и незачем тратить время на ее разбор, искать здесь юридические противоречия. Однако, во-первых, подобная ситуация возможна не только в военных вузах. Во всех воинских

⁷ Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация): учеб. М., 2008.

частях проходят плановые занятия по командирской подготовке и иным предметам обучения, везде при этом руководители занятия пишут планы проведения этих занятий и утверждают их у старших начальников. Везде исходя из активности и уровня подготовки обучаемых на изложение некоторых вопросов может быть затрачено чуть больше или чуть меньше времени, чем планировалось изначально.

Во-вторых, наверное, не в таком большом масштабе, но от этого не менее значимо применение разумной инициативы в боевых действиях, в ходе учений, при испытании новой техники и в тому подобных случаях. Примеры разумной инициативы в ходе войн и боевых действий – это и развитие наступления дальше запланированной точки, это и превышение установленной скорости движения на марше, и форсирование водных преград с ходу, и приведение в повышенную степень боевой готовности без команды свыше, и т. п.

Военная наука к проявлению инициативы относит не только право начальников на местах самостоятельно выбирать способы для достижения поставленной сверху цели, но и в их праве и даже обязанности при известных условиях самостоятельно ставить частные задачи, вытекающие, конечно, из общей задачи, из основной идеи операции⁸.

В-третьих, на примере отступления от плана занятия преподавателем автор хотел показать более важную тенденцию – отдаление на усмотрение старшего начальника вопроса о наказании или поощрении подчиненного за разумную инициативу, выразившуюся в отступлении от заранее утвержденного шаблона. Все три возможных варианта: а) поощрить, б) привлечь к дисциплинарной ответственности или в) вообще не поощрять и не наказывать – целиком зависят от усмотрения старшего начальника. Имеются основания и для наказания, и для поощрения инициатора. И в случае привлечения к дисциплинарной ответственности,

даже за мелочное нарушение в виде отступления от плана, это повлияет и на объем денежного довольствия, и на карьеру военнослужащего.

На практике, конечно же, если старшему начальнику понравился результат, который получился от проявленной инициативы, то инициатор награждается. Если результат не понравился – инициатор может быть наказан. Таким образом, разумная инициатива оценивается по достигнутому результату (победителей не судят) и по субъективному усмотрению старшего начальника.

Однако, по мнению автора, оценивая правомерность действий инициативного сотрудника, в первую очередь нужно оценивать собственно разумность его планов и обоснованность действий, а уже потом последствия этих действий. Ведь и разумные, рациональные действия могут привести к нежелательным последствиям, и, наоборот, безрассудные действия могут приводить к победе и желаемому результату.

При таком подходе усматривается аналогия разумной инициативы и обоснованного риска. Напомним, что согласно ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ):

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели.

2. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда.

3. Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Схожесть разумной инициативы и обоснованного риска состоит в том, что лицо в обоих случаях преследует общественно полезную цель и в обоих случаях у лица нет

⁸ Баиов А. Указ. соч. С. 1 – 8.

уверенности в результате. Различия же заключаются в том, что норма ст. 41 УК РФ применяется лишь в случае наступления вреда охраняемым уголовным законом интересам в целях рассмотрения вопроса об освобождении от уголовной ответственности, а норма ст. 45 УВС ВС РФ распространяется на более широкий спектр правоотношений, связанных не только с причинением вреда. И, естественно, положения УВС ВС РФ не могут вторгаться в сферу регламентации уголовно-правовых правоотношений.

Целесообразность риска определяется его полезностью (в результате действия с риском предполагается достижение общественно полезной цели) и его оправданностью, когда вероятность достижения положительного результата преобладает над вероятной неудачей, при отсутствии возможности достижения результата без риска. При этом используются как личный опыт рискующего, так и опыт других лиц, имеющиеся научные знания и рекомендации. Рискующий сознательно допускает наступление негативных последствий от действия с риском, следовательно, должен позаботиться о предотвращении возможного вреда. Принятию решения действовать с риском должны предшествовать оценка ситуации, выбор оптимального варианта достижения результата, выбор сил и средств, принятие мер по нейтрализации возможного отрицательного результата⁹. Полагаю, что приведенную логику можно распространить и на норму о разумной инициативе (ст. 45 УВС ВС РФ).

Одной из главных практических проблем современных военных структур, по мнению автора, является определение степени самостоятельности командиров и подчиненных в сфере алгоритмов и целей выполнения ими своих функций¹⁰. В современных реалиях действия подчиненных толкуются как

правильные, если они соответствуют уставам и приказам начальства.

Вместе с тем, жесткая регламентация действий всех должностных лиц лишает их инициативы, так как все алгоритмы действий и так расписаны во всевозможных инструкциях и приказах. А все, что не регламентировано инструкциями, по мнению многих начальников, надо либо запретить, либо «отложить в долгий ящик».

Думается, что полный отказ от инициативы из-за боязни совершить ошибку является рецептом застоя и стагнации. Если из иерархической системы, какой и является армия, уходят энергичные, самостоятельно мыслящие люди, способные брать на себя ответственность и совершенствовать ранее изданные правила, то чрезвычайно затруднительным становится любое развитие такой системы, любое ее движение вперед.

Согласно пятому закону Паркинсона если есть способ отложить принятие важного решения, настоящий чиновник всегда им воспользуется. Мелкий начальник в бюрократическом аппарате больше всего не любит брать на себя ответственность, иначе говоря, принимать решения, за которые его могли бы критиковать. Он старается избегать принятия любых решений, которые не сформулированы достаточно четко его руководством. И если он сомневается, то обращается за принятием решения к вышестоящему начальнику, который в свою очередь сделает то же самое. В результате решение, которое нужно принять немедленно, де-факто долго не принимается, ожидая различных согласований. В ряде случаев описанная проволочка влечет разрешение проблемы «само собой», снимает с бюрократа необходимость принятия решения и, как следствие, не возникает опасение возможного наказания за неправильное решение, неполное решение, отсутствие доклада о нем и т. п.¹¹

⁹ Савкина М.А. Проблемы определения обоснованного риска в предпринимательской деятельности как обстоятельства, исключаяющего преступность деяния // Рос. юстиция. 2015. № 6. С. 64 – 66.

¹⁰ Глухов Е.А. Вторжение в компетенцию воинских должностных лиц в иерархической системе управления // ЭНИ «Военное право». 2017. № 4. С. 49 – 53.

¹¹ Кстати, в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР, введенным в действие постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г., виновные в волоките подвергались лишению свободы на срок до трех лет.

Более того, к такому типу мышления при- выкают и подчиненные, и начальники. Бю- рократический порядок губительно дейст- вует на человеческие способности, убивая в молодых людях, попадающих в эту иерар- хию, энергию, широту взглядов, свежие силы, деятельные стремления, превращая их в процессе многолетнего восхождения по чиновничьей лестнице в лиц, не способных к принятию ответственных самостоятель- ных решений. Привыкшие к определенно- му способу приложения своих знаний, к рутине, безынициативные руководители оказываются беспомощными, когда стал- киваются с реальными проблемами, не под- дающимися решению на основе предписан- ных, заранее известных правил. И если в мирное время последствия деятельности таких безынициативных руководителей практически не видны, то в военной обста- новке они могут привести к поражению.

Вот как описывается современниками реализация такого положения дел на прак- тике в армии Пруссии начала XIX в.:

«Многие офицеры кирасирского полка, потеряв в атаке лошадей, так к остались пешими, потому что собственных запасных не оказалось под рукой, а садиться на ка- зенных было строго воспрещено распоря- жением мирного времени...

Командир одного из кавалерийских пол- ков не осмелился отступить от указанного ему приказанием пункта ночлега, хотя та- ковой находился в тылу противника, где полку и пришлось капитулировать»¹².

Российские великие полководцы понима- ли всю силу самостоятельности, инициати- вы и принимали меры к тому, чтобы она могла проявляться в полной мере.

Так, в дополнительном пункте к Воинско- му уставу Петр I в 1722 г. собственноручно написал: «Правда, может офицер, яко бы к оправданию своему, ответственовать, когда в том спрошен будет, что я чинил по Уста- ву Воинскому, однако же, то его оправдать не может хотя то и написано, ибо там по-

рядки писаны, а времен и случаев нет того ради ему надлежит рассуждение иметь... Того ради сей пункт прилагается, дабы офи- церы в таковых нужных случаях накрепко рассуждение делали, без чего обойтись не- возможно, опасаясь жестокого наказания за нерассуждение».

А.В. Суворов по этому же поводу выска- зался так: «Местный в его близости по об- стоятельствам лучше судит, нежели отда- ленный: он проникает в ежечасные переме- ны их течения и направляет свои поступки по правилам воинским. Я – право, должно влево – меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь – не иди вперед».

М.И. Кутузов в диспозиции для Бородин- ского сражения писал: «Не в состоянии бу- дучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опыт- ность господ главнокомандующих и пото- му предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля».

Степень же проявления инициативы са- мим М.И. Кутузовым определяется тем, что он срывал на театре войны крепости, не испросив на то разрешения государя, хотя последним в этом было отказано предше- ственнику Кутузова, и возвращал с полдо- роги войска, Высочайшим повелением на- правленные на другой театр войны, раз это было нужно для достижения поставленных конечных целей.

Петр I недаром требовал, чтобы офицеры проявляли инициативу в бою, «чтоб каждый капитан и прочие офицеры каждой своей ротой командовали, а не на майора во всем смотрели...»¹³. Следует полностью согла- ситься с первым российским императором в том, что инициатива является органической составляющей профессионального роста служащего и прогресса всей организации.

Возвращаясь к главному вопросу насто- ящей статьи, еще раз подчеркну, что тор- мозящее влияние бюрократии на армию проявляется в противоречии между жест- ким централизованным управлением с уг-

¹² Морозов Н.А. Прусская армия эпохи Иенского погрома. Ее возрождение. Значение для нас этого поучения. СПб., 1912.

¹³ Епифанов П.П. Воинский устав Петра Великого // Петр Великий: сб. ст. / под ред. А.И. Андреева. М. ; Л., 1947. С. 193.

розой наказания за малейшее отступление от инструкции, с одной стороны, и профессионализмом с разумной инициативой – с другой. Скованный жесткими требованиями инструкции и регламентов, военнотрудовой побороться проявлять даже очень разумную инициативу, боясь за это привлечения к ответственности, даже зная, что такая инициатива была бы на пользу делу. Указанную закономерность заметил еще в начале XX в. австрийский философ и экономист Людвиг фон Мизес, который предостерегал: «смирительная рубашка бюрократической организации парализует инициативу индивида»¹⁴.

Конечно, инициатива нужна не всегда и не везде. Уместность инициативы зависит от должности инициатора и от конкретной ситуации. Например, какого креатива руководитель должен ожидать от молодого водителя? И нужны ли вообще организации какие-либо креативы и инициативы молодого водителя? Полагаю, что нет. Инициатива требуется больше от тех должностных лиц, которые должны принимать решения, руководить подчиненными.

В старом Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁵ было указано, что она (инициатива) особенно необходима, когда полученный приказ не соответствует резко изменяющейся обстановке, а условия таковы, что своевременно получить новый приказ не имеется возможности. Современный УВС ВС РФ даже такой оговорки не содержит, что делает норму права о разумной инициативе еще более непонятной и коррупциогенной.

Получается, что в самом положении УВС ВС РФ об обязанности военнослужащего

проявлять разумную инициативу содержится множество коррупциогенных факторов¹⁶, как минимум:

- широта дискреционных полномочий;
- отсутствие или неполнота административных процедур;
- нормативные коллизии¹⁷.

Подводя итог, полагаю целесообразным устранить указанные коррупциогенные факторы и конкретизировать нормы о проявлении разумной инициативы.

В эпоху быстрого развития вооружения и техники, скоротечности ведения войн нельзя мыслить шаблонами и действовать только по одобрению старшего начальника. Американский политолог Уильям Линд по этому поводу высказал следующую мысль: «От командиров на всех уровнях ожидается, что они обеспечат результат, независимо от полученных ими приказов. Цель военного образования – развитие способности быстро оценивать сложившуюся обстановку, а не обучение точному выполнению всех процедур и решению задач “по уставу”. Основной тип подготовки – учения в формате военной игры с посредником, без подробного сценария и заранее назначенного победителя, команда против команды, потому что такими методами можно хотя бы частично воспроизвести хаос реального поля боя. Военная культура третьего поколения (эры “маневренной войны”) ставит инициативу выше послушания начальству, терпимо относится к ошибкам, если только они не были результатом пассивности, и полагается на самодисциплину вместо навязанной сверху дисциплины, потому что только самодисциплина совместима с инициативой»¹⁸.

¹⁴ Мизес Л. фон. Бюрократия. М., 2006.

¹⁵ Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г. № 2140. Утратил силу в связи с введением в действие общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации с 31 декабря 2007 г.

¹⁶ В соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции.

¹⁷ Значение указанных коррупциогенных факторов приведено в п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96.

¹⁸ Lind W. S. *Manoeuvre Warfare Handbook*, Boulder, Colorado: Westview Press, 1985.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СЕКРЕТНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ И ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ПАТЕНТА НА НЕГО

*Д.Т. Нестеренко, старший дознаватель отдела дознания и дисциплинарной практики
Военной комендатуры города Санкт-Петербурга;
А.В. Кудашкин, доктор юридических наук, профессор*

Обеспечение обороноспособности любого современного государства немислимо без внедрения новейших средств вооружения и прогрессивной военной техники, в основе которых лежат не просто технические и технологические разработки и способы их использования, но и интеллектуализированные системы, которые должны быть способны принимать эффективные решения в условиях реального времени¹, к таковым, как правило, относят автономные системы². Однако и те и другие разработки и системы в своей основе содержат охраноспособные (патентоспособные) устройства и способы их применения, которые могут быть положены в основание выдачи патента на изобретение (полезную модель). Особенно актуальны вопросы эффективности правовой защиты таких изобретений и прав на них, если они «в объективированной форме могут быть использованы для нужд безопасности и обороны государства»³. В этом случае они в соответствии с законодательством о защите государственной тайны и § 7 гл. 72 ГК РФ подлежат засекречиванию.

Понятие «секретные изобретения» законодателем в ГК РФ не раскрывается, но на основе норм п. 1 ст. 1350, п. 1 ст. 1375 ГК РФ и Закона Российской Федерации «О государственной тайне» как «секретное изобретение» можно рассматривать изобретение, в формуле и описании которого содержатся сведения, которые по решению уполномоченных должностных лиц отнесены к государственной тайне. Следовательно, открытый доступ к информации о данном изобретении для неограниченного круга лиц исключается, а само изобретение выводится из гражданского оборота.

Однако, как справедливо отмечает О.А. Городов, взаимодействие патентного законодательства и законодательства о государственной тайне предполагает концептуальные противоречия: выдача патента на секретное техническое решение противоречит самой идее сохранения в секретности сведений, составляющих государственную тайну, которые содержатся в этом техническом решении, в то время как длительное сохранение секретности противоречит экономи-

¹ См. напр.: Обоснование информационно-аналитической системы в развитии методов и моделей согласования иерархических решений / П.Ф. Барышев [и др.] // Динамика сложных систем – XXI век. 2014. № 3. С. 43 – 52.

² Диане С.А., Рожнов А.В. Перспективный аэромобильный комплекс: прорывные технологии смешанных робототехнических группировок для спасения и пожаротушения в высотных зданиях / МВТФ «Армия-2016». Кубинка, 2016; Мосин Е.Л. Роль и место интеллектуальной собственности при разработке автоматизированных систем управления // ИС. Промышленная собственность. 2016. № 7. С. 59 – 70; Рожнов А.В., Лобанов И.А. Управление в едином информационно-управляющем поле смешанными и разнотипными группами пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов при переключении режимов их функционирования // Труды ежегодной научно-практической конференции «Перспективы развития и применения комплексов с БПЛА» (Коломна, 2016). Коломна, 2016. С. 148 – 152; Рожнов А.В. О развитии автономных систем различного назначения: имитозащита, системная интеграция и интеллектуальное управление (введение) / МВТФ «Армия-2016». Кубинка, 2016 и др.

³ Слепко Г.Е. О системности правового регулирования отношений в сфере прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные для нужд обороны // ЭНИ «Военное право». 2017. № 5. С. 87. См. также: Легович Ю.С., Рожнов А.В., Руженцев И.О. Интеллектуальные права и их защита при разработке прорывных технологий и компонентов гибридных интеллектуальных и интеллектуализированных систем // XV Всероссийская научная конференция «Нейрокомпьютеры и их применение»: тезисы докладов. М., 2017. С. 49 – 50 и др.

ческим интересам патентообладателя, который не может рассчитывать на ту норму прибыли, которую он бы извлек из открытого использования своего технического решения⁴. В целом сущность охраны государственной тайны с точки зрения влияния на экономические и производственные процессы направлена на сохранение в секрете информации о реально достигнутых результатах в отдельных секторах национальных отраслей науки и техники⁵ и обеспечение ее недоступности для разработчиков и производителей аналогичной продукции из государств – потенциальных противников.

Таким образом, выдача патента на секретное изобретение, хотя и соответствующая интересам обеспечения обороноспособности и национальной безопасности государства, может противоречить его интересам в сфере экономики, оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности и внедрения этих результатов в реальные отрасли экономики. В то же время сама выдача такого патента может быть осуществлена с нарушением требований законодательства: как гл. 72 ГК РФ, так и административных регламентов уполномоченного органа, иных актов⁶, в связи с чем законодатель ввел правила о признании патента на секретное изобретение недействительным.

В Российской Федерации до вступления в законную силу четвертой части ГК РФ порядок признания недействительным патента на секретное изобретение регулировался Патентным законом Российской Федера-

ции, а именно п. 1 ст. 29, в котором говорилось, что патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец в течение всего срока его действия может быть признан недействительным полностью или частично в случае: несоответствия запатентованных изобретения, полезной модели или промышленного образца условиям патентоспособности, установленным данным Законом; наличия в формуле изобретения или полезной модели либо перечне существенных признаков промышленного образца, которые содержатся в решении о выдаче патента, признаков, отсутствовавших на дату подачи заявки в описании изобретения или полезной модели и в формуле изобретения или полезной модели, если заявка на дату ее подачи содержала формулу, либо на изображениях изделия; выдачи патента при наличии нескольких заявок на идентичные изобретения, полезные модели или промышленные образцы, имеющих одну и ту же дату приоритета, с нарушением условий п. 7 ст. 19 Патентного закона; выдачи патента с указанием в нем в качестве автора или патентообладателя лица, не являющегося таковым, или без указания в патенте в качестве автора или патентообладателя лица, являющегося таковым в соответствии с Патентным законом.

Отметим, что многое из Патентного закона Российской Федерации нашло свое отражение в части четвертой ГК РФ, не претерпев значительных изменений.

Так, общие правила признания недействительным патента на секретное изобре-

⁴ Более подробно см.: *Городов О.А.* Правовой режим секретных изобретений // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2014. № 12. С. 10. Вопросам защиты прав на секретные изобретения посвящены также следующие работы: *Гатагонова Р.М.* Правовой режим секретных изобретений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012; *Холопова Е.Н., Дегтярев А.В.* Возможности правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения // Право интеллектуальной собственности. 2016. № 2. С. 13 – 17 и др.

⁵ *Азовцев В.С.* Правовая охрана секретных изобретений в России: есть вопросы // Патенты и лицензии. 2014. № 5. С. 41 – 44; *Борисова Н.К.* О некоторых противоречиях в сфере гражданско-правового регулирования отношений при патентовании изобретений в Российской Федерации // Юрист. 2011. № 8. С. 19 – 22; *Быковская Е.А.* Особенности правового статуса секретных изобретений в РФ // Актуальные проблемы частного права: сб. науч. ст. Новосибирск, 2014. С. 24 – 34; *Слепко Г.Е.* Указ. соч. С. 89 – 90; *Холопова Е.Н., Дегтярев А.В.* Указ. соч. и др.

⁶ Приказ Министра обороны Российской Федерации «Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством обороны Российской Федерации государственной услуги по организации рассмотрения заявок и выдачи патентов на секретные изобретения, относящиеся к средствам вооружения и военной техники» от 23 июля 2012 г. № 2020; Постановление Правительства Российской Федерации «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» от 29 сентября 1998 г. № 1132 и др.

ние приведены в ст. 1404 ГК РФ, устанавливающей, что к указанным правоотношениям применяются положения подп. 1 – 4 п. 1 ст. 1398 названного Кодекса, согласно которым основаниями для подачи возражения против выдачи патента на секретное изобретение являются: несоответствие секретного изобретения условиям патентоспособности; несоответствие документов заявки на секретное изобретение, представленных на дату ее подачи, требованию раскрытия сущности такого изобретения с достаточной полнотой; наличие в формуле секретного изобретения, которая содержится в решении о выдаче патента, признаков, отсутствовавших на дату подачи заявки в описании секретного изобретения и в формуле секретного изобретения (если заявка на выдачу патента на секретное изобретение на дату ее подачи содержала такую формулу); выдача патента на секретное изобретение при наличии нескольких заявок на идентичные изобретения, имеющих одну и ту же дату приоритета, с нарушением действующих правил о последствиях совпадения дат приоритета, установленных ст. 1383 ГК РФ.

В отличие от подачи возражений против выдачи патента на обычное (несекретное) изобретение возражения против выдачи патента на секретное изобретение подаются не в палату по патентным спорам, а в уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти, принявший решение о выдаче патента на секретное изобретение.

Однако данное правило относится не ко всем секретным изобретениям, а только к тем, в отношении которых установлена степень секретности «особой важности» и «совершенно секретно» и которые относятся к тематике средств вооружения и военной техники, методов и средств в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности. Возражения против выдачи патента на иные секретные изобретения (изобретения, для которых установлена степень секретности

«секретно», но которые не относятся к средствам вооружения и военной техники, методам и средствам в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности) подаются в палату по патентным спорам.

По общему правилу, которое касается несекретных изобретений, возражение против выдачи патента вправе подавать любое лицо. В отношении же подачи возражений против выдачи патента на секретное изобретение указанное правило должно быть скорректировано на его соответствие действующим формам допуска к сведениям, составляющим государственную тайну (для физических лиц) и действующим правилам допуска организаций к проведению работ с использованием сведений, составляющих государственную тайну (для юридических лиц). Речь в данном случае идет о том, что секретная информация, положенная в основу для подачи возражения против выдачи патента на секретное изобретение, должна быть получена допущенным к работе с ней заявителем возражения на законных основаниях.

Решение уполномоченного органа, принятое по возражению, утверждается руководителем этого органа. Указанное решение вступает в силу со дня его утверждения и может быть оспорено в суде.

Не вполне понятна логика законодателя, который не допускает оспаривания в судебном порядке выдачи патента на секретное изобретение с указанием в нем в качестве автора или патентообладателя лица, не являющегося таковым в соответствии с ГК РФ, или без указания в патенте в качестве автора или патентообладателя лица, являющегося таковым в соответствии с ГК РФ, как это предусмотрено в п. 2 ст. 1398 данного Кодекса в отношении патентов на несекретные изобретения.

Как представляется, законодатель ссылается на то, что лицо, не имеющее определенного допуска к засекреченным сведениям, не вправе участвовать в судопроизводстве. Но данная проблема разрешается пу-

тем участия в процессе в качестве представителя истца лица, имеющего соответствующий допуск. Иначе возможно говорить о нарушении прав гражданина на судебную защиту своих нарушенных или оспариваемых прав.

Данный перечень ограничений со стороны органов государственной власти в отношении лиц, имеющих исключительное право на секретное изобретение, нельзя оправдывать, так как это противоречит основным принципам гражданского права, а именно⁷: принципу равенства участников отношений; принципу всеобщей защиты нарушенных прав; принципу восстановления нарушенных прав.

Отметим, что в большинстве зарубежных государств не предусмотрена даже сама возможность оспаривания в судебном порядке решений административных органов о выдаче секретных патентов, что в принципе соответствует целям сохранения в тайне секретных изобретений.

Например, в США действует Закон о соблюдении секретности в изобретательстве – федеральный закон США, принятый в целях недопущения разглашения информации о новых изобретениях и технологиях, которые, по мнению отдельных федеральных ведомств, представляют собой потенциальную угрозу для национальной безопасности Соединенных Штатов.

Попытки регламентировать информацию об открытиях и секретных изобретениях предпринимались руководством США и ранее. Еще во время Первой мировой войны конгресс разрешил «Бюро по регистрации патентов и торговых марок США» засекречивать информацию по определенным патентам оборонного значения. Эти ограничения носили временный характер, но были восстановлены в октябре 1941 г., в преддверии вступления США во Вторую мировую войну. Закон 1951 г. о секретности изобретений сделал практику

засекречивания патентов постоянной, и в соответствии с ним решение о засекречивании новых изобретений принимается оборонными ведомствами: армией США, военно-морским флотом США, ВВС США, Агентством национальной безопасности, министерством энергетики США, НАСА и министерством юстиции США.

Закон 1951 г. о секретности изобретений требует, чтобы государство засекречивало определенные патентные заявки, содержащие в себе информацию, разглашение которой нежелательно, чем не только обеспечивается ограничение раскрытия информации об изобретении, но и блокируется выдача патента. Примечательно, что этот Закон может применяться даже в тех случаях, когда заявка на патент составлена и полностью принадлежит частному лицу или компании, которые работали без какой-либо поддержки со стороны государства. Единственный способ, которым изобретатель может избежать такого риска, – отказ от патентной защиты⁸.

По состоянию на начало 2012 г. в США действовал в общей сложности 5 241 правовой акт о засекречивании изобретений: только в течение 2011 г. государством было издано 143 новых правовых акта такого рода, оформленных на патентные заявки в соответствии с Законом 1951 г. При этом правовые нормы о засекречивании нередко распространяются на изобретения, отношение которых к военным приложениям или к области национальной безопасности не понятно. Например, в 1970-х гг. все продвинутые технологии генераторов энергии на основе возобновляемых природных источников энергии подвергались проверке на предмет ограничения их распространения с помощью Закона 1951 г. В частности, в данный разряд «опасных изобретений» попали и солнечные батареи с эффективностью свыше 20 %, и системы преобразования энергии с эффективностью, превышающей 70 – 80 %.

⁷ Яковец Е.Н. Основы правовой защиты информации и интеллектуальной собственности: учеб. пособие. М., 2013. С. 264.

⁸ Юсупова Д.М. Актуальные проблемы правовой охраны изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, созданных в связи с выполнением служебного задания или выполнением работ по государственному и муниципальному заказу // Сб. аспирант. науч. работ юрид. факультета. Казань, 2012. Вып. 13. С. 483 – 489.

В отдельных странах порядок признания недействительным патента на секретное изобретение вообще отсутствует, так как патент на секретные изобретения не выдается в принципе. Российский законодатель предусмотрел выдачу патента на секретное изобретение и установление исключительного права на его использование.

Сущностным элементом содержания права на патент является исключительное, т. е. имущественное, право на открытое использование запатентованного технического решения. Однако, как следует из положений ГК РФ, в том числе и ст. 1405, содержание которой носит рамочный характер и «лишает его [права на патент] признаков исключительности и качеств, присущих абсолютному праву»⁹, патентообладатель, обладающий исключительным правом на секретное изобретение, должен им владеть, пользоваться и распоряжаться в равной степени с лицом, обладающим исключительным правом на несекретное изобретение, но, поскольку это противоречит интересам обороны и безопасности государства, осуществить такое пользование не представляется возможным. Та-

ким образом, ограничения, которыми обременяется имеющее исключительное право (патент) на секретное изобретение лицо (в том числе автор изобретения, патентообладатель), должны в полной степени подлежать компенсации, в стоимость которой будет входить не только потенциальная или реальная стоимость секретного изобретения, но и упущенная выгода. Только в этом случае можно будет признать возмещение убытков равноценным, но современные нормативные правовые акты такой возможности авторам и обладателям патентов на секретные изобретения не предоставляют.

Исходя из вышеизложенного необходимо констатировать, что проблема регулирования общественных отношений, возникающих в связи с установлением правового режима секретных изобретений, – одна из объективно существующих проблем патентного права и подлежит разрешению в интересах всех сфер жизни общества и государства, а не только с точки зрения обеспечения его обороноспособности. На данный момент, однако, внесение изменений в § 7 гл. 72 ГК РФ не запланировано...

⁹ Городов О.А. Указ. соч. С. 11, 12 – 13.

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО НА ЕГО ИНЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАТУСЫ

*Г.Е. Слепко, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, Военный университет*

В условиях систематического реформирования законодательства, регулирующего гражданско-правовые отношения (как его отдельных норм, так и целых институтов гражданского права), за пределами внимания законодателя остались правовое положение физических лиц, имеющих специальный правовой статус, и особенности их уча-

стия в различного рода правоотношениях, осуществления ими своих гражданских прав и обязанностей, а также защиты последних. В отдельных отраслях российского права учтены данные особенности: так, в семейном праве и трудовом праве закреплены особенности правового регулирования соответствующих отношений с участи-

ем несовершеннолетних и женщин; в жилищном, наследственном, трудовом и семейном – с участием нетрудоспособных или ограниченно трудоспособных лиц; в уголовно-процессуальном – особенности проведения следственных и судебных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и/или подозреваемых (подсудимых) и пр. В военном праве проводится разграничение в зависимости от возраста (достижение 16-, 18-, 24-, 27-, 30-летнего и т. д. возраста); от прохождения военной службы по призыву и по контракту, а также по причине призыва на военные сборы и поступления в мобилизационный людской резерв; от биологического пола военнослужащего; от наличия или отсутствия у женщин военно-учетной специальности; от наличия или отсутствия правовой связи с Российской Федерацией – граждане России и иностранные граждане (лица без гражданства); от состояния здоровья; от семейного положения; а также по другим критериям (пп. 2 и 3 ст. 2, п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13, п. 1 ст. 20, п. 1 ст. 22, ст. 23, ст. 38 и другие статьи Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ, п. 9 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ).

Необходимо отметить, что на граждан, призванных на военные сборы, и граждан, пребывающих в мобилизационном людском резерве, исполняющих воинскую обязанность, статус военнослужащего распространяется только в случаях и в порядке, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами (ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), следовательно, говорить об ограничении гражданских прав указанной категории граждан невозможно и данный вопрос нами не рассматривается.

Поскольку «вооруженные силы тесно связаны с основными сферами жизни общества: материально-производственной, политической, социальной и духовной»¹, а каждый военнослужащий является частью социума, постольку они и вовлекаются во все сферы жизни общества, в том числе и в сферу оборота социальных и экономических ценностей. Именно поэтому вопросы влияния особенностей правового статуса лица как военнослужащего на его возможность участвовать в данном обороте как полноценного субъекта, а также на ограничение такой возможности и рассматриваются как теоретически и практически значимые².

Особенности военной службы как рода деятельности проявляются в том, что гражданин-военнослужащий, приняв Военную присягу и проявляя верность своему Отечеству, должен «самоотверженно выполнять свой долг по защите Отечества в случае угрозы его целостности и государственному суверенитету»³. Так, согласно тексту Военной присяги, закрепленной в ч. 2 ст. 40 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», военнослужащий обязан «достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество», а военнослужащий – иностранный гражданин обязуется «соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников, достойно исполнять воинский долг» (п. 3 указанной статьи).

Таким образом, основная задача военнослужащего заключается в защите Отечества, что и влечет ограничение его возможности распоряжаться собой и своими временем и силами в полной мере, реализовывать свои собственные стремления и желания в ущерб основной задаче. Именно в

¹ Грунтовский И.И. Престиж военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации как основа военно-патриотического воспитания молодежи // Вестн. Междунар. юрид. ин-та. 2016. № 3 (58). С. 103.

² Кудашкин А.В. Военная служба как особый вид государственной службы Российской Федерации // Государство и право. 2000. № 3. С. 12; Его же. Некоторые проблемы реализации статуса военнослужащих при прохождении военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2000. № 1. С. 36.

³ Бондаренко М.В. Факторы обеспечения законности в сфере военной службы // Военно-юрид. журн. 2014. № 2.

силу специфичности выполняемых военнослужащими задач в отношении их деятельности, связанной с прохождением военной службы, нормы трудового законодательства могут применяться лишь в случаях, прямо указанных в законе (ч. 8 ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации, далее – ТК РФ), хотя законодатель и рассматривает военную службу как реализацию трудовых прав граждан-военнослужащих (п. 1 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

В целом считаем возможным говорить о некотором ограничении правоспособности военнослужащих как субъектов гражданских правоотношений и повышении уровня их государственно и общественно ориентированных обязанностей и социальной ответственности.

В то же время и государство в отношении военнослужащих (и членов их семей) принимает на себя повышенные обязательства по созданию более высокого уровня жизни, например, в части жилищного, социального, пенсионного обеспечения⁴, компенсируя таким образом ограничения, налагаемые на военнослужащих в связи с прохождением военной службы. Данные компенсации носят, как правило, публично-правовой характер, в сфере же права частного они отсутствуют.

Как отмечает С.С. Алексеев, государство принимает на себя обязанность «создавать наиболее благоприятный режим для удовлетворения разнообразных интересов своих граждан»⁵, в том числе и не связанных с прохождением военной службы и

бытом (в отношении военнослужащих). К таким «разнообразным» интересам можно отнести и потребность военнослужащих в социальной, культурной, благотворительной и т. п. самореализации. При этом создание благоприятного режима и ограничение гражданских прав военнослужащих должны основываться не только на общеправовом принципе законности, которая является основой построения законодательства любой отрасли права и служит обеспечением соразмерности прав и обязанностей субъекта⁶, но и принципах соразмерности и справедливости, не ограничивая права и возможности их осуществления вне связи с выполняемой субъектом функции, в данном случае – по обеспечению безопасности и обороноспособности государства, либо вне связи с условиями прохождения субъектом военной службы, например, «при проведении контртеррористической операции, военного положения и в других случаях»⁷.

В силу специфики поставленных перед военнослужащими задач вполне справедливым и практически обоснованным представляется ограничение отдельных конституционных прав и свобод военнослужащих (свободы слова, свободы совести, права на участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании и пр.). Так, реализуя свое право на свободу передвижения и выбор места жительства, военнослужащий должен определять место своего временного или постоянного пребывания (проживания) с учетом необходимости поддержания им боевой готовности воинских

⁴ Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ; Федеральный закон «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ; Закон Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» от 12 февраля 1993 г. № 4468-1; приказ Министра обороны Российской Федерации «О выплате женам военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, выходного пособия в случаях расторжения ими трудового договора в связи с перемещением военнослужащих к новому месту военной службы в другую местность» от 11 июля 2002 г. № 265 и др.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2000. С. 54.

⁶ Чекмарев Г.Ф. Законность как фундаментальная категория правоповедения // Юридический форум: межвуз. сб. науч. тр. М., 2016. С. 58 – 70.

⁷ Бондаренко М.В. Указ. соч.

частей и обеспечения своевременности прибытия к месту военной службы; реализуя право на свободу слова, военнослужащий «не вправе разглашать государственную и военную тайну, обсуждать и критиковать приказы командира»; религиозные обряды военнослужащий может совершать «в свободное от военной службы время», при этом он «не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии», а создание «религиозных объединений в воинской части не допускается»; право на участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, гарантированное ст. 31 Конституции Российской Федерации, также должно реализовываться «в свободное от военной службы время» за пределами территории воинской части и без оружия (ст.ст. 6, 7 и 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

Как мы видим, большинство из указанных прав и свобод могут осуществляться военнослужащими только в свободное от исполнения обязанностей военной службы время и в месте, из которого возможно быстро прибыть в воинскую часть, с тем чтобы их осуществление не препятствовало исполнению военнослужащим своего воинского долга. Однако некоторые права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации и отраслевыми нормативными правовыми актами, в отношении военнослужащих не только ограничиваются во времени их осуществления, но и в целом подпадают под запрет.

Так, конституционное право «на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не

запрещенной законом экономической деятельности», гарантированное ч. 1. ст. 34 Конституции Российской Федерации, ограничивается в отношении военнослужащих запретом заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы (абз. 2 п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). Цель такого ограничения прав, а в отдельных случаях – даже полных запретов на их осуществление закреплена в п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и состоит в повышении эффективности прохождения гражданами военной службы как особого рода федеральной государственной службы и пресечении возможности коррупционного поведения военнослужащих, в том числе в форме злоупотребления своим служебным положением⁸.

Также законодателем ограничено право военнослужащего на участие в предпринимательской деятельности, в том числе и в форме участия в создании (учреждении) юридического лица – коммерческой организации и управлении ее деятельностью, а также в форме индивидуальной предпринимательской деятельности.

Данный запрет имеет не только антикоррупционную направленность⁹, но и, по нашему мнению, имеет цель стабилизировать предпринимательские (коммерческие) отношения в целом: так, одним из основных принципов договорного права является принцип надлежащего исполнения сторонами договора своих обязательств – в надлежащее время, в надлежащем месте и надлежащим способом, а часто – и надлежащим лицом, поскольку не всегда возможно исполнение обязательства третьим лицом¹⁰,

⁸ Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

⁹ Землин А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 3. С. 92 – 102; Корякин В.М. Антикоррупция-2016: Приоритет – усилению контроля за соблюдением антикоррупционных запретов, ограничений и исполнением дополнительных обязанностей антикоррупционного характера // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 1. С. 4 – 9.

¹⁰ Статьи 309, 313, 314 – 316 ГК РФ; пп. 9, 17, 20 – 26, 35, 47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» от 22 ноября 2016 г. № 54; пп. 22, 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» от 24 марта 2016 г. № 7.

а исполнение обязанностей военной службы исключает возможность надлежащего исполнения военным служащим обязательств и осуществления контроля за их исполнением со стороны наемных работников.

Кроме того, участие военным служащего-предпринимателя в вооруженном конфликте не только приведет к невозможности (надлежаще) исполнить обязательства, следующие из договора, но и исключит возможность применения к нему мер гражданско-правовой ответственности за такое нарушение, поскольку вооруженный (военный) конфликт может рассматриваться как обстоятельство непреодолимой силы¹¹, которое влечет освобождение участника договорных отношений от ответственности за неисполнение обязательств по договору и приостановление течения срока исковой давности (п. 1 ст. 202, п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Понятно, что такая потенциальная возможность «безнаказанного» неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств не только противоречит основам гражданского оборота товаров, работ и услуг, но и влечет его нестабильность, что в конечном счете приведет к убыткам у самих субъектов предпринимательской деятельности (включая контрагентов ненадлежащей стороны), государства, не получившего соответствующей суммы налогов и иных платежей, и к ухудшению положения конечных потребителей продукции.

Именно исходя из вышеприведенного считаем запрет военным служащим заниматься предпринимательской деятельностью соответствующим интересам не только обороноспособности государства в целом, но и стабильности экономики в целом, а также целям защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства и потребителей.

Одним из проблемных вопросов, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, является потенциальная

для военным служащего возможность стать именно в период прохождения военной службы наследником предприятия, а также акций, доли в ООО или в товариществе. При этом военным служащие не вправе участвовать в управлении коммерческими организациями, за исключением случаев, когда непосредственное участие в управлении указанной организацией входит в должностные обязанности военным служащего.

И если с акциями трудностей быть не должно – их можно передать в доверительное управление, произвести отчуждение по рыночной стоимости и т. д. еще в период военной службы, то с остальными видами имущества и у самого военным служащего, и у других наследников, а также у третьих лиц могут возникнуть проблемы: с одной стороны, военным служащий не может принять эту часть наследственной массы пропорционально своей доле, с другой – у иных наследников может не оказаться средств для выплаты военным служащему стоимости его доли в части стоимости указанных объектов, невозможным может оказаться предоставление ему иного имущества из наследства в счет причитающейся ему доли, также и он сам может не выразить согласия на такую замену.

В отношении лица, проходящего военную службу по призыву, данная ситуация может и не иметь критического значения: во-первых, срок принятия наследства составляет шесть месяцев (абз. 1 п. 1 ст. 1154 ГК РФ) и может истечь к моменту окончания срока службы; во-вторых, если между наследниками имеется тот или иной спор по поводу наследования, то раздел наследственной массы затянется намного дольше, чем срок службы, у лица прекратится правовой статус военным служащего и оно сможет принимать любое имущество, входящее в состав наследственной массы, без ограничений. Если же срок принятия наследства истечет ранее окончания военной службы, военным служащий решит принять наследст-

¹¹ Корякин В.М. Вооруженный конфликт как обстоятельство непреодолимой силы в гражданско-правовых отношениях // Военно-юрид. журн. 2015. № 1. С. 17 – 23.

во, а спора по поводу наследства у наследников не возникнет, то ситуация может разрешаться на основании ст. 1155 ГК РФ либо с использованием возможностей, предоставляемых договором доверительного управления (гл. 53 ГК РФ).

Однако применение положений ст. 1155 ГК РФ ведет к ущемлению прав и законных интересов других наследников, поэтому логичным видится следующий выход: в ст. 1154 названного Кодекса следует внести дополнение в виде п. 4 следующего содержания: «Течение срока принятия наследства приостанавливается на период прохождения лицом, призываемым к наследованию, военной службы по призыву, а также нахождения лица, призываемого к наследованию, в Вооруженных Силах, переведенных на военное положение».

Если же военнослужащий проходит службу по контракту, то в случае его намерения продолжать военную службу он будет вынужден отказаться от принятия наследства в целом (если не будет достигнуто между наследниками соглашение о выплате военному служащему стоимости причитающейся ему доли наследуемого имущества, служащего основанием осуществления предпринимательской деятельности), так как частичное или под условием (с оговорками) принятие наследства невозможно, поскольку наследование является видом универсального правопреемства (п. 1 ст. 1110, ст. 1112, п. 2 ст. 1152 ГК РФ). Если же военнослужащий решит принимать такое наследство, то он вынужден будет оставить военную службу. Оба варианта как нарушают права военнослужащего (либо на реализацию своего профессионального потенциала, либо на осуществление права наследования), гарантируемые Конституцией Российской Федерации, так и наносят вред интересам государства: как правило, наследниками граждане становятся в зрелом возрасте, с определенным профессиональным опытом и навыками, особенно это ка-

сается лиц, имеющих боевой и т. п. опыт. Кроме того, такая ситуация опять же наносит вред стабильности предпринимательской деятельности и интересам всех вовлеченных в нее субъектов (контрагентов, иных участников обществ и товариществ, собственников предприятия и пр.).

Решение видится в предоставлении военному служащему права передать такие объекты наследственной массы в доверительное управление иным сонаследникам или наемному представителю (в рамках договоров поручения или доверительного управления), как это устанавливалось дореволюционным законодательством.

Отметим, что в некоторых иностранных государствах военнослужащие имеют право осуществлять предпринимательскую или иную коммерческую деятельность в форме участия в управлении юридическим лицом (США, ФРГ, Франция), но в свободное от службы время и если это не мешает интересам службы.

Еще одним ограничением прав военнослужащих выступает запрет получать гонорары за публикации и выступления, связанные с исполнением обязанностей военной службы (абз. 5 п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), который противоречит абз. 3 п. 2 ст. 1295 ГК РФ: автор служебного произведения имеет право на вознаграждение. Данный вопрос рассматривался нами ранее¹², однако отметим, что указанный запрет представляется нелогичным и не соответствующим самой сути творческого труда: достижение его результата не может быть гарантировано, таким образом работодатель (в лице соответствующего органа) оплачивает процесс создания объекта интеллектуальных прав, использование же его результата составляет иное правоотношение и потому должно быть оплачено.

В соответствии с абз. 2 п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие имеют право на занятие научной деятельностью, результатом

¹² Слепко Г.Е. Права на результаты интеллектуальной деятельности военнослужащих: вопросы межотраслевого регулирования // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 12. С. 51 – 56.

которой выступает создание научного произведения либо объекта патентных или иных прав. В соответствии со ст. 1268 ГК РФ право опубликовать результаты научного труда принадлежит самому автору, если право использования произведения не передано другому лицу по соответствующему договору. Если же лицо (в том числе и военнослужащий) создаст произведение, которое будет содержать в себе сведения, составляющие государственную тайну, то оно будет засекречено в соответствии с Законом Российской Федерации «О государственной тайне» и не будет открыто опубликовано. Статья 1357 ГК РФ также предусматривает приоритетное право на получение патента на охраноспособный результат технического творчества за его автором. Исключение составляет право подачи заявки на секретное изобретение: физическое лицо имеет право подать заявку на выдачу патента на секретное изобретение, только если имеет допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, по соответствующей форме (ст. 1401 ГК РФ, п. 2 Административного регламента предоставления Министерством обороны Российской Федерации государственной услуги по организации рассмотрения заявок и выдачи патентов на секретные изобретения, относящиеся к средствам вооружения и военной техники, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 23 июля 2012 г. № 2020). Кроме того, если лицо, имея соответствующий допуск к работе со сведениями, составляющими государственную тайну, создаст объект интеллектуальной собственности, информация о котором будет засекречена, а впоследствии утратит такой допуск, то он также утратит право доступа (дальнейшей работы, использования и пр.) к результату своей интеллектуальной деятельности, что вполне логично и соответствует законодательству о государственной тайне.

Таким образом, как отмечает А.В. Кудашкин, ограничение военнослужащих в

экономических правах имеет двойкий характер: ограничение военнослужащих в занятии определенной деятельностью приводит, в свою очередь, к ограничению (либо в целом лишению) военнослужащего в возможности пользоваться некоторыми имущественными благами в связи с исполнением военной службы. А поскольку свобода занятий представляет собой одно из существенных прав человека, направленных на обеспечение его существования и удовлетворение потребностей, то ее ограничение как нарушение частных интересов гражданина может быть определено только наличием более общественно важного интереса в публичной сфере: обеспечением безопасности и обороны государства, реализовать которое и призваны военнослужащие¹³.

Поскольку специальный правовой статус военнослужащего граждане приобретают с момента начала военной службы (ч. 10 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), а окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части (ч. 11 указанной статьи), то запреты на работу по трудовому договору вне связи с преподавательской, научной и творческой деятельностью, а также на осуществление предпринимательской деятельности распространяются и на внеслужбное время. В то же время полагаем, что рассмотренные ограничения гражданских прав военнослужащих действуют только в период между датами начала и окончания военной службы, хотя отдельные правоотношения могут «выпадать» и на указанный период (например, ответственность по его долгам как индивидуального предпринимателя или юридического лица, которым или участником (учредителем) которого военнослужащий являлся до поступления на военную службу, и пр.). И хотя внеслужбным временем военнослужащие распоряжаются по своему усмотрению, рос-

¹³ Кудашкин А.В. Военная служба и военнослужащих в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М., 2001.

сийский законодатель ввел полный запрет на отдельные виды деятельности для военнослужащих, тем самым чрезмерно ограничив их права и свободы, что не соответствует ни мировой практике, ни уровню социально-экономического развития Российской Федерации. Представляется необходимым и более правильным внести изменения в ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», сняв запрет на реализацию военнослужащими определенных экономических прав, но создав при этом систему правовых норм, ограничивающую военнослужащих в возможности использовать служебное положение в ущерб интересам военной службы.

Рассмотренные нами вопросы правового состояния личности военнослужащих не

являются исчерпывающими: особенности правового статуса военнослужащего влияют на реализацию им своих свобод, осуществление прав и исполнение обязанностей и в других сферах жизни человека и общества (в семейных, жилищных, социально-обеспечительных и др.), но и последние оказывают значительное влияние на качество прохождения военной службы, и потому все они не могут рассматриваться в отрыве друг от друга.

Система ограничений и запретов на осуществление военнослужащими определенных прав требует дальнейшей разработки и корректировки в целях приведения в соответствие с потребностями общества в целом и гражданина как его имманентной составляющей.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИИ (ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ)

О.А. Овчаров, кандидат юридических наук, кафедра военной администрации, административного и финансового права Военного университета

По сообщению средств массовой информации (Interfax-Russia.ru), российский Генштаб 7 декабря 2017 г. объявил о полном освобождении территории Сирии от террористов. «Все бандформирования ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ) на территории Сирии уничтожены, а сама территория освобождена. Министр обороны РФ генерал армии Сергей Шойгу доложил об этом час назад Верховному Главнокомандующему, Президенту РФ

Владимиру Путину», – сказал начальник Генштаба. «Таким образом, на сегодняшний день территории, подконтрольной ИГИЛ, на территории Сирии не существует», – подчеркнул начальник Генштаба, добавив, что освобождено более 1 тыс. населенных пунктов и деблокированы основные коммуникации¹.

Как видно, основные боевые действия российских войск на территории Сирии завершены, поставленные перед войсками

¹ Освободили от террористов. URL: <http://www.interfax-russia.ru/view.asp?id=892632> (дата обращения: 12.12.2017).

задачи по разгрому противника выполнены. Самое время проанализировать суть вооруженного противостояния, природу терроризма в религиозном ее исполнении и правовые средства по его предотвращению, в том числе и на территории России. Ведь религиозный экстремизм и основанный на его почве терроризм уже много тысячелетий используется противоборствующими сторонами для возбуждения на территории противника религиозной ненависти и вражды, а на их почве – разжигания вооруженных конфликтов и войн с целью ослабить и покорить вероятного противника различными способами, навязать ему на его территории правовой режим, выгодный победителю для последующего «законного» разграбления и ослабления.

Опыт боевых действий в Сирийской Арабской Республике проанализирован Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации и приведен в пособии «Основы победы в бою». Авторы пособия, в частности, указывают, что необходимым условием успешных боевых действий является поддержание высокого морального духа. При этом отмечается, что, хотя современный бой можно назвать высокотехнологичным, моральный фактор по-прежнему во многом определяет исход боевых действий. В боевых условиях высокий моральный дух является одним из важнейших элементов боеспособности соединения, воинской части, подразделения². Как видно, боевой опыт в очередной раз свидетельствует об огромной роли морального духа в вооруженной борьбе, на поле боя, о необходимости его постоянного повышения и поддержания на высоком уровне, обеспечивающем боеспособность войск.

Отечественный многовековой исторический опыт и современная практика зарубежных государств свидетельствуют о большой роли в поддержании и всемерном

повышении морального духа войск, нравственных основ военной службы, духовных качеств воинов такого организационно-правового средства, как военное духовенство.

Хотя в большинстве стран мира церковь формально отделена от государства, она имеет прочные позиции в вооруженных силах. Ее представители в армии и на флоте – капелланы – пользуются всеми правами и привилегиями офицеров, находятся на полном содержании военного ведомства. В наставлении американской армии FM 16-5 «Капеллан» записано: «Капеллан является первым советником и консультантом командира по всем вопросам, связанным с религией, нравственностью и моральным состоянием личного состава части». Здесь же подчеркивается, что в обязанности капеллана входит «помощь военнослужащим в выработке таких качеств, как стойкость, выносливость, непримиримость к врагу, почтительность к командирам и начальникам». Иными словами, круг обязанностей военного священника выходит далеко за пределы чисто религиозной деятельности и включает в себя формирование воинских качеств солдат и матросов, их взглядов и настроений, морально-политического облика³.

В Германии формы работы военных священников определены директивой министра обороны ФРГ: богослужения и обряды; работа в советах при командирах частей, занятия вопросами морали; групповые и индивидуальные беседы с воинами; участие в организации их досуга и т. д. В 1978 г. создано научно-исследовательское учреждение Военно-церковной службы бундесвера – католический институт теологии и мира⁴.

Таким образом, можно увидеть, что военное духовенство в войсках не только занимается удовлетворением религиозных

² Основы победы в бою: пособие / В.В. Герасимов [и др.]. М., 2017. С. 14 – 15.

³ Религиозная пропаганда в зарубежных армиях // Зарубежное военное обозрение. 2014. 7.01. URL: <http://www.zvo.su/voennye-problemy/religioznaya-propaganda-v-zarubezhnyh-armiyah.html> (дата обращения: 19.11.2017).

⁴ Баранов В. Военные священники: зарубежный опыт // Белорус. воен. газ. 2011. № 185. URL: <http://vsr.mil.by/2011/09/29/voennye-svyashhenniki-zarubezhnyj-opyt/> (дата обращения: 19.11.2017).

нужд личного состава, реализацией его прав на свободу вероисповедания, но и участвует в боевом обеспечении – поддержании высокого морального духа войск – одного из важнейших условий достижения победы в бою. Вместе с тем, религиозный экстремизм представляет серьезную угрозу высокому моральному духу личного состава, угрозу выполнения боевых задач и достижения побед, так как ведет к религиозной ненависти и вражде, подрывает духовные основы боевого товарищества, единства и сплоченности воинских коллективов. И здесь большую помощь в противодействии этим угрозам и их профилактике, в повышении единого морального духа войск может оказать военное духовенство.

Угрозы религиозного экстремизма и терроризма настолько велики и актуальны, что достаточно подробно регламентируются и учитываются в законодательстве России. В соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции России запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание религиозной розни. В силу ч. 2 ст. 29 Конституции России не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда религиозного или языкового превосходства. Таким образом, в религиозной сфере деятельности установлены три конституционных запрета:

- на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание религиозной розни;
- на пропаганду или агитацию, возбуждающие религиозную ненависть и вражду;
- на пропаганду религиозного превосходства.

Перечисленные конституционные запреты свидетельствуют о масштабности проблемы борьбы с религиозным экстремизмом, которая получает свое продолжение не только в уголовном законодательстве (ст.ст. 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации), но и

в специальном посвященном решении этой проблемы Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», который в ст. 1 к экстремистской деятельности относит, в частности, возбуждение религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности и отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование законной деятельности религиозных объединений, соединенное с насилем либо угрозой его применения.

Таким образом, религиозная составляющая экстремизма и противодействие ей занимает большое место в деятельности уполномоченных органов, в том числе и органов военного управления в условиях жизнедеятельности войск. С учетом того что командиры не имеют соответствующей религиозной подготовки, чтобы организовать указанное противодействие религиозному экстремизму в условиях военной службы, помощь в этом подготовленных, опытных и квалифицированных специалистов по религиозной деятельности в лице военного духовенства весьма актуальна и востребована.

В ст. 2 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» перечисляются основные принципы противодействия экстремизму. Среди них можно выделить такие важные, как:

- признание, соблюдение и защита прав (в том числе и на вероисповедание) и свобод человека и гражданина, а равно *законных интересов организаций* (в том числе *религиозных*);
- *приоритет обеспечения безопасности России* (в том числе и в оборонной, и в религиозной сфере);
- приоритет мер, направленных на *предупреждение* экстремистской деятельности;
- *сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями,*

инными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности.

Указанные основные принципы не только показывают роль военного духовенства в противодействии экстремизму, но и являются одновременно *законодательной основой для организации и деятельности военного духовенства* в армейской среде, в гуще воинских коллективов. Как видно, указанные принципы в числе прочих предписывают признавать, соблюдать и защищать право на вероисповедание, а равно законные интересы религиозных организаций в надлежащей реализации этого права в среде верующих военнослужащих, в военных организациях.

Общаясь с личным составом, военный священник помогает командирам управлять внутренним религиозным климатом, настроениями, взглядами и мировоззрением солдат, помогает выявлять и пресекать в корне все негативные факторы религиозного экстремизма, планировать и осуществлять систему мероприятий по предупреждению экстремистской деятельности.

Особенно показателен в этом отношении принцип сотрудничества государства с религиозными организациями в противодействии экстремизму. Опираясь на это законоположение, необходимо в задачи военного духовенства (помощников командиров по работе с верующими военнослужащими) включить как в утвержденное Священным Синодом 25 – 26 декабря 2013 г. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации⁵, так и в Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации⁶, утвержденное Министром обороны Российской Федерации 24 января 2010 г., также и задачу по сотрудничеству с командованием по вопросам предупреждения религиозного экстремизма, а в обязанности (функции) – участие в планировании и проведе-

нии мероприятий по выявлению и устранению причин и условий возникновения и распространения религиозного экстремизма.

Представляет особый интерес для военного духовенства и ст. 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», предусматривающая основные направления противодействия экстремистской деятельности:

– принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

– выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Здесь уместно отметить, что богослужбная и просветительская деятельность военного духовенства в гуще войск как раз и является таким принятием профилактических мер, направленных на предупреждение экстремизма. Ведь именно исповедуемое большинством населения страны православное учение несет людям мир, радость, милосердие, великодушие, долготерпение, мужество, миролюбие, любовь (при этом любовь не только к соратникам, но даже к врагам) и многое другое, что так необходимо каждому, независимо от вероисповедания и национальности. Так, Священное Писание, провозглашая заповеди блаженства, говорит: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5; 5, 7, 9). А в заповедях совершенства Священное Писание учит: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за оби-

⁵ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html>

⁶ URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831%40egNPA

жающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5: 43 – 48).

Анализируя криминологические аспекты современной преступности, О.В. Дамаскин вскрывает причинно-следственную связь, обуславливающую рост преступности, и приходит к выводу: «Извращается духовно-мотивационная сфера личности, материальная выгода индивидуалистической направленности оттесняет истинные духовные ценности. Распространяется культ насилия, в том числе вооруженного, применение силы рассматривается как доминирующий способ существования, как средство решения межличностных и межнациональных противоречий. Резко возросла преступность, в первую очередь преступления против жизни, здоровья и материальных основ существования человека»⁷. Как видно, извращение духовных и моральных ценностей ведет к вооруженному насилию, росту преступности. Следовательно, с подобными извращениями необходимо бороться, пресекать их на корню, особенно в войсках.

Поэтому в законодательстве должен быть поставлен жесткий заслон подобным явлениям, подрывающим изнутри оборону и безопасность государств. Большую роль в этом призвана играть правовая работа в сфере государственно-церковных отношений, призванная исключить подобные явления, когда извращается мораль, когда под видом религиозной свободы совершаются злодеяния. Важную роль в этом может играть и духовенство, в том числе военное, на протяжении веков представляю-

щее подавляющее большинство населения страны. Оно заинтересовано в наведении порядка в этих отношениях, а его представители являются специалистами в этой области и могут оказать существенную помощь в правильном решении возникающих проблем по этой части.

Выводы

1. На повестку дня встал вопрос формирования единой государственной политики в области религиозной безопасности. В основе этой религиозной политики лежит Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», значительную часть которого составляют положения о противодействии религиозному экстремизму, т. е. опасным (для общества и государства) отклонениям от нормы в сфере религиозных отношений. Цель указанной государственной политики должна исходить из приведенного в ст. 2 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» основного принципа противодействия экстремизму – из приоритета обеспечения безопасности России. Таким образом, цель государственной религиозной политики – обеспечение безопасности России в религиозной области, в сфере отношений государства и религиозных организаций. Важное место в этом деле должно отводиться военному духовенству.

2. В ст. 2 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» установлен основной принцип – сотрудничество государства с религиозными организациями в противодействии экстремизму. Опираясь на это законоположение, необходимо имплементировать его в подзаконные акты и в задачи военного духовенства (помощников командиров по работе с верующими военнослужащими) включить (как в утвержденное Священным Синодом Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации, так и в Положение по организации работы с верующими военнослужащими

⁷ Дамаскин О.В. Криминологические аспекты противодействия преступности: науч.-практ. пособие. М., 2017. С. 137.

Вооруженных Сил Российской Федерации) также и задачу по сотрудничеству с командованием по предупреждению религиозного экстремизма. А в обязанности (функции) военного духовенства включить участие в планировании и проведении мероприятий по выявлению и устранению причин и условий возникновения и распространения религиозного экстремизма.

3. Роль военного духовенства в противодействии религиозному экстремизму в войсках неопределима, поскольку боевой дух и сплоченность воинских коллективов, а значит, и их боеготовность, основываются на войсковом товариществе и взаимовыручке, а религиозная ненависть и вражда может причинить значительный ущерб этим важным качественным и боевым характеристикам личного состава, закрепленным в общих обязанностях военнослужащих и установленных в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. Поэтому командование должно активно сотрудничать с военным духовенством в вопросах профилактики религиозного экстремизма, а военное духовенство должно представлять собой высокоорганизованную структуру, состоящую из профессионалов, способных достойно и эффективно помогать командирам обеспечивать безопасность воинских коллективов в духовной и религиозной сферах.

4. В целях законодательного закрепления правовых оснований деятельности военного духовенства в войсках по оказанию командованию помощи в реализации конституционных прав военнослужащих на свободу вероисповедания, реализации конституционных запретов на возбуждение религиозной ненависти и вражды в условиях военной службы, а также в целях законодательного закрепления правового положения военного духовенства в государстве и военных организациях ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» необходимо дополнить п. 6 следующего содержания:

«6. Право военнослужащих на свободу совести и свободу вероисповедания реа-

лизуется в том числе и посредством военного духовенства, оказывающего помощь командованию в обеспечении духовных нужд и религиозных потребностей подчиненных, противодействия религиозному экстремизму, возбуждению религиозной ненависти и вражды между военнослужащими.

Военное духовенство – священнослужители, оказывающие командованию помощь на договорной основе по обеспечению в военной (правоохранительной) организации реализации конституционных прав на свободу вероисповедания и поддержанию высокого морального духа войск. Военный священнослужитель – это представленное религиозной организацией (не имеющее руководящих органов за рубежом) и согласованное с командованием лицо мужского пола, имеющее гражданство России, религиозное образование, священный сан, опыт службы в качестве священнослужителя и специальную военную подготовку, находящееся в прямом подчинении своего священноначалия и осуществляющее свою деятельность в военной организации в порядке, согласованном с командованием. Вероисповедание военного священнослужителя определяется вероисповеданием большинства личного состава военной организации, им обслуживаемой.

Правовое положение военного духовенства определяется законодательством, внутренними установлениями соответствующих религиозных объединений, договорами (соглашениями), в том числе Соглашением, заключаемым главой государства с главой религиозного объединения, и Положением о военном духовенстве, утверждаемом указом Президента России. Военное духовенство должно находиться при обслуживаемых военных организациях как в мирное, так и в военное время, сопровождать личный состав во время учений и боевых действий. Финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности военного духовенства возлагается на Правительство России, исходя из того, что возна-

граждение военного священнослужителя должно быть не менее денежного содержания помощника (начальника службы) руководителя обслуживаемой организации по должности, а по званию не ниже, чем на два звания ниже звания руководителя обслужи-

ваемой организации. Командиры (начальники) обязаны создать благоприятные условия для реализации подчиненными своих прав на свободу вероисповедания и для реализации военным духовенством своих полномочий».

Издательство информирует о выходе книги:

Титов В.В. Справочник по совершению нотариальных действий в военных организациях / В.В. Титов. – М.: Центр правовых коммуникаций, 2017. – Вып. 2. – 224 с. – (Серия «Юридическая энциклопедия военнослужащего»)

Содержание

Введение

Глава 1. Нотариальные полномочия командиров воинских частей: история и современность

§ 1. История развития нотариальных полномочий должностных лиц органов военного управления

§ 2. Правовое регулирование совершения командирами воинских частей нотариальных действий: современность и перспективы

Глава 2. Совершение командирами воинских частей отдельных видов нотариальных действий, обжалование нотариальных действий, совершенных командирами воинских частей

§ 1. Удостоверение командирами воинских частей доверенностей

§ 2. Порядок совершения нотариальных действий при удостоверении завещаний

§ 3. Жалобы на нотариальные действия, совершенные командирами воинских частей, или на отказ в их совершении

Глава 3. Нотариальное делопроизводство в воинской части. Регистрация нотариальных действий

§ 1. Организация нотариального делопроизводства в воинской части

§ 2. Регистрация нотариальных действий. Порядок ведения и заполнения реестров для регистрации нотариальных действий

Глава 4. Особенности совершения нотариальных действий в чрезвычайных обстоятельствах

§ 1. Правовое регулирование совершения нотариальных действий в чрезвычайных обстоятельствах

§ 2. Совершение военнослужащими завещаний в чрезвычайных обстоятельствах

Приложения

Заказать книгу можно, направив заявку в редакцию по электронной почте pvsypo@mail.ru
Стоимость книги 500 руб. (без учета почтовых расходов по пересылке).

Информация

В Приморском крае осужден военнослужащий, 9 лет назад самовольно оставивший место службы

Доказательства, собранные 304 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения приговора в отношении военнослужащего войсковой части 86359 рядового З. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ (дезертирство).

Следствием и судом установлено, что в ноябре 2007 года З. самовольно оставил место службы и более 9 лет скрывался от командования и органов предварительного следствия, в октябре 2017 года он задержан сотрудниками правоохранительных органов в г. Владивостоке.

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда З. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года с отбыванием в колонии общего режима.

19.01.2018

<http://gvsu.gov.ru/news/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ, АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ*

Корякин В.М. О порядке присвоения воинских званий гражданам, поступающим на военную службу в органы военной прокуратуры и в военные следственные органы

Статья представляет собой комментарий положений законодательства о военной службе, касающихся порядка присвоения воинских званий гражданам, поступающим на военную службу в органы военной прокуратуры и в военные следственные органы, в том числе – имеющим специальные звания или классные чины прокурорских работников. Анализируются нормы Федерального закона от 27 ноября 2017 г. № 357-ФЗ «О внесении изменения в статью 47 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”».

Ключевые слова: военная служба; военная прокуратура; военные следственные органы; воинские звания; специальные звания

On the order of awarding military ranks to the citizens arriving on military service in bodies of military Prosecutor and military investigating bodies

V. M. Koryakin, doctor of legal Sciences, Professor, Professor of the Military University, Deputy Director of the Juridical Institute of FGBOU VPO «Russian University of transport (МИТ)», pvsvpo@mail.ru

The article presents a review of the provisions of the law on military service concerning procedure of awarding military ranks to the citizens arriving on military service in military Prosecutor's office and military investigatory bodies, including having special ranks or class ranks of prosecutors. Analyzes the norms of the Federal law from November 27, 2017 No. 357-FZ “On amendments to article 47 of the Federal law “On military duty and military service””.

Key words: military service; military Prosecutor, military investigation bodies; rank; special rank.

Бибблиографический список:

1. Корякин, В.М. Новая структура органов, созданных для обеспечения обороны страны, и органов, в которых предусмотрена военная служба / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. – 2014. – № 8;

2. Корякин В.М. Некоторые вопросы прохождения военной службы военными прокурорами / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. – 2017. – № 3.

***

Зайков Д.Е. О некоторых вопросах привлечения военнослужащих и иных государственных служащих к административной ответственности (комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 46).

В статье автор анализирует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 46, явившееся первым разъяснением по вопросам судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности за нарушение порядка привлечения бывшего государственного (муниципального) служащего к трудовой деятельности или выполнению работ (оказанию услуг) на условиях гражданско-правового договора.

Ключевые слова: противодействие коррупции, государственный (муниципальный) служащий, ограничение, трудовой договор, гражданско-правовой договор, административная ответственность.

On some issues of bringing servicemen and other civil servants to administrative responsibility (commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 28, 2017 No. 46)

D. E. Zaykov, PhD, pvsvpo@mail.ru

In the article the author analyzes the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 28, 2017 No. 46, which was the first explanation on the issues of

judicial practice in cases of bringing to administrative responsibility for violating the procedure for attracting a former state (municipal) employee to work or performing work services) on the terms of a civil law contract.

Key words: counteraction to corruption, state (municipal) employee, restriction, labor contract, civil law contract, administrative responsibility.

Бибблиографический список:

1. Зайков, Д.Е. Ограничения при заключении трудового или гражданско-правового договора как инструмент противодействия коррупции [Текст] / Д.Е. Зайков // Законодательство. – 2016. – № 3.

2. Зайков, Д.Е. Юридические лица как субъекты антикоррупционных отношений [Текст] / Д.Е. Зайков // Гражданин и право. – 2016. – № 4.

3. Зайков, Д.Е. Правовое регулирование преодоления ограничения при заключении трудового или гражданско-правового договора как инструмента противодействия коррупции // Гражданин и право. – 2017. – № 8.

***

Чешко В.Ю. Дисциплинарное производство в отношении военнослужащих: понятие и структура

В статье рассмотрены научные представления и правовые подходы по определению процесса привлечения к дисциплинарной ответственности различных категорий субъектов в Республике Беларусь. В ходе анализа соотношения понятий «дисциплинарное производство» и «служебное разбирательство» обоснована необходимость их упорядочения и правового закрепления. Предложена структура дисциплинарного производства в отношении военнослужащих.

Ключевые слова: воинская служба, дисциплинарное производство, дисциплинарная ответственность, служебное разбирательство.

Disciplinary trial concerning the military personnel: concept and structure

Cheshko V.Yu., master of law, postgraduate student at the department of constitutional law, faculty of law Belarusian State University captain of justice, pvsvpo@mail.ru

In article scientific representations and legal approaches by definition of process of attraction to disciplinary responsibility of various categories of subjects in Republic of Belarus are considered. During the analysis of a ratio of the concepts “disciplinary trial” and “service investigation” need of their streamlining and legal fixing is proved. The structure of disciplinary trial concerning the military personnel is offered.

Key words: military service, disciplinary trial, disciplinary responsibility, service investigation.

Бибблиографический список:

1. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д.Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 3-е изд., пересмотр. и доп. – М., 2007. 816 с.

2. Чуприс, О. И. Проблемы понимания и правового регулирования управленческого процесса в Республике Беларусь. Право и демократия. Вып. 27. Минск, 2016. С. 86–93.

3. Чуприс, О. И. Унифицированное совершенствование института дисциплинарной ответственности в системе государственной службы Республики Беларусь. Пром.-торговое право. Минск, 2009. № 7. С. 77–83.

4. Чухраева, М. С. Стадии производства по материалам о дисциплинарных проступках, совершенных военнослужащими [Электронный ресурс] / М. С. Чухраева // ЭНИ «Военное право». 2010. № 4. – Режим доступа: <http://www.voennoepravo.ru/node/4185> – Дата доступа: 11.01.2017.

5. Бялт, В. С. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 24 с.

* В соответствии с правилами, утвержденными ВАК Минобрнауки и Минобрнауки России, в данном разделе помещена обязательная информация о статьях, носящих научный характер. В иных статьях и материалах размещение такой информации не является обязательным (примеч. - А.В. Кудашкин).

6. Шурупова, Е. А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации: административно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 218 л.

7. Крамник, А. Н. Административное право : учеб. пособие. Ч. 3 : Процессуально-исполнительное право. Минск, 2011. 237 с.

8. Василевич, С. Г. Сроки в административно-деликтном праве. Законность и правопорядок. Минск, 2016. № 1. С. 25–30.

9. Мотина, Е. В. Понятие срока в трудовом праве. Право и демократия. Вып. 21. Минск, 2010. С. 168–177.

***

Харитонов С.С. О соотношении законности и резонности при реализации военнослужащих права на профессиональную переподготовку

В статье анализируется судебная практика по вопросам реализации права военнослужащих, увольняемых с военной службы, на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей

Ключевые слова: судебная практика, профессиональная переподготовка военнослужащих

On the relationship between legality and reasonableness in the exercise of military personnel the right to professional retraining
S.S. Kharitonov, Colonel of Justice of the Reserve, Candidate of Law, Professor, pvsypo@mail.ru

The article analyzes judicial practice on the issues of exercising the right of servicemen who are dismissed from military service for professional retraining in one of the civilian specialties

Key words: judicial practice, professional retraining of servicemen

Библиографический список:

1. Гацко М.Ф. Проблемы реализации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку при их увольнении с военной службы. Право в Вооруженных Силах. 2009. № 2. С.17-24.

2. Корякин В.М. Как военнослужащему реализовать свое право на прохождение профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей. Право в Вооруженных Силах. 2006. № 12. С.4-6.

3. Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону "О статусе военнослужащих". - 5-е изд., перераб. и доп. Серия "Право в Вооруженных Силах - консультант". - М.: "За права военнослужащих", 2009. СПС Гарант.

***

Титов В.В. Совершение военнослужащими завещаний в чрезвычайных обстоятельствах

В статье рассматриваются особенности совершения военнослужащими завещаний в чрезвычайных обстоятельствах.

Ключевые слова: военнослужащие, завещание, чрезвычайные обстоятельства.

Execution of wills by military personnel in emergency circumstances

Titov V.V., lawyer, lieutenant colonel of justice (retired), itvictor@yandex.ru

The article discusses the features of implementation of the last will of a military man in extraordinary circumstances.

Key words: military men, commander, testament, extraordinary circumstances.

Библиографический список:

1. Гук Д.Н. Завещание в чрезвычайных обстоятельствах // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 8.

2. Конохов М.В. Гражданские права и обязанности военнослужащих в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., ВУ. 2012.

3. Мелехин А.В. Теория государства и права: учеб./ А.В. Мелехин. - М.: Маркет ДС, 2007.

4. Попова Ю. А., Федорова И.В. Завещание в чрезвычайных обстоятельствах: вопросы теории и практики Научный журнал КубГАУ, №109 (05), 2015 г.

***

Жабровский Р.А. Негативные аспекты деления закупки на части

Статья посвящена некоторым негативным аспектам закупки у единственного поставщика.

Ключевые слова: государственные закупки, государственный контракт, коррупция.

The negative aspects of the divide of procurement into several parts.

Zhabrovskiy R.A., legal adviser of the military unit, major, pvsypo@mail.ru

The article is devoted to some negative aspects of public procurement from a sole supplier.

Key words: public procurement, government contract, corruption.

Библиографический список:

1. Беляева, О.А. Правовые проблемы аукционов и конкурсов. М., 2011.

2. Бордунова, С.А. Правовые проблемы регулирования государственных и муниципальных заказов // Право и экономика. – 2012. – № 6.

3. Гримм, В., Пачини, Р., Спаньоло, Д., Занза, М. Разделение на лоты и конкуренция в закупках // Руководство по закупкам.

4. Свиных, Е.А. Противодействие сговорам участников закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 10.

***

Шапошников М.С., Шеншин В.М. О вопросах, возникающих в сфере исполнения должностными лицами воинских частей требований законодательства о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд при проведении аукционов

В представленной статье авторами обозначены некоторые вопросы, возникающие у должностных лиц воинских частей при проведении аукционов при исполнении требований законодательства о закупках товаров, работ, услуг, предложены пути решения таких проблем.

Ключевые слова: аукцион, государственные нужды, воинская часть, закупка товаров, работ, услуг.

About issues arising in the field of execution by officials of the military units of the requirements of the legislation on procurement of goods, works and services for state needs in conducting auctions

Shaposhnikov M.S., deputy military prosecutor 53 military prosecutor's office (garrison); Shenshin V.M., teacher of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Command of the St. Petersburg Military Institute of the Russian Guard, the candidate of jurisprudence, pvsypo@mail.ru

In this article the authors identify some issues arising from officials of military units in conducting auctions in the performance of requirements of the legislation on procurement of goods, works, services, proposed solutions to such problems.

Key words: auction, public needs, military unit, procurement of goods, works, services.

Библиографический список:

1. Назарова И.С., Шеншин В.М. Актуальные проблемы, возникающие в сфере исполнения государственных контрактов бюджетных учреждений // Государственные закупки: сборник статей. Серия «Юридическая библиотека генерального директора». – 2016.

2. Назарова И.С., Шеншин В.М. Актуальные проблемы, возникающие в сфере исполнения государственных контрактов бюджетных учреждений // Юрист. 2015 г. № 6.

3. Назарова И.С., Шеншин В.М. Особенности заключения договоров энергоснабжения или договоров купли-продажи электрической энергии воинскими частями войск национальной гвардии Российской Федерации [Текст] / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах. – Военно-правовое обозрение. 2017. – № 9.

***

Ермолович Я.Н., Честнов Н.Е. Анализ оправдательных приговоров и иных решений военных судов, на основании которых уголовные дела были прекращены по реабилитирующим основаниям, либо были возвращены военному прокурору для устранения препятствий для их рассмотрения

В статье анализируется практика отмены судами апелляционной и кассационной инстанции приговоров гарнизонных военных судов, делаются выводы о причинах судебных и следственных ошибок.

Ключевые слова: уголовная ответственность, военнослужащие, военно-уголовное законодательство, военно-уголовное право, военный суд.

An analysis of acquittals and other decisions of military courts, on the basis of which criminal cases were terminated on rehabilitative grounds, or were returned to the military prosecutor to remove obstacles to their consideration

Y.N. Ermolovich, doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology FGKOU VO «The Moscow Academy Investigative Committee of the Russian Federation»; N.E. Chestnov, applicant of the Criminal Law Department of FGKVU VO «Military University» of the Ministry of Defense of Russia, psvvpo@mail.ru

The article analyzes the practice of abolishing the verdicts of the appellate and cassation instances of garrison military courts, making conclusions about the causes of the judicial and investigative errors.

Key words: criminal liability, servicemen, military criminal legislation, military criminal law, military court.

Библиографический список:

Фатеев, К. В. Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование) [Текст]: Монография / К. В. Фатеев. — М., 2004. — 250 с.

***

Степаненко Н.Е., Кожевников П.А. Вопросы уголовной ответственности военнослужащих за самовольное оставление части или места службы

В статье изложена позиция авторов об объекте и субъекте преступлений, предусмотренных статьей 337 УК РФ. Исследованы вопросы квалификации самовольного оставления части или места службы и отграничения этого преступления от смежных составов. Также предлагается уточнить редакцию части 1 статьи 55 УК РФ.

Ключевые слова: самовольное оставление, войсковая часть, место службы, статус военнослужащего, порядок пребывания, отграничение, дисциплинарная воинская часть.

Issues of criminal responsibility of servicemen for the unauthorized abandonment of part or place of service

In the article the position of authors about the object and the subject of crimes, provided for in Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation is stated. Questions of qualification of unauthorized abandonment of a part or a place of service and delimitation of this crime from adjacent structures are investigated. It is also proposed to clarify the wording of part 1 of Article 55 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: unauthorized abandonment, military unit, place of service, status of serviceman, order of stay, delimitation, disciplinary military unit.

Библиографический список

1. Ахметшин, Х.М. Уклонение от военной службы. // Военно-уголовное право: Учебник. Глава 10. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих». – 2008. – Вып. 93. – С. 180-204.

2. Петухов, Н.А. Преступления против порядка пребывания на военной службе. // Преступления против военной службы (Военно-уголовное законодательство Российской Федерации). Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации. – § 3. – Гл. 2. – М., 1999. – С. 98-122.

3. Степаненко, Н.Е. Актуальные проблемы уголовной ответственности военнослужащих за уклонение от военной службы. // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 1. – С. 113-118.

***

Соколов Я.О. Призыв на военную службу и ответственность по ученическому договору

В статье рассматривается один из актуальных вопросов применения судами норм трудового права: является ли увольнение в связи с призывом на военную службу основанием для освобождения гражданина от обязанности по отработке у работодателя, оплатившего расходы за его обучение?

Ключевые слова: ученический договор, трудовой договор, призыв на военную службу, работник, работодатель, ученик, отработка, увольнение, возмещение расходов, обучение, образование, уважительные причины.

Conscription and responsibility with the student contract

Y.O. Sokolov, lawyer, psvvpo@mail.ru

The article discusses one of the pressing issues faced by courts in labour law. Is conscription a basis for exemption of the citizen from the obligation to work on the employer who paid the expenses for training in the specialty?

Key words: student contract, employment contract, conscription, worker, employer, apprentice, work, dismissal, reimbursement, training, education, good reason.

Библиографический список:

1. Ключина А.А. Анохин С.А. Особенности возмещения работодателю затрат, связанных с обучением работника, как средство защиты интересов работодателя в Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2015, № 2. – С. 83 – 85.

2. Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» (постатейный) / Кулашкин А.В., Зорин А.С., Лобов Я.В., Тюрин А.И., Фатеев К.В., Шанхаев С.В. // Право в Вооруженных Силах - консультант. За права военнослужащих. 2007. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru>

3. Толочкова И.А. Сравнительная характеристика гражданско-правовых положений договора об оказании образовательных услуг и норм трудового права ученического договора // Вестник Поволжского института управления. 2015, № 5. – С. 55 – 60.

4. Сапфирова А.А., Петрушкина А.В. Пределы ограниченный трудовых прав и пределы защиты трудовых прав: вопросы теории // Теория и практика общественного развития. 2016, № 11. – С. 71 – 73.

***

Соколов Я.О. Проблема направления граждан на медицинское освидетельствование до рассмотрения заявления о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской

В статье дается правовая оценка отказов призывных комиссий в рассмотрении заявлений о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской до прохождения гражданами медицинского освидетельствования. Проводится анализ действующего законодательства и практики обжалования бездействия должностных лиц.

Ключевые слова: альтернативная гражданская служба, заявление, медицинское освидетельствование, медицинское обследование, призывная комиссия, военный комиссариат, обжалование, отсрочка, обучение.

The problem of the direction citizens on medical examination before the consideration of application about to replacement of military service with alternative civil service

Y.O. Sokolov, lawyer, psvvpo@mail.ru

The article gives a legal assessment of the refusals of draft boards to consider applications about replacing military service on call with alternative civil service to the citizens before medical examination. The author analyzes current legislation and the practice of appeal of inaction of officials.

Key words: alternative civil service, application, medical examination, medical investigation, draft board, military department, appeal, deferral, education.

Библиографический список:

1. Колесова Н.Ю. Военно-врачебная экспертиза. Справочное пособие. М. 2007.

2. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. N 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (постатейный) / Миронов В.И. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2009. – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru>

3. Левинсон Л.С. Альтернатива призыву: тем, кто делает выбор // За демократическую альтернативную гражданскую службу — М. 2006. . – Режим доступа: URL: http://www.biblioteka.freepress.ru/e_books/alternativa.htm

4. Мызников И.Л., Устименко Л.И., Трофимова А.Ю., Бурцев Н.Н. Военно-врачебная экспертиза призывников и ее качество // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 2013. N 3. - С. 32-36.

5. Панченко В.Ю., Сабитов М.Р. О правовом режиме реализации права на альтернативную гражданскую службу // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9. - С. 143 – 144.

6. *Пейтнев И.И.* Юридическое закрепление и проблемы реализации права на альтернативную гражданскую службу // Северо-Кавказский юридический вестник. 2007. № 4. - С. 71 – 76.

7. *Согийннен А.А.* Основные вопросы правового регулирования медицинского обеспечения подготовки и призыва на военную службу // ЭНИ «Военное право», 2014. № 3. - С. 75 – 80. Режим доступа: URL: <http://www.voennoerpravo.ru/magazinepravo>

8. *Фатеев С.К.* О некоторых вопросах медицинского освидетельствования призывников // Право в Вооруженных Силах, 2012. № 9. - С. 117-121.

9. *Фоков А.П.* О практике рассмотрения судами дел в сфере военной или альтернативной гражданской службы // Российский судья, 2008. № 5. - С. 2 – 3.

***

Кудашкин В.В. Международные договоры российской федерации с иностранными государствами в области военно-технического сотрудничества

Статья посвящена анализу международно-правового регулирования военно-технического сотрудничества российской федерации с иностранными государствами. проклассифицированы виды международных договоров, опосредующих экспорт российской продукции военного назначения. выявлены основные тенденции международно-правового регулирования в этой области.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, международный договор, продукция военного назначения.

International treaties of the russian federation with foreign states in the field of military-technical cooperation

V.V. Kudashkin, Secretary of State of JSC Rosoboronexport, Doctor of Laws, pvsvpo@mail.ru

The article is devoted to analyses of the international legal regulation of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states. Types of international treaties which regulate export of the Russian military products have been classified. Major trends of international legal regulation in this field have been identified.

Key words: military-technical cooperation, international treaty, military products.

***

Глухов Е.А. «Военнослужащий обязан проявлять разумную инициативу...» - трудности правоприменения

В статье анализируется норма Устава внутренней службы ВС РФ о разумной инициативе военнослужащего. Автор приходит к выводу о размытости данного понятия и субъективизме старшего командира при оценке разумности инициативы подчиненного, о возможности как поощрения, так и наказания за ее проявление.

Ключевые слова: разумная инициатива, военнослужащий, обоснованный риск, бюрократия, отход от шаблона, усмотрение командира, коррупциогенные факторы, самостоятельность, компетенция

“The serviceman is obliged to show a reasonable initiative ...” -difficulties of law enforcement

Е.А. Glukhov, Candidate of Law Sciences, colonel of justice, St. Petersburg military institute of troops of national guard, pvsvpo@mail.ru

In article the standard of the Charter of internal service of Russian Armed Forces on a reasonable initiative of the serviceman is analyzed. The author comes to a conclusion about blurring of this concept and subjectivity of the senior commander at assessment of rationality of an initiative of the subordinate, about opportunities both encouragement, and punishments for her manifestation.

Key words: a reasonable initiative, the serviceman, reasonable risk, bureaucracy, withdrawal from a template, the commander’s discretion, corrruptogenic factors, independence, competence

Библиографический список:

1. *Баиов, А.* Необходимая воинская добродетель. Вестник военных знаний. (Сараево). [Текст] / А.Баиов. 1929. № 3. С.1–8.

2. *Глухов, Е.А.* Вторжение в компетенцию военных должностных лиц в иерархической системе управления [Текст] / Е.А.Глухов // ЭНИ «Военное право». 2017. № 4. С. 49–53.

3. *Епифанов, П. П.* Воинский устав Петра Великого [Текст] / П.П.Епифанов // Петр Великий: Сб. статей / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 193.

4. *Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В.* Военно-административное право (военная администрация): учебник. М.: «За права военнослужащих». 2008.

5. *Мизес Л. фон.* Бюрократия. М. 2006.

6. *Морозов, Н. А.* Прусская армия эпохи Иенского погрома. Ее возрождение. Значение для нас этого поучения. [Текст] / Н.А.Морозов. СПб., 1912.

7. *Савкина, М.А.* Проблемы определения обоснованного риска в предпринимательской деятельности как обстоятельства, исключающего преступность деяния [Текст] / М.А.Савкина // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 64 – 66.

8. *Lind, William S.* Manoeuvre Warfare Handbook, Boulder, Colorado: Westview Press, 1985.

***

Нестеренко Д.Т., Кудашкин А.В. К вопросу о сущности секретного изобретения и признания недействительным патента на него

В статье рассматриваются некоторые вопросы сущности и влияния на экономические отношения (с учетом опыта США) квалификации изобретения как секретного и порядка признания недействительным патента на него, а также проблемы, обнаруженные в российском законодательстве, регулирующем указанные правоотношения, а также предлагаются возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: законодательство, изобретение, секретное изобретение, патент, недействительность, патентообладатель.

On the essence of the classified invention and the order of invalidation of patent therefor

Nesterenko D.T., The senior investigator of Department of inquiry and disciplinary practices of the military commandant’s office of St. Petersburg; Kudashkin A.V., Doctor of Law, Professor, pvsvpo@mail.ru

The article discusses the issues of the essence of a classified invention, its influence on state economics and invalidation of patent for classified inventions, and spaces, found in the Russian legislation regulating specified legal relations, as well as proposes possible solutions to the identified problems.

Key words: legislation, invention, classified invention, patent, invalidity, the patentee.

Библиографический список:

1. *Азовцев В.С.* Правовая охрана секретных изобретений в России: есть вопросы // Патенты и лицензии. 2014. № 5. С. 41-44.

2. *Барышев П.Ф., Рожнов А.В., Губин А.Н., Лобанов И.А.* Обоснование информационно-аналитической системы в развитии методов и моделей согласования иерархических решений / Динамика сложных систем – XXI век. 2014. № 3. С. 43-52.

3. *Борисова Н.К.* О некоторых противоречиях в сфере гражданско-правового регулирования отношений при патентовании изобретений в Российской Федерации // Юрист. 2011. № 8. С. 19-22.

4. *Быковская Е.А.* Особенности правового статуса секретных изобретений в РФ // Актуальные проблемы частного права: сборник научных статей. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. С. 24-34.

5. *Гатагонова Р.М.* Правовой режим секретных изобретений в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012.

6. *Городов О.А.* Правовой режим секретных изобретений // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2014. - № 12. – С. 9-16.

7. *Диане С.А., Рожнов А.В.* Перспективный аэромобильный комплекс: прорывные технологии смешанных робототехнических группировок для спасения и пожаротушения в высотных зданиях / МВТФ «Армия-2016». - Кубинка: КВЦ ВППКиО «Патриот», 2016.

8. *Легович Ю.С., Рожнов А.В., Руженцев И.О.* Интеллектуальные права и их защита при разработке прорывных технологий и компонентов гибридных интеллектуальных и интеллектуализированных систем // XV Всероссийская научная конференция «Нейрокомпьютеры и их применение». Тезисы докладов. – М: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – С. 49-50.

9. *Мосин Е.Л.* Роль и место интеллектуальной собственности при разработке автоматизированных систем управле-

ния // ИС. Промышленная собственность. – 2016. – № 7. – С. 59-70.

10. Рожнов А.В. О развитии автономных систем различного назначения: имитозащита, системная интеграция и интеллектуальное управление (введение) / МВТФ «Армия-2016». - Кубинка: КВЦ ВППКиО «Патриот», 2016.

11. Рожнов А.В., Лобанов И.А. Управление в едином информационно-управляющем поле смешанными и разнотипными группами пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов при переключении режимов их функционирования // Труды ежегодной научно-практической конференции «Перспективы развития и применения комплексов с БПЛА» (Коломна, 2016). - Коломна: 924 ГЦ БпА Минобороны России, 2016. С. 148-152 http://function.mil.ru/files/morf/Sbornik_dokladov_konferencii_bla.pdf.

12. Слепко Г.Е. О системности правового регулирования отношений в сфере прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные для нужд обороны // ЭНИ Военное право. 2017. № 5. С. 87-95.

13. Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Интеллектуальные права на интеллектуальные системы: вопросы возникновения и защиты // XV Всероссийская научная конференция «Нейрокомпьютеры и их применение». Тезисы докладов. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – С. 259-261.

14. Холопова Е.Н., Дегтярев А.В. Возможности правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения // Право интеллектуальной собственности. 2016. № 2. С. 13-17.

15. Юсупова Д.М. Актуальные проблемы правовой охраны изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, созданных в связи с выполнением служебного задания или выполнения работ по государственному и муниципальному заказу // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012, Вып. 13.

16. Яковец Е.Н. Основы правовой защиты информации и интеллектуальной собственности: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013.

***

Слепко Г.Е. Влияние правового статуса военнослужащего на его иные специальные правовые статусы

В статье рассматриваются актуальные и практически важные вопросы влияния специального правового статуса военнослужащих на возможности и условия их участия в гражданско-правовых отношениях, в частности, в семейных, наследственных, предпринимательских, корпоративных, по поводу объектов интеллектуальной деятельности и др., а также осуществления отдельных видов гражданских прав и обязанностей.

Ключевые слова: военнослужащий, правовой статус, правовое регулирование, наследование, патенты, товарный знак, предприятие, коммерческая организация, некоммерческая организация, учредитель, брак, развод, родительство.

The legal status of the serviceman and his influence on other special legal status of the person

G.E. Slepko, PhD (Candidate of philological sciences), assistant professor, Chair of Civil Law, Military University of the Defense Ministry of the RF (Moscow), psvspo@mail.ru

The article deals with the actual and practice significant themes of the legal status of the military serviceman. In the article the author discusses the urgent questions of the impact of the special legal status of military personnel on the possibilities and conditions of their participation in civil-legal relations, in particular, in family, inheritance, business, corporate, about intellectual activities, etc., as well as the implementation of certain types of civil rights and duties.

Key words: serviceman, legal status, legal regulation, inheritance, patent, trademark, enterprise, commercial organization, non-profit organization, founder, marriage, divorce, parenthood.

Библиографический список:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2000.

2. Бондаренко М.В. Факторы обеспечения законности в сфере военной службы // Военно-юридический журнал. 2014. № 2. С. 7-10.

3. Грунтовский И.И. Престиж военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации как основа военно-патриотического воспитания молодежи // Вестник Международного юридического института. – 2016. - № 3 (58). – С. 100-107.

4. Корякин В.М. Вооруженный конфликт как обстоятельство непреодолимой силы в гражданско-правовых отношениях // Военно-юридический журнал. 2015. № 1. С. 17-23.

5. Корякин В.М. Антикоррупция-2016: Приоритет – усилению контроля за соблюдением антикоррупционных запретов, ограничений и исполнением дополнительных обязанностей антикоррупционного характера // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 1. С. 4-9.

6. Кудашкин А.В. Некоторые проблемы реализации статуса военнослужащих при прохождении военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2000. № 1. С. 36.

7. Кудашкин А.В. Военная служба как особый вид государственной службы Российской Федерации // Государство и право. 2000. № 3. С. 12.

8. Кудашкин А.В. Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. – М.: Военный университет, 2001. – 340 с.

9. Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». – Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2009.

10. Чекмарев Г.Ф. Законность как фундаментальная категория правоповедения // Юридический форум: Межвузовский сборник научных трудов. – М., 2016. С. 58-70.

***

Овчаров О.А. Современные угрозы религиозного экстремизма и проблемы законодательного закрепления деятельности военного духовенства в России (вопросы совершенствования правовой работы)

В статье кратко рассмотрены и проанализированы отдельные проблемы совершенствования правовой работы в области государственно-церковных отношений при реализации командирами и военным духовенством своих полномочий в религиозной сфере и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: правовая работа, право военнослужащих на свободу вероисповедания, религиозный экстремизм, военное духовенство, военная служба.

On some problems of the military-ecclesiastical law-making in the activities of chaplains (questions of perfection of legal work). Part 2. Continued.

Ovcharov O.A., candidate of Law, chair of the military administration, the administrative and financial rights of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, o.oleg.1968@mail.ru

The article briefly describes and analyzes some problems of improvement of legal work in the area of Church-state relations in the implementation of the commanders of the military clergy and their authority in the religious sphere and possible ways of their solution.

Key words: legal work, military personnel the right to freedom of religion, the military clergy, military service.

Библиографический список:

1. Герасимов, В.В., Рудской, С.Ф., Трушин, В.В., Белоконов, С.П. Основы победы в бою: Пособие [Текст] / В.В.Герасимов, С.Ф.Рудской, В.В.Трушин, С.П.Белоконов. М.: Генеральный штаб Вооруженных Сил РФ, 2017. 22 с.

2. Баранов, В. Военные священники: зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Белорусская военная газета. № 185. 29.09.2011. URL: <http://vsr.mil.by/2011/09/29/voennye-svyashhenniki-zarubezhnyj-opyt/> (дата обращения: 19.11.2017).

3. Дамаскин, О.В. Криминологические аспекты противодействия преступности: науч.-практ. пособие [Текст] / О.В.Дамаскин. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 137.